

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ИГРА ЗА ЛИНИЕЙ ПОЛЯ

ОНИ НАЧИНАЮТ НОВУЮ ВОЙНУ

ДЖУЛИ ДЕЙС

Джули Дейс

Игра за линией поля

Серия «Игра», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67185765

SelfPub; 2023

Аннотация

Трэвис – одно имя заставляет мой желудок скрутиться крепким морским узлом. Звезда школьной футбольной команды. Любимчик моих родителей. Желанный женский трофей. Мой первый опыт. Я искренне радовалась, что нас поделили по разным сторонам страны. Так я ещё никогда не ошибалась. Трэвис остаётся звездой, сменилось лишь место. Теперь он чертов мистер Популярность университетской футбольной команды. И мы снова должны столкнуться. Мы ходим по одним и тем же коридорам. Сидим в одной аудитории. Обедаем в одном помещении. Выполняем одинаковые работы. Отныне мы ближе, чем раньше. Кажется, я готова дышать напалмом, чтобы не мучиться, потому что он снова готов ворваться в мою жизнь и напомнить обо всех совершенных ошибках.

Содержание

Плейлист	4
Пролог.Одри	5
Глава 1. Одри	14
Глава 3. Одри	30
Глава 6. Трэвис	63
Глава 7. Одри	84
Глава 8. Трэвис	97
Глава 9. Одри	111
Глава 10. Трэвис	127
Глава 12. Одри	154
Глава 13. Одри	167
Конец ознакомительного фрагмента.	199

Джули Дейс

Игра за линией поля

Плейлист

Ht bristol & charlie – Bring me black to life

Tinie Tempah feat. Eric Turner – Written In The Stars

Sean Kingston – Eenie Meenie

Deadset Society – Born Again

Zayde Wølf – El Capitan

Daniel Farrant & Paul Rawson – Keep the Faith Strong

Drake – Nonstop

The Weeknd, Gesaffelstein – Hurt You

Slaves – Prayers

Michael Schulte – Falling Apart

Daughtry – Outta My Head

Daughtry – Cry For Help

NEFFEX – Best of Me

PVRIS – Dead Weight

Zayde Wølf – Hustler

Skillet – Feel Invincible

Пролог.Одри

– Что значит ты в городе?! – спрашиваю я, но собственный голос больше напоминает ультразвук вперемешку с визгом.

– Это значит, что я в Кливленде на неделю.

Я зажмуриваюсь и начинаю восторженно пищать, как девочка-фанатка на концерте любимой группы. В дополнение топаю ногами и вот-вот умру от переполняемой радости.

– Я так понимаю, ты хочешь, чтобы я приехал, – смеётся Стив.

– Да! Да! Да! Да! Господи-Боже-мой, да!

Он звонко смеётся.

– Детка, ты первая, кто так кричит без секса.

Я распахиваю дверцы шкафа и спешно начинаю перебирать по полкам, удерживая мобильник между ухом и плечом.

– Я жду десять минут и ни секунды дольше!

– Выезжаю.

Стив сбрасывает вызов, а я вытаскиваю джинсы и топ, подпрыгивая на одной ноге, когда стягиваю пижамные шорты и влезаю в узкую ткань.

Как же я скучала по нему, по нашему безумию, по его шуткам. Серые будни, которые превратились в день сурка и переросли в рутину, кажутся бесконечными и уже поперёк горла, а ведь это моё грёбаное лето перед университетом. Безудержное веселье, прямо-таки пустилась во все тяжкие. Моя жизнь сплошное разочарование, клянусь Богом. Я не чувствую себя живой. Зомбиленд уже открыл для меня ворота.

Торопливо меняю одежду на ту, что делает меня прежней Одри и кручусь у зеркала, несколько раз собирая тёмно-русые волосы в хвостик и вновь стягивая резинку, благодаря чему они каскадом рассыпаются по плечам. Всё же решаюсь оставить распущенные. Подкрашиваю ресницы и выбираю красную помаду. Может быть, вычурно, но чертовски сексуально. Только этот оттенок способен изменить и сделать яркой, кроме того, Стив говорит, что она подчёркивает небольшую родинку над губой и делает из меня самую настоящую дьяволицу.

Я ощущаю прилив новых сил, глаза наполняются знакомым блеском.

Добавляю локонам небрежной потрёпанности и сбегая вниз по лестнице, хотя, лучше сказать качусь кубарем с грацией картошки и изяществом кошки.

– Я думала, у нас обед, – говорит мама, а когда поворачи-

ваю голову в её сторону, она супится. – Ты куда?

– Завоёвывать мир!

Она отмахивается от меня, как от назойливой мухи, зная, что такой боевой раскрас выбираю только когда приезжает Стив.

– Ты надолго? – бросает она вслед.

– До вечера.

Я выбегаю на улицу и следую к гаражу, где останавливаюсь под рулонными воротами, которые собраны наверху, и складываю руки под грудью.

Папа и Трэвис не слышат меня. Они углубились в работу и разговаривают между собой, копошась под капотом машины. Мне предоставлена великолепная возможность понаблюдать за ними ещё некоторое время, пока не засекут, а заодно отвесить вопрос, в какой из моментов Трэвис решил нагряться в гости. Когда, чёрт возьми, он приехал?

Нетрудно догадаться, к кому приклеивается основное внимание.

Свободная майка на Трэвисе полностью обнажает руки и стоит ему наклониться чуть ниже, как открывается небольшой обзор на рельефную грудь. Глупо утверждать, что он прежний. Нет, это не тот пятнадцатилетний парень, с которым зашла дальше положенного, этому парню девятнадцать, и он определённо точно знает, куда нажать и что сделать, чтобы получить положительную реакцию. Только ему известно, скольких девчонок трогали его руки, сколько улыбок он по-

дарил им, сколько комплиментов отвесил, сколько из них зашли туда же, куда и я. Я всего лишь первая, это не показатель и не гарантия быть единственной. Ему девятнадцать, и да, я определённо точно не единственная. Я одна из. Уж если на то пошло, то начихать, из скольких.

Да, я не стану отрицать очевидное: Трэвис тот ещё козел с телом Бога и внешностью модели. Проблема лишь в том, что он тоже об этом знает.

За пару месяцев, проведённых вдали от дома, он возмужал. Его взгляд стал холоднее, в нём появилось ещё больше задумчивости. Этот взгляд обжигает. Он такой же острый, как бритва, после которой порезы заживают медленно, из-за которой рана кровоточит дольше, от которой боль сильнее. Он стал выше, шире, больше. На его скулах лёгкая щетина, прикосновение к которой наверняка царапает кожу. Мышцы на его руках напрягаются, когда пальцы сжимают одну из деталей, стоит солнечным лучам упасть на них, как бронзовая кожа начинает блестеть, переливаться, сиять, как у грёбаного Эдварда Каллена. Это заставляет перекатиться с пятки на пятку. Лишь на мгновение позволяю воспоминаниям туманом застелить здравый рассудок и напомнить, каково это — быть в его руках.

Мгновение исчезает.

Парень перехватывает мой взгляд, и я не спешу сделать вид, что со свистом считаю ворон.

Дёргаю бровью, в ответ Трэвис поднимает уголок губ в са-

модовольной усмешке. Он знает, что я смотрела на него и сейчас последнее, что нужно делать – отпираться. Это не наша игра. И это не про меня. Я не собираюсь прятаться в углу, как овечка, загнанная тигром. Я всегда встречаю его с готовностью противостоять.

Стянув полотенце, которое не чище его рук, Трэвис вытирает ладони и смотрит на меня с тем же свойственным себе нахальством, вызывая приступ глазозакатывания. Взглядом предлагаю ему красную дорожку напрямую в Нахренленд и, возлагаю надежды, что сей мирок не соседствует с Зомбилендом, потому что мне плевать, собирается ли он припоминать такую мелочь весь остаток жизни. Но, если так, то мне его очень жаль. Спойлер: мне не так уж и жаль.

– Ох, котёнок, ты временами тише воды, ниже травы, – говорит папа, когда оборачивается, а его до безобразия добрые карие глаза останавливаются на мне.

Я накручиваю цепочку на палец и улыбаюсь.

– Хотела предупредить, что ухожу.

– Мы же договаривались пообедать.

– Я вернусь к ужину.

– Одри... – начинает он в свойственной отцовской манере, но мы оба знаем, что я всё равно сделаю по-своему.

Папа затихает, а моя улыбка становится шире, когда цепляю характерный мотоциклу рокот.

Поворачиваю голову и наблюдаю, как у тротуара останавливается знакомый транспорт. Кажется, я не упомянула, что

его хозяин – это обложка GQ. Что ж, теперь упоминаю.

Стив снимает шлем, и его непослушные каштановые волосы обретают свободу и взмывают в воздух. По шее ползут чернила, они прячутся под чёрной футболкой и снова показывают себя на руках. Одежда подчёркивает идеальный набор мышц, а на эти бёдра хочется залезть и никогда не сползать... такого мнения придерживаются девчонки, пускающие слюни по моему хорошему другу, с которыми можно весело провести время.

Пухлые губы растягиваются в задиристой улыбке, карие глаза находят мои и светятся озорством.

– Чертовски круто выглядишь, детка, – Стив подмигивает, а я окидываю секундным взглядом чёрные джинсы, рванные на коленях и короткий топ. Принцесса рок-н-ролла. В какой дыре вдарить року?

Моя улыбка наполняется предвкушением.

Обожаю скорость, адреналин. Обожаю ходить по обрыву. Находиться на грани жизни и смерти. Каждой клеточкой чувствовать, насколько люблю жизнь. Только в такие моменты можно понять, насколько хочется существовать. Только в такие моменты понимаешь, насколько она драгоценна и как легко её лишиться. Только в такие моменты чувствуешь себя как никогда живой, целой, бесстрашной. Той, у кого целый мир на ладони. Море по колено. Бесконечное количество возможностей.

Стив кивает, приглашая занять местечко за его спиной. С

удовольствием это сделаю.

– Одри... – снова начинает отец, но я уже отклоняюсь в сторону и кричу:

– До вечера, пап!

Я бегу к Стиву, оставляю поцелуй на щеке и забираю шлем, посмеиваясь над следом собственных губ на его коже. Он ненавидит это.

– Тьфу, твою мать, – его лицо искажается от наигранного отвращения, но парень не спешит избавляться от помады. Моя метка остаётся почти как звезда во лбу.

Стив бросает взгляд за моё плечо и усмехается.

– Хочешь, чтобы он с цепи сорвался?

– Кто? Папа? Последний раз он принёс домой раненую птицу и залечивал её крыло. У него нимб над головой побольше, чем у Иисуса.

– Я не о нём.

Я фыркаю и надеваю шлем, принимая помощь Стива, длинные пальцы которого умело находят застёжку и фиксируют под подбородком.

Его глаза снова находят мои и проникают глубже, чем хотелось бы. Он наклоняется ближе, вторгаясь в моё пространство и понижает голос, будто нас кто-то услышит.

– Он на грани, Одри.

– Получается, месть удалась.

– Это уже не месть. Ты добилась большего. Ещё немного и у парня крыша засвистит.

– Я ничего не делаю. Его сегодняшнее появление вроде неудачного сюрприза.

– Ты бросила кусок мяса в клетку хищника. Он не будет долго смотреть, рано или поздно накинется и растерзает.

– В то время мы уже будем на разных концах страны, – я многообещающе улыбаюсь.

Взгляд Стива метнулся вниз по моему телу, не останавливаясь на чём-то определённом и вернулся к лицу.

Смелый, дерзкий, уверенный. Меня всегда интересовали только такие. И Стив один из них, но где-то система дала сбой и теперь этот невероятный парень – мой друг. Пока не удалось прийти к чёткому ответу: мне жаль или необходимо радоваться. Я только знаю, что он потрясающий, как его глаза, обрамлённые густыми чёрными ресницами. Лучший плохиш с безгранично добрым сердцем на моём пути.

Спустя минуту мои ноги обнимают мужественные бёдра парня. Я просовываю руки между его и крепко обнимаю талию под косухой, поставив подбородок на крепкое плечо.

Хихикаю, когда мы стукаемся шлемами.

– Ты сумасшедшая, – улыбка в голосе Стива заставляет мою стать в пару сотен шире. – Только не вмешивайте меня в свою будущую войну. Я не хочу тройничок.

– Ты мечтаешь о нём с восьмого класса, – весело замечаю я.

– Но тебя в нём не будет. Секс портит дружбу.

Я согласно мычу, понимая, что сейчас правда не на моей

стороне.

Стив не был бы собой, если бы не поддал газу на месте, пуская едкий серый дым с ароматами жжёной резины. Мы помним дурацкую традицию и начинаем кричать, что есть силы, наполняя квартал сумасшествием. Крик перерастает в смех, а в следующую секунду мотоцикл срывается с места. Мы оставляем после себя эхо.

Сердце оживает и начинает трепетать от восторга, получая желанные импульсы адреналина. За это ощущение наполненности отдам душу.

Глава 1. Одри

Я вставляю ключ в замочную скважину и пытаюсь открыть дверь, с огромной сумкой на плече и рядом стоящим чемоданом, который ожидает черёд разместиться в новом шкафу одной из комнат кампуса и начать пылиться неизвестное количество времени.

Мои попытки быстро завершаются, когда дверь открывается с другой стороны.

Девушка с густыми огненно-рыжими, да ещё и завитыми волосами, встречает меня застенчивым взглядом. В следующую секунду в насыщенно зелёных глазах появляется страх, как будто из-за поворота выскочила фура и заставила застыть на середине дороги, ослепив фарами. Проходит несколько секунд прежде чем она предпринимает попытку заправить локон за ухо, словно таким образом пытается выйти из ступора, а я изучаю россыпь веснушек на носу и щеках.

Её личико кажется таким детским: наивные огромные зелёные глаза; чёрные длинные, но редкие ресницы; идеальная фарфоровая кожа, на которой каждое пятнышко пигментации выглядит чётче; высокие и острые скулы; пухлые губы, по-настоящему пухлые и напоминают сердечко. На хрупких плечах висят тоненькие бретельки лифчика и майки свободного кроя, ноги облачены в чёрные лосины. Клянусь, если бы на ней было платье с рюшками, то можно смело полагать, что передо мной живая кукла.

– Привет, – говорю я, заглядывая за её плечо, а следом перевожу взгляд на блестящий номер комнаты. – Полагаю, мы соседки.

Её губы приоткрываются, вылетает едва уловимый вздох, и девушка отступает в сторону.

– Тут... – слишком тихо говорит она, указав на дверную ручку: – Похоже, она сломана.

Я не нахожу ничего лучше кивка.

Девушка переминается с пятки на пятку, тогда всё становится как никогда понятнее. Во-первых, знакомство с меня. Во-вторых, она ужасно скромная. В-третьих, предпочитает быть тише воды, ниже травы, как любит говорить папа, если незаметно подкрадываюсь со спины. В-четвертых, мы, кажется, две противоположности. Бойкая, прямолинейная и бесстрашная я – тихая, застенчивая и закрытая соседка.

Я протягиваю руку и представляюсь:

– Одри.

С опаской, но принимая мою ладонь, девушка отвечает взаимностью:

– Лав.

Я коротко улыбаюсь, чтобы она расслабилась и не смотрела на меня с таким ужасом, словно представляю смертельную болезнь, которая поглотит её в два счёта.

Нахожу свободную кровать и, подхватив ручку чемодана, протаскиваюсь вместе с ним в комнату, сбросив балласт с плеч в виде сумки.

Настоящая удача, что не умерла где-то до того, как поднялась по лестнице на третий этаж. Хороший толчок к осознанию, что нахожусь в ужасной форме и уже с завтрашнего дня возобновляю утренние пробежки. Отныне это мой этаж в общежитии для первокурсников. Моя новая комната, кровать и соседка. Хотелось бы жить с Ви, но с тем же успехом можно жить в коробке из-под телевизора, учитывая крошечную квартиру её тётки, которая умотала во Францию на год и любезно предоставила квадрат, чтобы поливать цветы. В Нью-Йорке любое место, где есть стены, крыша, дверь, окно и все блага современной цивилизации – на вес золота. Настоящее чудо, что в новой квартирке Ви помещается диван, как спальное место, телевизор, небольшой кухонный гарнитур с отсеком барной стоки, который ещё является обеденным и рабочим столом, душ и унитаз. Если там нас будет двое, то спать придётся друг на друге, а это честь, удел и прерогатива Максвелла. К слову, он тоже не соседствует с ней. Тётуш-

ка действительно просила жить там в одиночестве. Боюсь, Коди осквернит феминистическую ауру квартиры лишь одним своим мужским началом.

Я осматриваюсь и прихожу к заключению, что в комнате нет ничего из разряда «неожиданно».

Две кровати, парочка письменных столов, прикроватные тумбочки, один шкаф и в том же количестве узкий, но высокий комод. Зато стены выкрашены в белый и кажутся свеженькими, словно летом был ремонт. В общем и целом, всё не так плохо, как можно предположить, разве что мало пространства, но это, надеюсь, не доставит неудобств. Кроме того, мне нравятся высокие и широкие деревянные изголовья кроватей, формирующие что-то вроде треугольника. Находка для шариковой гирлянды, которую притащила из дома.

Лав возвращается к своим вещам, которые выложила на кровати и приступила наполнять два нижних ящика комода. Но стоит ей взять одну из стопок одежды, как девушка оборачивается и смотрит на меня.

– Я заняла пару нижних, ты же не против? Если хочешь, можем поменяться. Я могу переложить в верхние, а ты займёшь...

– Нет, не против, – улыбнувшись, обрываю я, потому что такой аналитической цепочкой можно уйти куда-нибудь далеко и надолго. – Я не привереда.

Она криво улыбается, по крайней мере, расцениваю это как улыбку, и снова возвращается к одежде.

– Не против музыки? – предлагаю и в то же время спрашиваю я.

Лав устремляет взгляд в мою сторону и медленно кивает.

– Ты же знаешь, что не обязательно молчать? – осторожно интересуюсь я. – Мы можем прожить вместе четыре года, если так сложатся обстоятельства. Можешь не скромничать и дать свободу всем внутренним демонятам сразу.

Она прикусывает губу, словно размышляет или решается задать вопрос, но не набирается необходимой смелости.

Клянусь, это будут самые долгие четыре года моей жизни, если отныне на ближайшее будущее соседкой стала амёба. Звучит грубо, но не могу подобрать никакого другого названия её молчаливости, ведь вербальные способности явно присутствуют. Конечно, сразу нахожу плюсы: никто не будет трепаться тогда, когда этого не хочется. Может быть, судьба сделала подарок? Что ж, странный подарок, потому что и Ви не бесконечная надоеда-говорилка. В первую очередь, я безгранично ценю лучшую подругу за то, что она не задаёт лишние вопросы и знает, где нужно промолчать. Во-вторую, потому что с ней хоть куда, а не только в дальний отсек библиотеки, чахнуть за книгами.

Ох, библиотека.

Губы инстинктивно поднимаются в полуулыбке, хочется рассмеяться, но сдерживаю порыв.

От моей лучшей подруги, оказывается, можно ожидать чего угодно. Но я одобряю до тех пор, пока вижу, что она на

седьмом небе. И не одобряю, как только вижу мордашку в стиле он-разбил-мне-сердце. Если Максвелл хочет жить, то в его интересах напрямь задницу и делать её чёртовой счастливницей, какую только можно вообразить. У него нет других вариантов.

– А как могут сложиться обстоятельства в другом варианте? – тихо узнаёт Лав.

Я возвращаюсь в реальность и останавливаю внимание на новой соседке.

– Если кто-то из нас не обзаведётся парнем и не решится рожать ему детишек уже через месяц знакомства.

Щёки девушки заливаются румянцем.

Ну, да, конечно. Лав мне-то едва отвечает, странно, если взбодрится и начнёт трещать при парнях. Хотя, у некоторых есть подобная черта. Ви, например, порой выдавала Максвеллу такие триады, что волосы вставали дыбом. Как вспомню, так плакать и смеяться хочется. При чём одновременно.

– Отлично, – я хлопаю в ладоши. – Думаю, мы только что пришли к негласному, но единому мнению.

– У тебя нет парня? – ох, эта девушка удивляет вспышками инициативы к продолжению диалога.

– К счастью для нас обоих, его нет.

– И ты...

Я вопросительно поднимаю бровь.

– Ну... не планируешь?

– Не буду загадывать, – ободряюще улыбаюсь, чтобы не

спугнуть её. – В любом случае, прежде чем привести его сюда, я спрошу у тебя.

Удивление искажает детские черты её личика.

– Спросишь *у меня*?

– Да, – я жму плечами. – Это ведь не только моя комната. Будет правильно знать и твоё мнение, прежде чем приглашать гостей.

Губы Лав вытягиваются в удивлённой «О», а следом появляется благодарная улыбка.

– Спасибо, Одри.

Я киваю и первым делом вытягиваю из чемодана небольшую колонку, включив музыку.

– Одри? – зовёт меня соседка.

Я поворачиваю голову, предварительно приняв позу по-турецки, чтобы приступить за распаковку чемодана, и выжидающе смотрю на девушку.

– Мне нравится твой музыкальный вкус, – смущённо произносит она.

– Это моя любимая группа, – подмигиваю ей.

Возможно, всё не так запущено, и Лав не интровертный интроверт.

Глава

2

. Одри

Качнув бёдрами, улыбаюсь стене. Да, знаю, со стороны звучит и выглядит как будто я душевнобольная, что ж, всё не так. Я намереваюсь сделать свою сторону подстать себе. Черта с два она останется такой скучной. Я выбрала яркие цвета. В то время как половина комнаты остаётся нейтральной и в какой-то степени слишком *взрослой*, я выбираю что-нибудь из разряда броского. Мне далеко до кабинета с дипломами и медальками, развешанными на стене.

Собираю волосы в хвостики и сдвигаю кровать, тумбочку и небольшой рабочий стол на половину, принадлежащую Лав.

Стена – мой холст. Я могу делать всё, что в голову взбредёт. И застелив пол кучей ненужной бумаги, не раздумывая, сую кисть в баночку с жёлтым и с размаху оставляю на поверхности взрыв жёлтого. Капли краски рисуют подтёки, а я не жду, следующая баночка и тот же взмах оставляет кляксу синего. Выкрикивая слова песни, начинаю смеяться подобно безумному учёному, выпуская пар и заодно добавляя скучному пространству немного радости. Себя.

За час мой шедевр в корне меняется. Стена пестрит яркими кляксами, а бумага на полу залита краской.

В отличие от меня, Лав уже официально стала студенткой, незаметно и бесшумно улизнув на лекции так, что я даже не слышала утренних сборов. И это не удивительно, ведь она собралась со вчерашнего дня, даже одежду повесила на спинку стула, приготовившись максимально тонко. Боже, насколько мы разные, потому что я копошусь и готовлюсь утром. Бубню, ругаюсь, разговариваю сама с собой, на пути завтракая и выпивая кружку сока или кофе. Я буду самой ужасной в мире соседкой. Стерпеть меня могла разве что Ви, но моей лучшей подруге так и не суждено было стать моей соседкой. Клянусь, она радостно перекрещивается.

Кардинальное и бесповоротное решение было принято в последнюю минуту. Я осознала, что не хочу связывать жизнь с актёрством в тот самый момент, когда увидела Ви и насколько тяжело это даётся. Сколько сил и энергии уходит. Кажется, она по меньшей мере десять раз выглядела похуже зомби, а тёмные круги под её глазами уже стали ежедневным спутником. В моей жизни беспорядок, но я желаю тихой гавани хоть в чём-то. Такой выбор пал на будущую специальность. Телевидение? Да. Актёрство? Нет. Телеведущая? Да. Может быть, когда-нибудь dorасту до того самого мною произнесённого: «Доброе утро, Америка» в кругу коллег.

Мечтать не вредно. Вредно не мечтать.

Я завершаю свои творения и привожу комнату в порядок,

когда возвращается Лав. Она удивляется, видя преображение, но ничего не говорит, а я надеюсь, что за самоуправство никто не отшлёпает по заднице на красном ковре заведующего кампусом. И я вовсе не удивляюсь, когда не ощущаю должной усталости, поэтому крайний свободный день решаю скрасить чем-то более приятным, нежели тусовка на кровати в гордом одиночестве.

Сомкнув губы, чтобы равномерно распределить помаду, я поворачиваюсь к Лав, которая обложилась учебниками.

– Моя лучшая подруга сейчас не в городе, не хочешь развешаться?

Она поднимает голову и с сомнением таращится на меня.
– Я?

Я обвожу взглядом комнату и останавливаюсь на соседке.

– Тут больше никого нет, кроме тебя и меня, так что да, ты.

– Спасибо за приглашение, но...

– Но ближайшие несколько лет собираешься тухнуть с учебниками тут, а потом на работе и малюсенькой квартирке в Бруклине?

Её лоб рассекают морщинки, когда Лав хмурится.

– Просто это только начало года, было бы хорошо...

– Только не говори подготовиться к учёбе, – рассмеявшись, перебиваю я.

Девушка неуверенно жмёт плечами.

Да, совершенно точно могу сказать, что она собиралась

провести весёлый вечер с учебниками. Кого-то это удивляет? В такие мгновения начинаю ценить лёгкость на подъём свойственный Ви. Конечно, не в её репертуаре скакать по барной стойке в короткой юбке (и не в моём тоже), сверкая всеми прелестями, но она никогда не отказывалась повеселиться.

Я перекидываю пряди через плечо, делаю несколько оборотов вокруг собственной оси и в завершение, улыбаюсь отражению. Мне нравится, что видят глаза. Самовлюбленно? Мне плевать.

Скажите чёрному корсету на объёмных лямках да. Скажите брюкам с высокой посадкой да. Скажите туфлям да. Скажите красной помаде да. Что в совокупности это даёт? Выпивка за счёт подкатившего парня. И ещё одно да: я ничем не остаюсь обязанной. Он угостил, может быть, заинтересовал, мы выпили, пообщались, но на этом всё. *Пока-пока, приятно познакомиться.*

— Ладно, как хочешь, — я жму плечами и направляюсь к дверям.

Черта с два останусь дома и буду готовиться. Лицом в учебники упаду завтра, а сегодня можно развеяться. Всегда должно быть время на себя и сейчас то самое *время*. Это же грёбанный Нью-Йорк, а не захудалый Камден.

Я выбираю бар с названием Home Sweet Home неподалёку от местной достопримечательности — Elizabeth Street.

Глаза погружаются в тёмный интерьер, стоит только пе-

реступить порог. В разных сторонах помещения с потолка свисает несколько винтажных люстр из хрусталя, проку от них практически нет. Никчёмный источник света, хотя выглядят довольно эффектно. Над столиками, подпёртыми к стенам, нависают массивные абажуры настенных светильников, рассеянный красный свет бросает тени на кирпичную кладку. Складывается впечатление, что это не декоративные примочки, а самый настоящий кирпич, из которого возведено здание. Под кожей вибрирует музыка, которую за небольшим микшерным пультом крутит ди-джей, его ритм ловят тела присутствующих, основная масса которых сгустилась возле длинного деревянного бара у самой длинной стены напротив входа. Полки заставлены бутылками с различными этикетками, но почему-то бармены к ним не прикасаются, а вытаскивают из-под стойки. Они кружат от одного к другому, и уже спустя пару минут, толпа заметно уменьшается, разбегаясь по уголкам заведения.

Я нахожу свободное местечко, усаживая свою пятую точку на кожаную поверхность высоко стула и подзываю одного из работников жестом.

Парень возрастом двадцати пяти тут же оказывается рядом и склоняется ближе.

– Ширли Темпл, – произношу я, чтобы он услышал. К счастью, нет необходимости перекрикивать музыку так, что откажут голосовые связки.

Он посылает мне кивок и улыбку, могу предположить, что

через час согласится продать бокал с алкогольным коктейлем. Чутьочку терпения и флирта.

Я наблюдаю, как руки парня умело выполняют свою работу, стараясь не показывать тоску, чтобы кто-то не заглотил наживку и не причалил к моему берегу. И до некоторых пор действительно казалось, что получается, как рука, которую вытянула вперёд, согревается под теплом чужого тела.

– Привет, красотка.

Проклятие, по пути к бару удалось передумать и решить, что вечер посвящаю только себе, поэтому нуждаюсь во внимании в последнюю очередь.

Нарочито медленно поворачиваю голову на звук голоса. Стоит заметить, что голос приятный, ровный, уверенный. Но ничего не выйдет. Я уже готовилась сказать «спасибо, не заинтересована», как слова теряются где-то на полпути к выходу изо рта.

Глаза цветом темной карамели, встречаются с моими. В зрачках вижу собственное отражение и блики, ореолом огибающие мой силуэт. Его русые волосы небрежно растрёпаны и торчат в разные стороны так, что, запустив в них пальцы, можно поиграться с прядями. На оливковой коже тени, которые отбрасывают нависающие над головами люстры. Острые скулы выделяются на выточенном лучшими скульпторами лице. Мой взгляд смело скользит по чёрной водолазке, собранной в локтях и кажется второй кожей на подтянутом теле. На запястье замечаю тонкий браслет из той же черно-

ты, обе стороны которого соединяются с помощью серебристого Х. Его пухлые губы с дразнящей V-образной ямочкой растягиваются в белоснежной улыбке, полагаю, из-за моего ступора.

Симпатичные парни обычно козлы, поэтому посылаю незнакомцу взгляд «отвали» и снова отворачиваюсь к бару.

– Черт, а так всё хорошо начиналось, – он смеётся, и это один из самых приятных и красивых звуков.

Именно так всё и начинается. Они подкатывают. Одаривают самой очаровательной улыбкой, следом отвечивают комплимент, подмигивают и всё, ты клюнула, попалась, повелась.

Я иду против системы.

– Не трать время впустую.

– Ты – это не трата времени впустую.

Почему при сказанном так сжимается сердце, но разуму абсолютно наплевать? Ответ есть, но не хочу озвучивать.

– В любом случае, дуй мимо.

– Митч, – представляется он, и я бросаю на него весьма многоговорящий взгляд.

– Я не спрашивала.

– А я не ждал.

– Не заставляй меня повторять ещё раз.

– Я увидел тебя, как только зашёл, – продолжает он, ни капли не удивляя настойчивостью. Обычно отвязаться от таких можно только одним способом: трахнуться с ними в туа-

лете. Этого тоже не было в планах.

– Круто, – равнодушно отзываюсь я, продолжая сверлить взглядом бармена, который как раз ставит передо мной коктейль.

Я благодарно улыбаюсь и получаю подмигивание.

По стеклу узкого, высокого бокала соблазнительно бежит струйка. Насыщенный красный на дне, градиентом тянется вверх и тускнеет, становясь прозрачным. Соломинкой размешиваю лёд и, обогнув губами, втягиваю холодную, бодрящую жидкость.

Мой новый компаньон не прекращает попытки завязать разговор. Боковым зрением вижу, что он кивает куда-то в сторону.

– Я тут с друзьями.

Ведь нет ничего удивительного, что я не отвечаю?

– Ты можешь дать свой номер, и мы увидимся где-то в более тихом месте. Но есть ещё один вариант: ты присоединишься к нам.

Я тяжело вздыхаю, чтобы показать, насколько равнодушна к продолжению диалога и тем более совместном времяпровождении. Этим вечером почему-то совершенно не хочется заводить новые знакомства, а вот в присутствии кого-то знакомого не откажусь. Клянусь Богом, скоро могу набрать номер Максвелла и предложить присоединиться, ведь с Ви он точно быть не может. Её ещё нет в городе.

– Послушай, мне не интересно. Давай сделаем вид, что

всё получилось, мы познакомились, приятно поболтали, возможно, даже обменялись номерами и пришли к обоюдному решению *когда-нибудь* увидеться?

Он широко улыбается.

— Будь уверена, я достану твой номер.

Незнакомец отдаёт воинскую честь двумя пальцами у виска и спиной пятится к толпе, в которой растворяется.

Я шутливо закатываю глаза, обогнув губами соломинку и потягивая коктейль, возвращая внимание к бармену, который вмиг оказывается рядом, как только толпа клиентов рассеивается. Кажется, ему доставляет особенное удовольствие протирать бокалы напротив меня. Любопытно, с той интенсивностью, с которой он натирает стекло, что можно представлять?

Но мы даже не успеваем заговорить, потому что музыка резко замолкает, оглушая внезапной и непривычной тишиной. Толпа высказывает недовольство с помощью гула.

Меньше минуты, как она снова возвращается. И не просто возвращается. Песня Бибера, мать вашу! Очень знакомая песня юного Бибера! Все, кажется, не верят услышанному, я в том числе.

Спустя пару секунд слышу знакомый голос. Этот же голос недавно настаивал на знакомстве.

Глава 3. Одри

– Чтоб я сдохла... – ошарашено шепчу себе под нос, когда вижу Митча. Митча на другом конце длинной барной стойки с микрофоном в руках.

Коктейль едва не брызжет через нос, вовремя срабатывает реакция, и я распыляю его во все стороны. В это время парень плавно движется по барной стойке прямо ко мне со словами куплета:

– Ну же, детка, подойди, посмотри в мои глаза. Не нужно рассуждать, я – твой правильный ответ.

Я закрываю рот свободной ладонью, чтобы за это время не успела залететь какая-нибудь мелкая живность, и ошарашено пялюсь на Митча.

Он останавливается и присаживается на корточки рядом. Парень нависает надо мной. Его лицо напротив моего, жар тела окутывает моё, торжественная улыбка, с которой поёт,

вынуждает фыркнуть от смеха и расхохотаться так, что слёзы бегут по щекам. Он вытягивает бокал из моих рук, ставит его на бар, спрыгивает на пол и протягивает ладонь. И я без раздумий принимаю приглашение.

Держа высоко наши руки, он проводит меня в самый центр, закружив под импровизированным мостиком, и очаровательно улыбается, продолжая петь. Его рука привлекает к себе, ползёт по талии, обнимает в области живота и прижимает к груди. Мы находим единый ритм и смеясь, делим микрофон, продолжая петь под свист толпы, которая тоже забылась и растворялась в музыкальных вибрациях.

Без сомнений, он достал мой номер.

Песня завершается под громкие овации публики. Митч отклоняется от меня лишь на секунду, возвращая микрофон ди-джею, который тут же перехватывает внимание толпы словами:

– А теперь музыка для взрослых мальчиков и девочек!

Ладонь, от которой исходит тепло, ложится на поясницу, касание не приносит неловкость или неприятные ощущения, наоборот, переживаю такие эмоции, будто вскарабкалась на пик Эвереста. Сердце стучит от радости, бабочки в животе, такие забытые, почти умершие, просыпаются. Всё благодаря ему.

Митч заставил меня улыбаться так широко, что скулы болят, всего лишь спев дурацкую песню, разве можно остаться равнодушной? Сомневаюсь.

Чем можно купить девушку? Одной улыбки мало, а вот когда дело касается слёз в три ручья от смеха – другой разговор.

Он перехватывает официантку и что-то говорит ей на ухо, уже через пару шагов мы останавливаемся около столика с шестью парнями. То есть, сегодня я буду в кругу семерых парней. СЕМЕРЫХ.

Боже, мама, я умерла.

Боже, папа, да храни твои нервы.

Боже, да здравствует грёбанный рай!

Очень хочется набрать номер Ви, предложить присоединиться, но кроме того, что она ещё не прилетела, лучшая подруга стала предателем. Бросила меня одну в свободное плавание, потеряв голову и напрочь лишившись интереса к другим парням. Свободная и занятая подруга – хуже дуэта не придумать.

Я окидываю взглядом присутствующих и немного меняю ранее сказанное: семерых симпатичных парней. Чертовски симпатичных. Кстати, парочка из них – сногшибательно привлекательные близнецы с небесно-голубыми глазами. Гены, создавшие сочетание золотистых волос; глаз, цветом чистейшего неба; точёных черт лица с острыми скулами, покрытыми лёгкой щетиной; должны были уйти в отрыв на неизвестное количество времени, чтобы отпраздновать собственное творение.

Ох, Иисус, ты балуешь меня, как никогда ранее.

Шесть пар глаз обращается к нам, вот тогда-то испытываю неловкость. К ним присоединяются седьмые, под этим взглядом готова растечься лужицей, ощущая спокойствие, уют, защиту. И если в голубизне глаз близнецов кроется множество айсбергов, то в тёплых карие Митча лишь слабый, ласкающий кожу ветерок. Такой ветер бывает только на берегу океана в солнечные дни. Мой корабль мог пойти ко дну, если бы тело имело свойство краснеть.

Парень, занимающий ближайший к нам край дивана, растягивает губы в усмешке и шутливо бьёт Митча в предплечье.

– Ну, ты и засранец, – его синие как Марианская впадина глаза, останавливаются на мне: – У нас мужской вечер, но всегда можно сделать одно красивое исключение.

Я посылаю ему взаимную улыбку.

– Можешь называть меня бро, братишка, братан, чувак, чувачела, друг, друган, приятель, кореш и всё в этом духе.

– Фу, никогда не назову своего другана красивым исключением.

Я бросаю взгляд на Митча, который начинает расталкивать парней, освобождая место для нас и, посмеиваясь, комментирует:

– Ты и не так называл, когда укладывал твою пьяную задницу в кровать.

– О, да ладно, чувак! Всего один раз было!

Митч снова касается моей поясницы и подталкивает в

центр. Я буду окружена мужскими телами на U-образном диване, и чтобы припудрить носик, должна проползать под столом. Но это явно не заботит, потому что проскальзываю к освобождённому месту, пока Митч позади припоминает грешки друга:

– Ты кричал, что тебя похищают и звал на помощь маму. Даже пятилетки так не ноют.

Парни раздражаются гоготом, и я тоже смеюсь, замечая, что незнакомец закатывает глаза, тем самым, подтверждает сказанное.

– Я сегодня не пью, – он тут же накатывает шот и широко улыбается. – Много.

– Представь свою ненаглядную, – просят парни.

Я кошусь на Митча, который протягивает что-то вроде «э-э-э» и стучит указательным пальцем по подбородку. В конце концов, он говорит:

– Принцесса.

И в один голос с ним это делаю я:

– Он не знает моё имя.

Парни подшучивают над Митчем, и я тут же бросаюсь защищать его честь и достоинство:

– Он был настойчивым, а меня трудно сломить, – перевожу взгляд на Митча и искренне улыбаюсь ему: – Как видите, у него получилось. Одри, меня зовут Одри.

– Мне больше нравится принцесса, – жмёт плечом один из безымянных близнецов. Он подмигивает мне, но при всей

игривости мимики, не улавливаю кокетливые волны: – Оден.

– Джон, – кивает его полная внешняя копия.

Я ёрзаю по кожаному диванчику и переглядываюсь между парнями.

– Думала, вам дадут что-то похожее, вы же, чёрт возьми, одинаковые.

Прищурившись, я решаюсь развлечься.

– А вы везде одинаковые?

Парни начинают хохотать.

– Мы никогда не задумывались об этом, принцесса, – сквозь залиvistый смех, отвечает Джон. Он прижимает ладонь к животу и добавляет: – Чёрт, ты вольёшься. Согласен называть тебя приятелем.

Парень подставляет громоздкий кулак, и я салютую по нему своим.

– Ты неподражаема, – соглашается с ним Оден.

Я жму плечом и признаюсь.

– Общение с засранцами и не такому научит.

Официантка, которую Митч несколько минут назад остановил по пути к столику, ставит передо мной новую порцию коктейля. Я благодарю её кивком, а взгляд девушки задерживается на парне, имя которого ещё не узнала.

Зелёные глаза блестят так, как будто он уже нашкодил и только ждёт, как поймают и отлупят по заднице. Я таких знаю. Такие любят внимание, когда их превозносят до уровня божества; они снисходительно смотрят на других, обожа-

ют, когда их желают, даже если это будет потушенная об лоб сигарета, главное, что ещё недавно она была выкурена его пухлыми, покрасневшими, как то самое яблоко из райского сада, губами. С такими опасно связываться, они загубят тебя и всё живое вокруг. Они хотят, чтобы их любили, холили, лелеяли, но не готовы ответить взаимностью.

Но я признаю ошибку, как только парень открывает рот.

– Тогда я выбираю бро.

– Ты выглядишь, как я-разобью-тебе-сердце-но-ты-только-и-мечтаешь-об-этом.

Он обольстительно улыбается.

– Внешность обманчива, – он поднимает стакан с жидкостью, цветом виски, и проглатывает содержимое одним махом, так и не поморщившись: – Саймон.

Шок отражается на моём лице, и парень объясняется, указав на пустой стакан.

– Это сок.

Я, недоверчиво прищурившись, забираю его стакан и нюхаю.

Моя вторая ошибка. Он действительно выпил сок.

– Ладно, ты умеешь удивлять.

– Чед, – представляет парень, назвавший Митча засранцем, как только мы подошли. – Я выбираю чувак. Мне нравятся чуваки.

Я посылаю ему свою самую лучшую из улыбок.

– Звучит двояко, но мы же в современном толерантном

обществе, принимающем все замашки.

– Я не гей, – он посмеивается. – Мне нравятся чуваки с грудью и киской.

– В Таиланде таких много, – поддразниваю я. – Мальчишник смотрел? Помнишь красотку, которая спустила Стю в задницу?

Парень кривится, а сидящие по обе стороны Оден и Саймон, пихнув Чеда, закатываются громким гоготом.

– Твою мать, я люблю тебя! – заявляет Саймон.

– Я твой бро, звучит мерзко.

– Чёрт, почему я к тебе не подкатил? – улыбается Джон, встретив средний палец и насмешку Митча:

– Потому что ты тормоз.

Следом он представляет двух парней, которые предпочитали помалкивать или смеяться до той поры, пока дело не доходит до них.

– Майкл и Нейт.

Клянусь, ещё никогда не встречала блондинов, точнее, встречала, но не с таким светлым цветом волос, если, конечно, они не крашенные. Оттенок его глаз можно описать с трудом. Они серые, голубые, синие, но спустя мгновение прихожу к одному мнению: бирюзовые. Такие краски можно увидеть лишь на островах, берег которых омывает океан. Абсолютно невероятные. Практически невозможные. Совершенно невообразимые. Их обрамляют такие же белые ресницы. Такую неординарную внешность ещё поискать нужно. Ему

прямой путь в моделинг, хоть и без идеально подтянутой формы. Парень не массивный, но и не болезненно худой.

– Остановлюсь на Одри, – обнажая вежливую полуулыбку, кивает Майкл.

– А мне понравилось принцесса, – говорит его сосед с именем Нейт.

Тёмно-карие глаза, в глубине которых тонет зрачок, тлеет что-то похожее на уголёк, который может устроить стихийное бедствие. Он запускает пятерню в длинные каштановые волосы и пробегается по ним, они тут же рассыпаются назад, едва касаясь плеч. Никогда не любила подобную длину у парней, но Нейт заставляет передумать.

На его руках играют мышцы, когда парень обхватывает бокал и делает глоток, смею предположить, пиво.

– У вас тут тусовка моделей? – оглядываюсь я, Джон, занимающий место по левую руку, безусловно, обольстительно подмигивает. – Где ваша страшная подружка?

– Хотелось бы сказать, что мой брат наша ЖУПА¹, но это во вред себе, – шутит Оден.

Я поднимаю бокал и делаю глоток, понимая, что в коктейле нет алкоголя, но, честно говоря, это ещё раз заставляет проникнуться к Митчу доверием и симпатией.

– Спасибо, что без горьких добавок, – тихо благодарю я.

Его взгляд встречается с моим, даря новое ощущение безопасности. Рядом с ним ощущаю себя как за каменной сте-

---

¹ Аббревиатура жирной уродливой подружки из фильма «Простушка»

ной. Несмотря на оживших бабочек, пульс остаётся в пределах нормы. С ним спокойно, он как баня. Знаю, слишком рано говорить такие громкие слова, но это именно то, что дарит его компания: уверенность.

Он жмёт плечом.

– Подумал, что ты вообще можешь не пить или не переносишь алкоголь.

– Как предусмотрительно, – по-доброму дразню его.

Я поворачиваюсь к Джону.

– И как часто он поёт незнакомым девушкам?

– Вообще-то ты первая, ради кого он страдает подобной хернёй, – посмеивается Джон и тут же запрокидывает голову назад, проглатывая новую порцию спиртного.

Рюмка из-под шота издаёт звон, когда он ставит её на стол, а я улыбаюсь и перевожу взгляд на Митча, который стучается кулаком с Оденом и звонко над чем-то смеётся.

Странно, что в кругу малознакомых парней чувствую себя как рыба в воде. Настолько своей в доску, будто мы знакомы не меньше сотни десятков лет. Если BabyCorn² действительно существует, то это многое объясняет. Мы определённо точно были чокнутой компанией там, возможно, делили одну соску.

Я полностью расслабляюсь и внедряюсь в общество, где успела стать *чуваком*, *бро*, *приятелем*, *принцессой* и остаться

---

² BabyCorp – корпорация из мультфильма «Босс-молокосос», специализирующаяся на производстве детей.

собой. На мгновение чувствую себя сутенёршей, когда ловлю женские взгляды. Они все заинтересованы в парнях, но я – их помеха зайти чуть дальше. Ох, это чертовски утомительно наблюдать. Парни на самом деле обращаются со мной как с принцессой, как с дорогим хрусталём, который достают лишь по праздникам и особым случаям. Они шутят, но их шутки не оскорбляют, не задевают, не дискредитируют. Я искренне веселюсь, делаю совместную фотку, где улыбаюсь камере, а они наигранно смотрят на меня, как на восьмое чудо света. Мы дурачимся и танцуем под Дрейка и схожий репертуар. Я упиваюсь сладкими коктейлями так, что кажется, словно каждый был с щепоткой алкоголя.

В конце концов, из бара мы вываливаемся ввосьмером, так и не подхватив каких-нибудь девчонок.

Я уже хочу попрощаться и направиться в сторону кампуса, как мою руку перехватывает Митч и останавливает.

– Ты не пойдёшь одна, Одри, – твёрдо произносит он, из-за чего «спасибо, я сама» будет жалким брюзжанием. К нему подключаются близнецы Джон и Оден, в унисон друг другу подтверждая:

– Согласен.

Они переглядываются и ударяются кулаками.

Саймон открывает заднюю дверь высокого и массивного джипа, кивая головой, тем самым, предлагая мне занять место:

– Ну же, бро, мы заслужили доверия. Если не довезём, то

проводим пешком прямо до кровати. Все *мы*, а если доведём, то у тебя есть возможность избавиться от нас намного раньше.

Я издаю смешок.

– Я живу в кампусе, вас не пустят.

– Поверь, нас никто не остановит, – заверяет Нейт. – Мы и сказку на ночь прочитаем, ты какие предпочитаешь?

– С лысым из бразерс.

Парни заливаются хохотом. Сердце ёкает, потому что за короткое время знакомства, я действительно прониклась к ним доверием. Они были добры, приветливы и мягкие по отношению меня. Дьявол, да у меня даже наша общая фотография имеется! Лучшая, чёрт возьми, фотография!

– Ладно, но окна будут закрыты, – сокрушаюсь я, проskalзывая в салон машины. – Не хочу, чтобы кто-то видел меня в кругу семерых парней.

– Кто бы мог подумать, – проказничает Джон. – Тебя заботит чьё-то мнение.

Я наигранно закатываю глаза.

– Ну, знаешь, не все применяют мозги по назначению, а я не хочу, чтобы в первый день в мою сторону тыкали пальцами и говорили, что я участвовала в групповухе сразу с семью парнями на парковке кампуса. Давайте начнём хотя бы с четверых?

Я окидываю их быстрым взглядом.

– Вас же четверо в машине? Или вы приехали сюда все-

мером на коленях друг друга?

Чед кладёт ладонь на сердце.

– Обижаешь, я только по тайским девкам.

Глава

4

. Трэвис

– Проклятие, ты действуешь мне на нервы, – выдохнув, принимаю смятый клочок бумаги из рук Уилла и, прищурившись, целюсь в урну.

Придурок довольно ухмыляется, упав на спинку дивана и раскинув руки по обе стороны, потому что только что отыграл парочку баксов.

– Косорукость – это не приговор.

Я бросаю на него раздражённый взгляд.

– И что, по-твоему, приговор?

– Маленький член.

– Сразу видно, что ты нихрена не слышал про чудеса лигаментотомии, – говорит Рэй, развалившись в кресле-мешке в позе владельца нефтяной компании.

Я улыбаюсь.

– Но ты-то уточнил и узнал обо всех тонкостях.

В следующую секунду в меня устремляется пустая банка колы, но со свистом пролетает мимо. Ловко уворачиваюсь и смеюсь, а ещё через мгновение, клочок бумаги испаряется из рук. Его перехватывает Максвелл и, повернувшись спиной, делает успешный бросок. Шарик попадает в цель.

Он огибает диван и падает рядом, протянув ладонь и пошевелив пальцами.

– Трёхочковый, с тебя три бакса.

Трёхочковый – так мы называем бросок спиной, оставаясь за диваном. Баскетбольные правила тут не действуют, у нас свои. Во-первых, на деньги. Во-вторых, почувствовать превосходство. В-третьих, от нечего делать.

– Пошёл ты, тебя не было в игре.

– Опять ноешь, Кросс, – веселится Уилл. – Может, потому что тебе тоже нужна... как её там?

– Лигаментотомия, – подсказывает Рэй, поиграв бровями.

– Мы мылись в одном душе несколько лет, – учтиво напоминаю ему. – Снимай штаны, освежим память.

– Нет, так это не работает, – Рэй разводит руками. – Если и измерять, то только в боевой готовности.

Максвелл рядом брезгливо кривится и фыркает.

– Вы не будете измерять свои причиндалы в боевой и не боевой готовности в нашей гостиной. Уединитесь где-нибудь, можете даже сразиться на мечах.

Рэй протягивает руку и сжимает колено Коди, смотря на него с деланным сожалением.

– Понимаю, это задевает за больное, но мы только что пришли к выводу, что это не приговор. Главное качество, а не количество. Работоспособность, продолжительность, манёвренность. В конце концов, ты всегда можешь задействовать пальцы. А если ещё и первый, то ей просто не с кем сравнивать. Считай, уже у руля...

Я разражаюсь гоготом, как и Уилл, а в Рэя летит пульт до того, как он договорит. Гарантирую, Максвелл ещё миллион раз пожалеет о выдвинутом предложении.

Попасть в университеты одного штата – это ли не чудо? Мне и Рэю повезло больше, потому что вдвоём в Нью-Йоркском, Коди поступил в грёбанный Колумбийский и скоро об этом очень пожалеет, если перечислять минусы и плюсы, Уилл не нарадуется Бостонскому колледжу. Итого: Максвелл на факультете бизнеса; я начну осваивать телекоммуникации; Рэй предпочёл археологию (до сих пор сомневаюсь, что в тот момент он был трезв и адекватен); Уилл выбрал сценарное мастерство (и это тоже охренеть, как странно). Из нас так себе помощники друг другу. Но кое-что всё же объединяет: один дом. Дом, который во владениях отца Коди, и который он может использовать на протяжении работы в

лидирующей строительной компании бесщётное количество времени. Никто из нас не ожидал подобного предложения со стороны Максвелла, мы или его девушка? Мы, но после того, как она отклонила предложение. Да и к чёрту, мы не гордые. Виктория часто отсутствует в городе и, таким образом, дом будет практически пуст, а её обучение в режиме нон-стоп перелёт—съёмки—перелёт—учёба—перелёт и так до бесконечности, напоминает страшный сон. Девчонка втянулась и осваивает актёрскую жизнь, пятьдесят процентов её присутствия равны пятидесяти отсутствия. Отношения по половинке? Да это про них. Отношения на расстоянии? То же про них. Отношения «Хатико»? И это туда же.

Подобные мысли заставляют проследовать за Коди, когда он уходит рыться в холодильнике.

Я стягиваю с полки коробку сока и с минуту изучаю его лицо, пока он ставит кастрюлю на плиту и достаёт из ящика пачку спагетти.

— Как давно вы виделись? — спрашиваю я, опираясь поясницей на гранённую поверхность темно-серого, почти чёрного, кухонного гарнитура со всеми новейшими прибабками и заковырками. Прямо-таки мечта любого шеф-повара.

Коди не поднимает глаза, приступив к жарке бекона, но отвечает:

— На прошлой неделе.

— Ты видел свою девушку на прошлой неделе?

— Да.

– Ты же понимаешь, к чему это приведёт?

Он наконец-то отрывается от сковороды.

– К чему? – в голубых глазах светится предостережение, но я не буду собой, если не начну выстреливать в лоб.

– Вы не виделись неделю, это называют отношениями?

– У них плотный съёмочный график.

– И?

– И надо подождать ещё две, чтобы всё наладилось, – спокойно отвечает он, вновь взявшись за готовку. Что ж, ещё один плюс: из нас четверых Максвелл умеет управлять ножом и готовить что-то съедобное.

– Она не может выделить тебе пару минут?

Коди напрягается, я вижу это по играющим мышцам тела. Его брови встречаются на переносице, как будто он сам не верит собственным убеждениям.

– Она *может* выделить мне пару минут, – натянуто про-износит приятель.

– Тогда в чём проблема?

Вспышка в его глазах не предвещает ничего солидного. На шее начинают играть жевалки, стоит только заикнуться про Викторию.

Упомянуть о ней то же самое, что подписать смертный приговор. Он оборачивается в сторожевого пса и показывает острые зубы. Ничто не способно вывести его так, как нездоровый интерес к ней. К ним. И так с того самого дня, как у них что-то там закрутилось, он чётко и по факту излагал и

отстаивал всё, что касается их. Ничто не заставит его поменять мнение, разве что сама Виктория. Можно даже поаплодировать стоя подобной щенячьей верности.

– В том, что съёмки в Калифорнии, Кросс. Вот в чём проблема. Если ты собрался подкидывать идеи для ревности или будущей ссоры, то не утруждайся. Не получится. Я доверяю ей, она доверяет мне. Всё просто.

– Ты ворвался в студенческую жизнь с отношениями. Говёрное решение.

Коди легко перестраивается, теперь на его лице появляется тень улыбки. Чертовски довольной улыбки, словно он уже обыграл меня в моей же игре.

– Конечно, ведь намного лучше кинуть девушку, которую любишь, в которой уверен. Обязательно нужно потратить время на мимолётных, чтобы *погулять*, а потом осознать ошибку или понять, что *пир* завершён, можно обратно. Попытаться вернуться, но... ох и ах, местечко под солнышком уже занято тем, кто понял это раньше. Она не будет ждать тебя, Трэв.

Я дёргаю бровью.

– И к чему это? Не припоминаю, чтобы кого-то потерял.

– Продолжай повторять это, может быть, однажды получится убедить себя. Меня ты до сих пор не убедил.

– Максвелл, иногда страшно находиться с тобой на одном квадрате, вдруг воткнёшь карандаш в сонную артерию. Я не всегда понимаю твои стилистические обороты.

Он бросает взгляд через плечо, полагая, чтобы убедить-ся, что Уилл и Рэй сосредоточены на игровой приставке и создании дыр в диване, после вновь возвращает ко мне.

– Обожаю вот это, – он расправляет плечи и насмешливо произносит: – Твоё отрицание очевидного.

– Очевидного только для тебя.

– Вики говорила, что она с кем-то познакомилась. Се-чёшь, чем пахнет?

– Психотерапевтом для тебя и твоей шизы?

– Или волосами, которые *ты* будешь рвать на заднице.

– На твоей?

– На своей. Знаешь, когда ты реально что-то поймёшь? Поймёшь, что что-то чувствуешь?

Коди не ждёт моего согласия. Он продолжает:

– Когда она приведёт кого-то на один из совместных ужи-нов. Когда будет смеяться над его шутками. Когда ты будешь видеть, как она смотрит на него с влюблённым блеском в гла-зах. Когда будешь наблюдать за их обжиманием, тисканьем. Когда будет краснеть, пока он что-то шепчет ей на ухо. Кто знает, куда это приведёт?

Я хлопаю его по плечу и смеюсь.

– Хорошая попытка, я почти расплакался. Можешь повто-рить всё Уиллу? Он запишет и сделает вставку в сценарий очередной мелодрамы.

Коди ничего не отвечает, возвращая внимание к готовке. Я прилагаю титанические усилия, чтобы не начать оспари-

вать всё ныне сказанное им. Больше всего на свете ненавижу принимать его правоту. Жить с чувством, что он способен влезть мне в голову и под кожу, каким-то волшебным образом вытягивая на поверхность то, что спрятал в самый дальний уголок.

Одри, будь я проклят, Брукс.

Между нами ничего нет. Но всё в порядке было до тех пор, пока мы не переступили запретную линию. Пересекли точку невозврата. До тех пор, пока не поддались искушению, потеряли бдительность. До тех пор, пока не дошли до помутнения рассудка.

Говорят, всегда помнишь своего первого, на то он и есть «первый». Я был у неё первый. Она была у меня первой. Это была глупая ни к чему не обязывающая и ничего не обещающая «дружеская помощь», кроме того, до тупости смешная помощь. Только после такого секса понимаешь, что для успеха требуется опытный партнёр, а не такой же профан. Странно, ведь получилось. Помощь, которая всё разрушила, да и друзьями мы никогда не были, всего лишь условности. Родители пытались нас сдружить и, наверно, в какой-то степени свести. Я никогда не питал к Одри глубокие чувства, хотя она всегда относилась ко мне доброжелательно. Её приветливость была ровно до фразы: «Это ничего не значит». С тех самых пор я копал себе могилу. С того дня исчезла дружелюбная Одри. Появилась новая. Та, в чьих глазах пляшет дьявольский блеск, собирая настоящий шабаш. Та, что

день ото дня расцветала совершенно по-новому, раскрывалась с другой стороны. Та, греховная и дикая часть её натуры начала всё ярче и ярче выражаться в характере, одежде, внешних чертах лица и, со временем, привлекательных изгибах. Да, чёрт возьми, она поменялась. Буйный нрав и бунтарство вырвались наружу. Показали не милую девушку, а ту, кто положит на лопатки, прижмёт грудь каблуком и зловеще улыбнётся. Эта девушка возненавидела меня и влюбила в себя мир.

Но это не самое главное.

Самое главное, что я начал что-то чувствовать. Было уже поздно. Она ненавидела меня, и я не нашёл ничего лучше взаимности. Она всё-таки бесценна.

Временами действительно испытываю это прожигающее, всепоглощающее мрачное чувство. Ощущение, которое порождает неприязнь ко всему живому на планете по одной крошечной причине: Одри не принадлежит мне. Принадлежала ли? Сомневаюсь. Она никогда не была моей, я никогда не был её. Произошедшее ни стоит относить даже к жалкому опыту. А вот к провалу очень даже.

В задницу это.

Я борюсь с собой. Получается неплохо, я на пути к победе или как можно назвать то, что удаётся выжечь собственную память. Надеюсь, расстояние ещё одно верное решение. Надеюсь, отсутствие встреч за ужином и где бы они ни происходили, убьёт то, что пытаюсь стереть в пыль уже четыре го-

да. Со временем гнётся даже самый прочный металл, нужно лишь поддать жару. Да, я немного приукрасил успешные попытки, но кто-нибудь когда-нибудь слышал о чудесных свойствах самообмана? Самовнушения? Это, вашу мать, реально работает. Представьте, что оставили включенным утюг, не закрыли дверь, оставили чайник на плите – как ВАУ – вы уже ни о чём другом подумать не можете. Ваша грёбаная задница пылает. Мой метод работает примерно также.

Она. Мне. Не. Нужна.

Почему так уверен? Потому что до сих пор как-то обхожусь без её присутствия в моей жизни. Потому что до сих пор она никогда не выбирала меня. Любое живое существо, но не я. Вернёмся к бесценной взаимности.

Я. Не. Выбираю. Её.

Стоит быть честным до конца и признать очевидное: портить её сладкую жизнь мне всё равно нравится, игнорируя внутренние разногласия. Я многое отдам, чтобы молнии Одри метала именно в меня. В этом состоит наша маленькая ненормальная игра. Мы любим ходить по острию ножа.

Глава

5

. Одри

Первая влюблённость.

Первый поцелуй.

Первый секс.

Всё под «первым» мне приходится отнести к одному человеку. Человеку, которого сейчас ненавижу всеми фибрами души. Даже тут он стал первым.

Трэвис – первый, кого я возненавидела.

Трэвис – первый, кто не стал для меня чем-то больше зарубки на кровати, как и я для него.

Что ж, я на славу постаралась, чтобы эта зарубка каждый раз оставляла занозу под его кожей, всего лишь став лучшей версией *плюшки*. Ему досталась тростинка, ломающаяся под слабым ветром, сейчас я – убойный титан.

Но в эту самую секунду тучи над головой сгущаются. Они серые, мрачные, опасные, потому что грёбанный Трэвис прямо передо мной.

Чёртов Дьявол во плоти выбрался из преисподней и жарится на солнышке, купается в лучах славы и внимания. Такую дешёвую любовь можно купить на Амазон, уверена, где-то в каталоге завалилось многомиллионное количество подобных предложений. Куча наштукатуренных, наштигован-

ных ботексом и опилками тел, сплошь и рядом, палец поднимать не надо, чтобы позвать к себе. Полагаю, Трэвис не поднимал. Аукцион невиданной щедрости с красными табличками «скидка» кружат вокруг него.

Я отворачиваюсь к витринам прежде чем он заметит меня, хотя раньше никогда не пряталась. Да и прячусь ли сейчас? Вряд ли. Всего лишь попытка избежать его общество до того, как это станет невозможным. Родители, вероятно, забыли упомянуть, что мы поступили в один университет. С удовольствием узнаю причину, почему такой сюрприз без подарочной коробочки и бантика.

Какова вероятность, что вы окажитесь в одном университете страны? Ничтожно маленькая. Тогда какого черта мы всё же в одном?

Я до последнего держала собственный выбор под секретом даже от родителей. Один из двух предложенных вариантов. Я остановилась на Нью-Йорке: городе на другом конце страны. Какого грёбаного хрена выбор Трэвиса упал именно на него? Именно на мой? Почему не Бостон? Чикаго? Сан-Франциско? Да что угодно, вариантов выше крыши! Это подстроено или судьба веселится, показав наличие чувства юмора? Потому что если это шутка, то отнесу данный юмор к чёрному. Дерьмовому чёрному юмору.

Сожаление накрывает волной.

Как же чертовски сильно жалею о том, что отказалась от предложения Ви. Мы могли вместе поступить в театральное,

но я выбрала телекоммуникации, в последний момент решив, что актёрство – это не то, с чем хочу связать будущее. Мне по душе быть ведущей. Надеюсь, когда-нибудь пригласят на церемонию вручения наград и именно я отдам своей лучшей подруге Оскар за лучшую женскую роль.

Я обвожу взглядом просторное помещение с кучей раскиданных круглых обеденных столов, за которыми оживлённый трёп, как птичье чириканье с наступлением весны. Эти люди беззаботны, расслаблены и увлечены, они не подозревают, что рядом тикает бомба, готовая в любую секунду рвануть, устроив фееричное, мать вашу, шоу.

Расстёгнутый ремешок на туфлях заставляет опуститься вниз, чтобы вернуть его в необходимое положенное. И стоит юркнуть вниз, как перед глазами возникает парочка ног. Мужских ног. Я не тороплюсь лицезреть их хозяев. Не спеша справляюсь с первоочередной задачей, ради которой присела на корточки, и только после мирюсь со скудным положением дел.

Пару секунд изучаю кроссовки, после медленно поднимаю глаза, скользя по чёрным джинсам с потёртостями на коленях подтянутых длинных ног, следом по белоснежной ткани футболки с небольшой вышитой надписью *хакакири* в области сердца, поверх которой накинута серебристая ветровка и наконец-то встречаюсь с серыми глазами, оттеняющими одежду. Эти глаза всегда имеют разный оттенок и настроение: темно-серые, когда он зол; дымчатые относятся к

задумчивости; светло-серые выражают нейтральность; горящие и блестящие, перелив которых сравним с серебром – нож, например, который он метает в мою сторону, как бумеранг. У меня непереносимость каждого оттенка. Серый вызывает тошноту. И вот, харакири готовлюсь сделать себе.

Трэвис смотрит на меня сверху вниз. Я пытаюсь понять, в каком он расположении духа, но ещё его глаза умеют выражать то самое «ничего не получится». Он закрыт. Добавьте к вышеупомянутому списку непроницаемый оттенок – графит. Такой цвет означает нечитаемость.

Его каштановые волосы заметно отросли и сейчас несколько непослушных прядей падают на лоб, едва ли, не залезая в глаза. Мне хочется рассмеяться, согнувшись пополам, когда представляю его с хвостиками, но подавляю желание и прогоняю забавные кадры из головы. Это никогда не произойдёт. Не с нами. Скорее Земля сойдёт с орбиты, чем случится прозрение, и мы наконец-то обменяемся цветными браслетиками дружбы, заплетём друг другу косички и будем рассекать улицы с переплетёнными в локтях руками.

Я первой прекращаю игру в гляделки.

– Как охренительно ты смотришься на коленях, – присвистывает слабоумный дружок Трэвиса, на которого бросаю подавись-своим-членом взгляд.

Высокий. Светловолосый. Зеленоглазый. Широкоплечий. Самодовольный. Надменный. Я тут же делаю выводы. Собственно, они сами напрашиваются. Козел из элиты с дороги-

ми игрушками, обычно, такими же имбецильными девушками с пудингом вместо мозга.

Его глаза поднимаются вместе со мной, оценивающе скользя по телу и останавливаясь на некоторых местах. Стоит ли говорить, на каких именно?

Зелена наполняется похотью.

– И? – игнорирую безымянного дебила и обращаюсь к Трэвису, который принялся изучать меня. Его молчание способно свести с ума. Я предпочитаю язык Трэвиса. Не буквально. Но предпочитаю. Его молчаливость – худшая из реакций.

Я щелкаю пальцами прямо у носа парня.

– У тебя вопросы? Потому что у меня тоже найдётся парочка.

– Это твоя бывшая? – вмешивается тот же кретин, которого Трэвис награждает взглядом «заткнись» и следующее он выплёвывает так, будто противна одна мысль, что могу быть его бывшей. К слову, я не его бывшая. Одноразовый секс не делает нас бывшими. Ничто не делает.

– Нет.

– Я взяла пить, – раздаётся голос Лав.

Она останавливается рядом и переключается на парней, после чего вновь возвращает внимание ко мне. На её щеках возникает румянец, из-за чего рыжие волосы становятся ярче. В огромных зелёных глазах возникает ужас, как будто она готова с криками убежать в закат. Уже не секрет, что Лав

максимально стеснительная и тихая. Парочка напротив нас заставляет её паниковать, а ведь с ней ещё даже не заговорили. К счастью, у неё есть я. Вот же везение.

– Спасибо, – я с улыбкой благодарю новую соседку и отворачиваюсь от Трэвиса и его обделённого интеллектом товарища. К чёрту его и его игру в молчанку.

Очевидно, университет может стать новым полем боя. На этот раз, только я и он. Но вот одно *но*: мы в разных корпусах (ведь так?). Как только закончится ремонт в основном здании кафедры, мы будем заходить в разные двери. По крайней мере, возлагаю надежды. Раз уж мы оба тут, нас хотя бы могут разделить здания. Терпение всегда вознаграждается. А я, видит Бог, была терпеливой очень долгое время. Да Брайан Берг меркнет на моём фоне.

– Что ты тут делаешь, Брукс? – наконец-то оживает Трэвис. От звука его голоса холодок пробегает по позвоночнику. И нет, это не возбуждение, это неприязнь, основанная на тщеславии придурка.

Я не поворачиваю голову, потому что отныне быть вежливой нет необходимости.

Где твой воспитание? – мягко спросила бы мама.

Родная, ты же девушка, – мог упрекнуть папа.

Да мне насрать, – делаю заявление я.

– Это очевидно, – коротко отвечаю вслух.

Трэвис кладёт ладонь на поднос, который снова хочу потянуть по ленте с продвижением очереди на кассе, тем са-

мым, вызывая раздражение во мне и недовольные возгласы студентов, кто стоит за его спиной. Он не торопится рассылаться извинениями и сдвигаться с места, хренов эгоист.

– Чем руководствовалась? Мои выбором?

Невероятно, ему удалось это сделать: рассмешить меня!

Я начинаю хохотать по-настоящему и на этот раз поворачиваю голову. Ударяю его по руке, избавляясь от капкана, и сдвигаю поднос.

– Боже, Трэвис, если бы я руководствовалась твоим выбором, то сейчас могла быть на другом конце света.

Окинув парня скупающим взглядом, добавляю:

– Но ты тут, я тут, почему бы нам не сделать друг другу одолжение и прикинуться незнакомцами. Ок?

Лицо Трэвиса застилает ещё более мрачная гримаса, чем прежде. Он переплюнул самого себя. Этот оттенок его глаз до сих пор не имел описания, но я придумаю.

Ок.

Иисусе, даже не знаю, что он ненавидит ещё больше, чем короткое «ок». А всё, что ненавидит Трэвис – люблю я. Ничего не могу с собой поделать, огромное удовольствие выводить его из себя. Это как один из смыслов жизни.

– Ок, – резко гаркает он.

Я дёргаю бровью, предлагая катиться на хрен. Но разве он следует моим указаниям или принимает предложение?

Трэвис склоняет голову к плечу. Его холодные глаза продолжают изучать меня, как щупальца Дейви Джонса, утаски-

вающие в темноту и задающие последний вопрос: «Ты боишься смерти?». Трэвис способен парализовать тело, сердце и душу, как яд Василиска. Но не мою. Нельзя войти в одну реку дважды. Как-то меня уже ударило. Шибануло так, что отлегло.

– Кросс, ты из детского садика «Тормозок»? Избавь меня от себя.

Его губы изгибаются наподобие улыбки. Она фальшивая до самой последней капли.

– Кое-что никогда не меняется, – с издёвкой замечает он.

Трэвис делает шаг ближе, и вот он уже заслоняет массивной фигурой свет. Несмотря на то, что выпрямляюсь, высоко задираю подбородок и имею каблуки в три дюйма, Трэвис остаётся выше. Диапазон моего зрения – его губы. Не тешу хрупкое самолюбие придурка, изучая их изгиб, а встречаю тяжёлый, пропитанный антарктическим морозом, взгляд. Придурок не заденет меня, а если и заденет, то обязательно справлюсь.

– Ты нарушаешь личное пространство, Трэвис, что пытаешься доказать? – огрызаюсь, продолжая размышлять: – Превосходство над девушкой?

Он наклоняется к моему уху так, что губы касаются мочки, от чего кровь закипает. Его аромат смешивается с моими духами. Он несёт в себе уверенность, силу, мощь, непоколебимость, масштабность. Он чёртова Атакама, которую без раздумий пересеку, отряхнусь и пошагаю дальше, убивая

жалкую мольбу остаться от внутреннего «я». В этом зыбком, жарком, сухом, Богом забытом месте погибаешь мучительно, а она наслаждается каждым коротким вздохом, каждой крошечной болью, каждой капелькой пота, каждой мечтой о глотке воды.

Глубокий, хриплый шёпот врежется в мой слух:

– Никак не можешь стать хорошей девочкой, а? Правильные парни предпочитают правильных девочек.

Я отклоняю корпус назад и бросаю секундный взгляд на его товарища, который то ли под впечатлением, то ли наслаждается зрелищем, после возвращаю его к парню напротив.

– Если ты правильный, то я с удовольствием буду неправильной. Даже больше. Я стану самой неправильной, самой худшей из всех, чтобы никогда не подвергнуть сомнению один неоспоримый факт: отсутствие твоего интереса ко мне.

В глазах Трэвиса отражается насмешливый блеск, словно я только что призналась ему в любви.

– Кто сказал, что я никогда не интересовался тобой? – отвешивает он, касаясь носом моих волос и втягивая их аромат так, что, клянусь, я больше ничем не пахну. Эта игра, которую он внезапно затеял, погубит его. Обещаю.

К счастью, Трэвис наконец-то решает уйти, даже на такой ноте. Меня интересует только дистанция между нами.

Фыркнув,двигаю поднос по ленте и расплачиваюсь за обед, аппетит к которому умер также быстро, как сверкнула молния. Зевс потерял корзинку со своим вооружением, и её

нашла я, иначе как ещё можно описать те раскаты ярости, которые издаю шипя?

Вы настолько сильно меня ненавидите, небеса?

Я плюхаюсь за свободный стол так, что содержимое в тарелках подлетает в воздух, делает тройное сальто и приземляется с грациозностью лучших синхронистов, не издав бульканья.

– Ты как? – с опаской интересуется Лав, тыча вилкой в лист салата.

Даже меня выворачивает от той улыбки, которую показываю.

– Роскошный день для того, чтобы наложить на себя руки. Что предпочитаешь: бритва или верёвка?

– Кхм... это же шутка? Я ещё привыкаю к твоему чувству юмора.

– Разумеется, это шутка. Единственное, что я могу сделать из-за Трэва – не сползать с унитаза всю ночь.

Она еле-еле может улыбнуться, а я снова задумываюсь, как тяжело нам будет вместе. Пока Лав витает в облаках из наивности, застенчивости и парочки косичек, за которые подёргает милый парнишка, я брожу по *грешной* земле, собирая то, что можно счесть за оружие. Трэвис всегда заставляет меня выкупить всю соль в супермаркете и создать защитный круг от нечисти, которой сам же является.

Из мрачных мыслей выводит сообщение от Митча.

Темнота рассеивается.

Добро побеждает, как во всех диснеевских сказках.

Я улыбаюсь, когда открываю присланный снимок двух билетов в кино. Следом получаю: **Один для тебя. Ты не можешь отказаться, потому что я уже их купил.**

По-дурацки хихикаю и ловлю обескураженность на лице соседки, но игнорирую. Согласна в её голове остаться слегка поехавшей на фоне биполярного расстройства. Не удивлюсь, если вечером в комнате от неё останутся только пустые ящики и ветер.

Пальцы уже стучат по клавиатуре, набирая: **Ещё не поздно вернуть их в кассу и бежать от меня без оглядки.**

От Митча получаю подмигивающий эмоджи, и новое сообщение снова вызывает улыбку: **Я бегу без оглядки, но за тобой.**

Я с теплотой вспоминаю вечер в его компании и понимаю, что отказ равносителен преступлению. У меня нет причин ни идти равно так же, как и не возникает желание сказать «нет». Всё внутри голосит твёрдое и уверенное «да». Я не полоумная дура, чтобы упускать достойного парня. До тошноты насытилась клишированными придурками.

Митч пел, что он – мой правильный ответ. С этим не поспоришь. Он чертовски правильный ответ.

Глава 6. Трэвис

– Это сраная шутка, – проговариваю я, когда на горизонте, обтянутая джинсовой тканью, пестрит аппетитная задница Одри.

Именно эту задницу хочу и не хочу одновременно. Именно её, черт возьми, узнаю из тысячи других. Это моё проклятие. Срань Господня, да даже если завяжут глаза и скажут отыскать её без прикосновений, клянусь, тело само подскажет, где вишенка Одри. Её волосы, собранные в конский хвост, качаются подобно маятнику, и вот, ты уже выкатываешь язык и создаёшь лужу слюней, на которой скоро сам поскользнёшься и свернёшь шею. Я почти уверен, что сделал это несколько тысяч раз, когда наблюдал её на поле в короткой юбке чирлидерши. Отстойно признавать, но да, я ждал наши игры с нетерпением.

Рэй озирается по сторонам.

– Ты о чём?

– Ни о чём.

Но говорю это слишком поздно. Его взгляд находит конечную точку моего.

На губах придурка растягивается широченная улыбка. Его карие глаза сияют подобно коньячным бриллиантам. Ставлю на кон собственный член, Рэй ещё никогда не был таким радостным при встрече знакомого лица. Он и практически вся сборная школьной команды были готовы стянуть штанишки и предложить запрыгнуть на них, стоило ей появиться. Уже представляю масштабный фейерверк, который увидят в Кливленде, когда об этом узнает Уилл. Каллоуей вроде создателя её фан-клуба, главенствующий в этом дрянном, слюнявом, пропитанном похотью заведении. Стоит ли упомянуть, что несколько недель подряд кровь из ушей билась фонтаном, потому что он без умолку трещал о свиданиях. Совсем спятил.

Рэй отклоняется вслед за Одри, но я останавливаю его, ухватит за ворот футболки и оттащив в обратном направлении.

– Не вздумай, – рычу ему.

Уголок губ приятеля дёргается.

– А то что? Включишь старшего братишку?

– Я не её грёбанный братишка.

– Вот именно, Кросс, – он хлопает меня по плечу. – Вся твоя мишура с тем, что она тебе *как сестра* устарела, придур-

май что-нибудь новенькое, а то я начинаю разочаровываться.

Рэй снова предпринимает попытку добраться до Одри.

Но, ах-ох, очередная неудача.

Я отшвыриваю его в сторону, хотя скалу, которой он успел стать, тяжело сломить. Рэй врывается в кучку парней, и они, видя его физическое превосходство, не торопятся возникать и предъявлять претензии. Слабые духом ублюдки. Они могли задержать его, тем самым, дав несколько драгоценных секунд, чтобы Одри затерялась среди студентов и коридоров здания.

– Что из сказанного ты не догнал? – понизив голос до предостерегающего, спрашиваю я, ведь это единственный вариант остановить апокалипсис.

Рэй прищуривается, и спустя полминуты его озаряет самая гениальная мысль. Какими тернистыми путями он следовал, чтобы прийти к заключению? А самое главное – как долго?

– Дай угадаю, «она мне как сестра» изначально было дерьмом собачьим?

Я решаю пойти другим путём.

– Ни ты, ни Уилл, ни кто-либо другой не трахнете её. Это ясно?

Рэй тоже не промах.

– Я должен был догадаться ещё в баре, когда ты оттаскивал её от чуваков с радугой из задницы. Какого это, Трэв?

– Какого – что? – натянуто интересуюсь я.

– Дерьмово, если ты включил дебила, – заключает Рэй, и его глаза по-новому загораются. – Теперь меня интересует как давно... Вот черт, нет, не только это.

Он скрещивает руки под грудью, крошечная улыбка бродит по его губам.

– Как у тебя крыша не поехала, когда Уилл бегал с ней на свидания, его же не заткнуть. Давай, Кросс, скажи, что я прав и тогда не буду лезть. Слово не скажу и приближаться к ней не буду. От тебя только две буквы.

– А, может быть, ты пойдёшь на хер?

– То есть, я могу сказать Уиллу, чтобы он усрался от счастья? – Рэй вытягивает мобильник из кармана джинс и снимает блокировку, на низком старте готовясь начиркать Ларсону радостную весточку. Сплю и вижу, как последующие пару говняных лет слушаю, как он снова заливает про их свидания.

Я дёргаю бровью, предлагая Рэю тот же сказочный вариант с длинным и толстым хреном.

Логика вышла из чата.

Рэй не медлит. Он нажимает на экран и прислоняет мобильник к уху, с торжеством на роже, ожидая ответ. Мне приходится сохранять самообладание до той поры, пока его рот не откроется, желая отвесить новость.

Я открываю свой на долю секунды раньше.

– Да.

Та улыбка, которая расползается по губам приятеля, что-

то из разряда будущего запора для меня. Я очень пожалею об этом. Знаю, что пожалею. Но что остаётся? Я не готов слушать трёп Уилла ровным счётом так же, как и отдавать Одри кому-то ещё. Она может сколько угодно бегать по свиданиям, но мы оба знаем правду. По крайней мере, я знаю, с тараканами Одри ещё предстоит найти какую-то связь и объяснить, что к чему.

– Максвелл, ты знал, что наша загадочная принцесса с ума сходит по лучшей подруге твоей девчонки?

Я поднимаю руку и показываю средний палец.

Мудак взял меня на слабо и у него, черт возьми, получилось. Но несмотря на это, чувствую небольшое облегчение. Я никогда не соглашался с Коди, и вряд ли требовалось, говнюк имеет особенную проницательность и наблюдательность. Ему не нужны доказательства или подтверждение, он видит. Раньше никто не замечал по одной простой причине: я и Одри никогда не были на расстоянии вытянутой руки. Нас всегда разделяло футбольное поле, обеденный стол, даже сейчас разделяют коридоры университета. Я не знаю, где она живёт. Не знаю, какое выбрала направление. Не знаю ровным счётом ничего. Что ж, это поправимо лишь с помощью одного звонка.

Рэй продолжает улыбаться, когда слушает Максвелла, но я вырываю мобильник из его рук и прижимаю к уху.

– Прикинься мёртвым, – говорю придурку, который в ответ закатывает глаза, после чего обращаюсь к Коди: – Даже

не думай каждый раз упоминать об этом и тем более упрекать. Я не хочу обсуждать это.

– Твоё право, – спокойно доносит он. – Хочешь смотреть, как она ходит с кем-то на свидания, то валяй.

Я закрываю глаза и сжимаю телефон так, что он издаёт жалобный треск.

– Ты ничего не знаешь.

– Да, не знаю, ради чего ты так стелешься, что такого сделал, но продолжай. Кто знает, возможно, делаешь одолжение вам обоим. Отключаюсь, у меня тренировка.

– Стой, – неожиданно выпаливаю я.

– У тебя пара секунд.

– Где она живёт?

– В кампусе первокурсников.

Он сбрасывает вызов, а я вбиваю мобильник в грудь удовлетворённого самоубийцы.

– Это было сложно? – интересуется Рэй.

– Поцелуй меня в задницу.

Мудак начинает смеяться, а я направляюсь в сторону выхода, зная, что скоро вернусь в эти стены.

Не то, чтобы я был из разряда тех двинутых прилежных студентов, которые желаю быть вездесущими, вписывая свою фамилию в каждое окошко вне учебных занятий, но в футбольную команду и новостной канал всё-таки вписал. Если уж и быть где-то, то только там, где заметят и там, что относится к специальности. Черта с два присоединюсь к круж-

ку по вышиванию. Крестики могу поставить только на календаре и те до выходных, чтобы каждое утро убирать по одному и радоваться, что есть дни, когда не приходится сползать с кровати, а из соседней спальни разносятся измученные стоны из-за болей в голове.

– У меня дела, – сообщает Рэй тогда, когда двигаюсь по забитой машинами парковке.

– У меня тоже.

Кликаю по брелку и слышу отзыв железной крошки.

Отец миллион раз проклял меня, перегоняя её в Нью-Йорк. По крайней мере, это читалось в его глазах. Весьма редко можно услышать, чтобы я просил о чём-то, именно поэтому согласие было получено без лишней возни. На деле, сам мог прогнать её по трассе, устроив небольшое путешествие, но порой родители трясутся над чем-то без дела. Отрубите мне голову, если отец и мама водят лучше. За три года вождения на лобовом стекле не мельтешил штраф, чего не сказать о них.

Ещё несколько секунд наблюдаю, как Рэй пересекает пешеходный переход и теряется в толпе прохожих, после чего падаю в кресло и завожу двигатель.

Безумно хочется навеститься в гости, и я не отказываю себе в подобном желании.

На уголке десятой улицы расположилось семнадцатизэтажное здание Бретани Холл, где я уже однажды бывал. И нет, это не был прогулочный тур по университету. И да, это бу-

дут весёлые поиски. Три часа на то, чтобы на семнадцати этажах найти нужную дверь. Каковы шансы заглянуть к уже знакомой девчонке на новый огонёк? Маленькие. Я помню, где она живёт. Каковы шансы наткнуться на неё в здании? Велики. Я ушёл по-английски и наверняка при встрече за это расплачусь как минимум пощёчиной и как максимум собственными яйцами. Каковы шансы найти там Одри? Мизерные. У университета до хрена общежитий, спасает только тот факт, что они делятся по курсам. В дерьмовом случае, придётся прогуляться по таким местам, как Годдард Холл, Рубин Холл, Фландерс Холл и ещё как минимум десять подобных. Ох, это будет та ещё задачка. Сложите их все и поймите, что обойти придётся как минимум сотню этажей, постучать в тысячу дверей, услышать «нет» ещё в десять раз больше. Есть вариант сжечь их все и найти заветную иголку. Я им пользуюсь.

Спустя три гудка, раздаётся голос миссис Брукс, чему я, конечно, непременно рад.

– Трэвис? – удивляется женщина, и за это её трудно винить. Количество моих звонков можно сосчитать на пальцах одной руки и приравнять к нулю. – Что-то с Одри?

Отлично, они знают, что мы в одном городе и более того, в одном университете. Охренительно. Полагаю, из-за шока она не сразу здоровается, но исправляется спустя мгновение:

– Здравствуй.

– С ней всё в порядке, – ещё бы, задница Одри сегодня

передала мне пламенное прощание сама того не понимая.

– Фух, – выдыхает женщина и становится намного приветливее и бодрее: – Я могу чем-то помочь?

О, ещё как!

Я постукиваю большим пальцем по рулю и улыбаюсь.

– Забыл отдать ей учебный план. Она не берёт трубку. Где её можно найти?

Моя улыбка становится по-настоящему зловещей, когда получаю необходимую информацию и миленько прощаюсь, получив ещё дюжину пожеланий хорошего учебного года.

О, да, это будет прекрасный год! Чертовски, мать вашу, великолепный! Моя рыбка прямо на ладони, и раз уж мы тут, я не готов отпускать её в свободное плавание.

Моя предусмотрительность оставляет машину на соседней стороне дороги во избежание Одри, которая может заметить её на парковке. Я не готов делать снисхождение и предоставлять возможность сбежать. Не знаю, пришла ли она или же придётся подождать, потому что готов к обоим вариантам. Я приехал в нужное место по счастливой случайности, остаётся только подняться и воспользоваться услугами её кровати, находясь в режиме ожидания. Почти уверен, огромным плюсом будет соседка. С удовольствием познакомлюсь с ней.

Уже когда открывается дверь, в корне меняю мнение.

Этот напуганный взгляд, который появляется, застав меня на пороге, становится в разы больше с каждой последую-

щей секундой. Точно такой же был при первой встрече. Она любого шороха шугается.

– Я к Одри.

Девушка отпрыгивает как от открытого огня, когда прохожу мимо и изучаю небольшую комнату. Палец о палец ударять не приходится, чтобы понять, чья сторона обжита моей рыбкой.

Краска на стене пёстрых цветов, знакомая гирлянда по изголовью кровати и как ещё одно доказательство – её любимые духи на тумбочке. Мои, кстати, тоже. Этот цветочный аромат сопровождает её по меньшей мере два года. Одри читается лучше любой книги, а найти её не так и трудно. Это один из плюсов и минусов.

Девчонка, накинув фланелевую рубашку поверх майки, мямлит что-то наподобие «надо идти» и уже спустя мгновение вылетает из комнаты, как от роя пчёл, несущихся за ней. Я фыркаю и лишний раз убеждаюсь, что ненавижу подобный типаж. Таким словно скажи, они замертво рухнут, а тебя обвинят в убийстве. Ей бы уверенности поднабраться, желательно поскорее, иначе жизнь будет не из сказочных.

Я провожу пальцем по стене с кляксами. Они свежие, и скорей всего являются творением человека, которому принадлежит придвинутая к ним кровать. Это выброс эмоций или что-то ещё?

Печально, но не успеваю исследовать территорию. Слегка закусив губу, я склоняю голову к плечу и снова рассматри-

ваю свечу, поиграв с фитилём. Металлическая ручка дёргается и следом открывается дверь.

– Говори и бери всё, что тебе нужно и вали отсюда по-хорошему, – не глядя произносит Одри, стоит её длинным ногам переступить порог.

Она бросает сумку на пол и выдвигает ящик комода, начиная копошиться в нём.

Я немного обескуражен тем, что она не удивлена моему присутствию в комнате. Без сомнения, рыженькая оповестила о гостях.

– Всё? – интересуюсь я, спускаясь вниз по хвостику, исследуя плавные изгибы её осинкой талии под облегающей бежевой кофточкой и задерживаясь на подтянутой заднице. Она чертовски хорошо над ней поработала, глаз не отвести. А в следующее мгновение Одри стягивает резинку и волосы каскадом рассыпаются по спине. Руки чешутся от изнеможения прогуляться между локонов.

Я вполне готов забрать её задницу со всем прилегающим.

Одри достаёт небольшую коробочку и, закрыв ящик, оборачивается.

– У тебя пара секунд, чтобы исчезнуть, – нетерпеливо произносит она.

Из её глаз вот-вот стрельнут лазерные лучи. Непременно их дождусь и даже повеселюсь.

Я делаю шаг к ней, глаза Одри округляются. Она отшаты-

вається назад як від раскалєнної кочерги і врізається в комод. Не могу сдержать довольную ухмылку. Моя рыбка бьётся о стенки аквариума. Ой-ой, какая незадача, сбежать не получится.

– Ты сказала всё. Я хочу тебя.

– Пошёл ты, Трэв! – фыркает она. – Я не грёбаная вещь!

– Тем ни менее, я хочу тебя.

– Мне плевать, чего ты хочешь. Тренировки убили последние здоровые клетки твоего мозга?

Я опускаю голову вниз и смотрю на неё из-под лба.

– Мне нужна ты.

– А мне нужно, чтобы ты убрался из моей комнаты. Мы почти договорились.

Сокращаю расстояние между нами до минимального. Так, что её грудь упирается в мою, прерывистое дыхание опалает лицо, я буквально слышу биение её сердца. В совокупности все факторы разливают лавину возбуждения, прокатывающуюся по телу. Да, было проще простого сказать правду. Нервы защемляет, насколько сильно желаю обладать ею. Ни стоит пользоваться логикой, это необъяснимо, почему до сих пор Одри пробуждает во мне всё хорошее и плохое одновременно. Мы хотим ощущать себя живыми, а в моменты опасности обостряется именно та самая тяга к жизни.

Подхватываю локон её волос и накручиваю на палец, склоняясь ещё ближе. Между нашими губами искрит электричество.

– Закричишь, если не уйду?

– Могу, – сдавленно произносит Одри, хоть и выпячивает подбородок.

Запускаю пальцы в её шелковистые волосы и скольжу между ними, достигая затылка, где стискиваю в кулаке и оттягиваю назад, отчего её глаза смотрят в мои снизу вверх. В них загорается знакомый огонёк.

– Черт, а тебе нравится это. Чтобы тебя завести, нужно только пальцами щёлкнуть. Так на тебя влияет грубость?

– Ты не знаешь, что мне нужно, – шипит Одри, качнув головой, но я всё равно не отпускаю её волосы.

– Тебе не надо быть милой со мной. Быть кем-то другим. Ты можешь не сдерживаться. Быть сумасшедшей, дикой, буйной. Любой. Можешь кричать, воевать, бить, убежать, набрасываться. Со мной ты можешь всё. Быть кем угодно, потому что я принимаю тебя такой. Я хочу тебя такой.

– Ты не знаешь, какая я.

– Ты такая же, как я, – указательным пальцем очерчиваю изгиб её губ, провожу до местечка чуть выше ложбинки между грудей и останавливаюсь, подхватив тонкую цепочку.

Глаза Одри представляют собой бездонные блюдца, с золотой каймой по краям.

– Ты прячешь это вот тут. Свой огонь.

Я касаюсь её губ своими, оставляя слабый поцелуй.

– Ты отдашь его мне. Он принадлежит мне.

Одри сглатывает.

Огибаю пальцами её изящную шею и ловлю подбородок. Как же чертовски охренительно от неё пахнет. Чистая сексуальность, которую излучает девушка. И мои любимые духи. На ней они становятся в сто крат слаще.

– Наш первый раз... – хрипло произношу я. – Второй раз должен был пройти намного лучше.

Я сжимаю челюсть, чувствуя неприязнь, разливающуюся по венам. Мне не нравится, что она могла смыть с себя мой аромат, что может пахнуть кем-то другим. Собственник во мне изголодался. Сначала ты пробудешь дозу ради забавы, а потом не понимаешь, как тянешься за добавкой.

– Кто это был, Одри? Кто был после меня?

– Пошёл ты! – она отталкивает меня.

Вовремя балансирую и остаюсь в вертикальном положении, ранив разве что стул, в который врезался.

Мои пальцы больше не путаются в её волосах, а ощущение потери возвращается.

– Пошёл ты, Трэвис!

Недоверчиво шурю, замирая на месте.

В глазах Одри пылает необузданная ярость. Она сжимает кулаки. Её тяжёлое дыхание нарушает образовавшуюся тишину. Если зажечь спичку или зажигалку, мы тут же рванём из-за сгустившегося напряжения. Воздух такой плотный, насыщенный опасностью, как газовый баллон. Поразительно, что хлипкий алюминий способен удержать взрывчатое вещество.

Я слышу хлопок собственного сердца.

– Никого не было, – низким голосом произношу я больше для себя, нежели для неё.

Нахожу её взгляд.

– После меня никого не было. Ты так и осталась моей.

– Я изменю это меньше, чем через час, – вздёрнув нос, заявляет Одри.

– Нет, не изменишь.

За долю секунды она пополняется смелостью и отталкивается от комода.

Она подходит ближе и пробегается пальцами по моей груди. Они останавливаются у пряжки ремня джинс, и она бесцеремонно запускает руку в карман, клянусь, специально задевая мой не менее напряжённый член, готовый взорваться.

Тень улыбки пробегает по её губам, а следом перед глазами мельтешит серебристая упаковка.

Откуда она вообще знает, куда сунуть руку и найти желаемое? Я настолько примитивный?

– Одолжишь? – спрашивает она. – Куплю и верну новые.

Она начала новый тайм нашей игры. И я с радостью занимаю позицию отражать удары.

Посылаю ей ухмылку.

– Они не понадобятся.

– Может быть, ты прав, я задумаюсь над таблетками, – Одри возвращает пачку в мой карман, на этот раз не проскользнув внутрь. – Хочу чувствовать его. Телом и головой. Каж-

дое движение. Запомнить каждый поцелуй. Каждое прикосновение. Каждое слово.

Я подавляю желание что-нибудь разбить, желательно об голову незнакомого кретина, но нахожу остатки трезвого мышления.

– Не запомнишь.

Подталкиваю Одри к комоду и не отстаю.

Возвращаю пальцы в волосы и сжимаю в кулаке, дёрнув голову так, что она запрокидывает её назад. Пытка оттолкнуть терпит провал, но улавливаю дрожь в теле. Мои губы обрушиваются на чувствительное местечко на шее, где сумасшедший ритм пульса. Я покусываю её, посасываю, целую, провожу языком, отчего Одри начинает дрожать. Ладонки, которые лежат на моей груди и которые ещё секунду назад хотели оттолкнуть, сейчас сжимаются в кулаки вместе с футболкой.

Она жадно втягивает воздух и шумно выдыхает, когда сдвигаю рукав с плеча. Ткань издаёт недовольный треск, а её хозяйка – глухой стон.

– Ты... – рычу, прикусив мочку её уха и втянув аромат шампуня. – Рано или поздно доведёшь меня.

Оставляю дорожку поцелуев по ключице и поднимаюсь к губам, у которых замираю.

Глаза Одри снова упираются в мои.

– Видишь? – провожу языком по её губам, которые приоткрываются, словно впускают меня. Я оставляю быстрый по-

целуй. – Я всегда могу сделать тебя своей.

Только успеваю уловить взмах её руки, как щёку пронзает адским пламенем.

Янтарный оттенок её глаз наполняется прежней ненавистью. Он сравним с серной кислотой, в которой можно расщепиться.

– Катись на хрен! – выкрикивает она, отталкивая и тут же продолжая толкать в сторону двери. – Я ненавижу тебя, Трэвис! Ненавижу!

– Твои стоны говорят об обратном.

Это как ложка дёгтя.

Одри срывается.

Она приступает колотить кулаками, выкрикивает всё, что приходит на ум, обзывает всеми известными и неизвестными прилагательными, существительными, разбрасывается отборным сортом дерьма. Она буквально слетает с катушек. Я наслаждаюсь каждым словом, слетающим с её потрясающих губ. Смакую каждую эмоцию, пляшущую в красивых глазах. Получаю невероятное удовольствие от всего, что провоцирую в ней. Она ненавидит это. Я люблю это.

– Я не хочу знать тебя! Не хочу видеть тебя! Я ничего не хочу от тебя!

– О, да, – искренне смеюсь, предоставляя ей возможность делать всё, что пожелает.

Одри хватает учебник и бросает в меня, следом летит мобильник, сумка, тетрадь, чёртова компьютерная мышь тоже

ударяется о стену и распадается на части.

– Продолжай, – подначиваю я, уворачиваясь от новых предметов. – Ненавидь и люби меня одновременно. Только это оставляет тебя – моей.

– Ненавижу... – уже который раз произносит она. Я сбился на двадцати семи.

Я растягиваю руки в разные стороны и чувствую новый прилив энергии и адреналина.

– Только я заставляю чувствовать тебя это. Только я вызываю столько эмоций. Только меня ты хочешь. Только я могу справиться с тобой.

Одри замирает. Она пронзает меня взглядом.

– Ты ничего ни к кому не почувствуешь, пока ненавидишь меня. Я занимаю все твои мысли. Так будет всегда.

– Ошибаешься.

– Я сделаю всё, чтобы так было всегда. Ты была моей, сейчас моя и будешь моей. Каждый грёбаный день.

Я открываю дверь.

– Ты придёшь ко мне, Одри. Я знаю, что придёшь. Я дождусь того дня, когда смиришься и примешь, что мы неразделимы как две стороны медали. Были, есть и будем.

Обвожу взглядом комнату. Тот бардак и хаос, что она устроила.

– И приберись тут.

– Одри? – звучит за спиной, и я улыбаюсь, видя выражение её лица при звуке этого голоса. Она бледнеет на глазах.

Я смотрю через плечо и поднимаю близлежащую тетрадь с пола, помахав ею в воздухе.

– Что тут происходит? – спрашивает парень.

Я оставляю на Одри последний взгляд, подняв уголок губ, от чего она становится ещё блее.

Я оборачиваюсь и встречаюсь с карими глазами, напоминающими цвет тёмного шоколада. Всегда его ненавидел. Кто-то любит есть это горькое дерьмо?

Он хмурит брови, а я изучаю его физическую форму, которая всё равно уступает моей. Он может ходить в зал по выходным, но явно никогда не играл в футбол. Бьюсь об заклад, могу вырубить его локтем, всего лишь шутливо пихнув. А вот рост близок к моему, это даже радует. Если бы всё было иначе, и Одри выбрала одного из семи гномов, мог не сдержаться и задать вопрос: «Серьёзно? Он?». Этот хоть противостоять может, а не таявкать где-то под ногами.

– Твоя подружка выручает меня, – я указываю на тетрадь. – Пропустил пару лекций, надо нагнать.

Не жду его комментариев, отклоняюсь в сторону лестницы.

– Верни её! – в порыве ярости, кричит Одри, но я, не глядя, поднимаю тетрадь вверх и улыбаюсь:

– Верну после изучения.

– Это не та тетрадь! – слышу её быстрые шаги за спиной и ужас в голосе.

Что, черт возьми, её так выводит? Обычная тетрадь? Что в ней такого, чтобы она оставила своего мистера Совершен-

ство и бросилась за мной?

Ей придётся постараться, чтобы отнять эту вещицу. Я переполнен любопытством.

Слетаю по лестнице и быстрым шагом направляюсь в сторону выхода.

– Привет, – лопочет сбоку какая-то девчонка, я улыбаюсь, притянув её за короткую юбку-шотландку и, оглянувшись, подмигиваю Одри, за которой следует её *кавалер*.

– Пока-пока, плюшка.

– Ты грёбанный труп, Кросс! – рычит она, затормозив так резко, что парень налетает на неё.

Я фальшиво улыбаюсь своей добыче, и она тоже улыбается, не понимая, что в эту секунду её просто используют. Это не ради себя, а ради Одри. То, что прикрываю произошедшее – сведёт её с ума, конечно, если она не выложит своему дружку правду или уже не приступила выкладывать. Так или иначе, на её шее только что были мои губы. И это всё, о чём она будет думать последующее время с ним. И это всё, что я хочу.

К ранее сказанному, что она не нужна мне и не выбираю её, можно добавить тот неизменный факт: я хочу её. Таковы наши чувства: я тоже ненавижу и люблю её одновременно. Нам нравится так играть. Нравится издеваться друг над другом. Это добавляет остроты. Я мирюсь с её вспыльчивостью – она приспособливается к моей импульсивности. Убийственное сочетание для пары.

Упс.

Мы не пара.

Глава 7. Одри

Мои руки трясутся как у заядлого курильщика, который не может найти сигарету и должен побираться по миру. Я не могу уговорить стук собственного сердца. Оно так сильно бьётся, что рёбра молят о пощаде. В глазах Митча вопрос, а у меня столько же ответов, сколько доказанных теорий о происхождении вселенной. Спойлер: ни одной научно подтверждённой.

Мозг объединяется с фантазией, перебирает варианты мести, потому что быстрее на землю обрушится снег, град, дождь, начнутся все известные природные катаклизмы, нежели дам Трэвису повод думать, что готова целовать его зад, расстилаясь в благодарностях.

Отсоси, Кросс.

– Это кто? – наконец-то спрашивает Митч, когда возвращаемся в комнату.

У меня другой вопрос.

– Как ты попал сюда?

– Внизу никого не было.

– Это одна из причин, почему люди покупают слабительное.

Митч поднимает бровь.

– Я о Трэве, – объясняю ему.

– Стоит волноваться на его счёт?

Я улыбаюсь.

– Нет, разберусь позже. Я не готова переносить свидание с тобой, чтобы сломя голову бежать за ним.

– Приятно знать, – Митч посылает мне взаимную улыбку и оглядывается: – Тут только что была война?

Желудок сжимается, потому что следующее, что выдаю – враньё.

– Утренние поиски.

Что-нибудь слышали про ложь во благо? Так вот он тот самый момент. Отчасти, я даже не чувствую за собой вину. Митч не мой парень, мы узнаём друг друга, ходим на свидания. Да, на какое-то мгновение поддалась соблазну, забылась, но это... второй и последний раз. Трэв иногда выдаёт то, к чему не успеваю подготовиться морально, тогда сдаю позиции. Я проиграла сражение, но не целую войну.

– Куда идём?

Митч поджимает губы, словно старается скрыть улыбку.

– Я не успел подготовить что-то *вау*, с утра свернул горы.

Прогулка?

– Звучит неплохо, мне определённо требуется глоток свежего воздуха.

– В The Shop продают готовые корзины для пикника. Капелька романтики?

Я хихикаю и киваю.

– Только если ты снова будешь петь.

– Утром не было времени на распевку. Я подготовлю серенаду к следующему свиданию, идёт?

– Трудно отказаться, когда ты так просишь, – я протягиваю ему ранее найденную белую коробочку в ящике.

– Что там?

– Плеер с дурацкими песнями. Знаю, это твоя слабость.

Он заразительно смеётся и открывает коробочку.

Его брови взлетают на лоб.

– Серьёзно? – ещё громче хохочет парень и вытягивает мой мини подарок. – Плеер?

Деланное оскорбление вспыхивает на моём лице.

– Эй! Я две ночи подряд кропотливо потела над списком композиций, пытаюсь облегчить тебе жизнь и узнать мои музыкальные предпочтения!

– Мне ещё никогда не было так просто с девушкой. Обычно вы пытаетесь отвесить интригу, хотите оставаться загадкой.

Жму плечами.

– Я нестандартная.

– Не правда, – подмигивает Митч. – Я опозорился на весь бар, чтобы достать твой номер.

Мы покидаем кампус в приподнятом настроением и улыбками на губах.

Сегодня чудесная погода, именно та, идеальная для прогулок. Солнечные лучи проникают сквозь ткань одежды и согреваются, лаская открытые участки кожи. Но уже спустя некоторое время, о них приходится мечтать, стоит попасть в другой мир, сотканный из роскошных стеклянных высоток, спешащих куда-то людей, бесконечной болтовни под ухом, потому что чуть ли не каждый проходящий оживлённо треплет по телефону. Голова кружится, а зрение не имеет такой высококачественный зум, чтобы понять, где заканчивается здания, окутанные пушистыми облаками.

Мы вальсируем мимо тысячи незнакомых лиц, и не всегда имеем возможность поговорить, протискиваясь сквозь поток прохожих. Как только такой шанс выдаётся, я спрашиваю:

– Чем занимался утром?

Митч находит мой взгляд.

– Помогал отцу.

– С чем, если не секрет?

Он снова поджимает губы, на этот раз складывается впечатление, будто обдумывает будущий ответ.

– У него брокерская компания, Одри, – лаконично отвечает Митч. – Я помогал со сделкой.

– Ты вроде его заместителя?

– Можно сказать и так. Если сейчас залезешь в мою машину, то на соседнем кресле увидишь рубашку и брюки, которые я сменил прямо в салоне, чтобы не приходить к тебе при параде без белого коня.

Я сдержанно улыбаюсь.

– Ты из тех парней, кто состоит в кругу важных шишек с кислыми минами на лице, посещает крупные чопорные мероприятия, вроде благотворительности и всё в этом роде? А как же учёба?

Митч насмешливо смотрит на меня.

– Ты заинтересовалась моим возрастом на третьем свидании?

– Это второе, – исправляю его.

– Бар тоже считается.

– Не-а, – смеюсь я.

– Мне двадцать три, Одри.

Моя челюсть готова отвалиться, как и глаза, желающие вывалиться из орбит.

– Уверен?

– Да, если в паспорте правильная дата рождения.

– Тебе нравится это? – Митч смотрит на меня с толикой замешательства, и я спрашиваю развёрнуто: – Тем, чем занимаешься? Тебя не принуждают? Знаешь, обычно вы с рождения с золотой ложкой в зубах и внушительными цифрами на банковском счёте, должны продолжать семейное дело.

– Нет, мне нравится быть в деле. Я не чувствую обязанность.

– А твоя мама?

– Она в роли идеальной жены, поддерживает имидж, занимается домом. Я не живу с родителями.

– И они не против, чтобы ты общался с простолюдинками?

Митч запрокидывает голову назад и звонко смеётся, прокладывая путь в Ист-Ривер-Парк. Мы следуем под висячим величественным мостом Уильямсберг, соединяющим два острова – Манхэттен и Бруклин. Тот самый мост, который все знают по фотографиям.

Я жадно поедаю глазами окружающую природу.

Шум автомобилей смешивается с морским. Вглядываюсь в солнечные блики на воде пролива Ист-Ривер и улыбаюсь себе. Невероятно, что я тут, да ещё и в компании потрясающего парня.

– Это всё стереотипы, Одри, – говорит Митч, вырывая меня из любования.

Я отвожу взгляд от воды и фокусирую на лице собеседника.

– О том, что ты пользуешься только золотыми столовыми приборами?

Он весело улыбается.

– Это тоже.

– То есть, как только на тесте твоя мама увидела две по-

лоски, тебе не начали искать равную партию?

– Не могу утверждать, но, если она и существует, то не видел. Чем занимаются твои родители?

– Папа любит копаться в машинах. Ему бы открыть свою мастерскую, а мама учитель.

– Значит, в детстве дразнили, что твоя мама преподаёт, а все твои прогулы уже были известны с первой секунды?

– Я училась в другой школе, – не скрывая облегчения, сообщая я. – Трэв был её учеником.

В ту же секунду хочется найти кляп и заткнуть им рот. Но, к сожалению, сказанное невозможно забрать. Мне бы очень хотелось.

– Трэв? – спустя несколько секунд, Митч складывает два плюс два. – Да, точно, он одолжил твою тетрадь.

Я сжимаю зубы, но скрип всё равно невозможно подавить, как и гнев, расползающийся по венам.

Моя тетрадь.

Проклятие!

Это будет один из худших дней, когда Трэв откроет её. Или уже открыл.

Я пожалею, что родилась на свет. Во-первых, самостоятельно. Во-вторых, потому что Трэвис будет напоминать об этом весь остаток счастливой жизни. Хотя, какая счастливая жизнь? Она оборвалась с того самого момента, как только позвонила Лав и сказала, кто пришёл. Я заделалась в спринтеры и бежала так быстро, как только могла.

Дьявол, теперь не могу расслабиться. Это заслуга Кросса.

– Похоже, ты злишься. Тяжёлый день?

Туман ярости рассеивается.

Я нахожу его карие глаза и широко улыбаюсь.

– Один из лучших дней моей жизни.

Поверить не могу, что совсем недавно испытывала совершенно иные чувства, мысли. Что могу сказать, подсунуть дерьмо Трэвису (хоть он и заслуживает), как оргазм. Всепоглощающе. Сладко. Приятно. Меня буквально захватывает буря эмоций от того, что придумала фантазия. Я скучаю по опасности, а Трэвис единственный, кто может дать подобное чувство, где балансируешь между жизнью и смертью.

– Минуту назад ты была другой.

Я жму плечами.

– Мсть приятная штука. Он подгадил мне – я отвечу взаимностью. Трэвис очень любит свою машину. Очень – это преуменьшение.

– Он может подать иск, если разукрасишь её баллончиком.

– Не подаст, и разукрасить её баллончиком было бы слишком предсказуемо. Сегодня его ждёт насыщенный непрерывным сексом вечер.

Митч коротко улыбается.

– За что, Одри?

Этот вопрос стирает улыбку с моего лица, а сладкое предвкушение сменяется горечью.

– Он портит мне жизнь, – всё, что могу ответить.

– Не потеряйся в этом.

– У меня всё под контролем.

И это самая большая в мире ложь.

Контроль очень далёк, когда дело касается меня, Трэва и нашей обоюдной войны.

Ещё некоторое время гуляю с Митчем, стараясь абстрагироваться от мыслей о Трэве. Это как вспышки камер: щелчок – перед глазами Митч, щелчок – перед глазами Трэвис. В конце концов, всё превращается в знак бесконечности, из которого пытаюсь найти выход.

Мы возвращаемся к кампусу, и я с досадой провожаю взглядом его машину, намереваясь навестить в ближайший секс-шоп.

По пути возвращается гнев. Теперь ещё злюсь на себя, от чего раздражение поднимается на новый уровень.

Во-первых, я хочу смыть с губ Трэвиса.

Во-вторых, с шеи.

В-третьих, из головы.

Мне нужно как можно больше мыла, а лучше щёлочь, чтобы разъело.

Сложно поверить, что когда-то было трудно держать удар, но со временем всё стало намного проще. Жестокость, равнодушие, холод – всё это аукнулось. Головокружительно разнести эго Трэва на части. Клянусь, иногда кажется, что следаю с катушек.

– Мне нужно очень много игрушечных членов, – ровным тоном произношу я. – Все, что у вас есть.

Парень за кассой ударяется о полку и хватается за голову, растирая затылок. Его глаза находят меня и ошарашено пялятся.

– Много. Грёбаных. Игрушечных. Членов.

– Ч-что? – запинается он.

Я тычу пальцем в сторону витрины, где небольшие гени-талии в виде липучек, брелков, мыла и прочей дребедени. Не знаю, какой сумасшедший будет клеить их куда-то, но у меня есть идея.

Уже через несколько минут получаю желаемое. Пакетик с сюрпризами скрывается в сумке и скоро станет фантастическим подарком для одного мудака.

Выкуси, Кросс, если думаешь, что я осталась обязанной. Я верну должок в иной форме. Ты будешь пищать от восторга.

Асфальт едва ли не трескается под подошвой ботинок. Весь гнев сгустился и готов вырваться наружу. Мне плевать, что за это может быть, какие наказания и последствия. Именно в данную секунду я ненавижу вселенную за то, что башка Трэвиса не является футбольным мячом, который можно пинать от души до границы с Мексикой.

Я возвращаюсь к университету после шопинга в ближайшем секс-шопе, и нахожу спортивную Камаро на парковке.

Оттенок мокрого асфальта переливается, отражая голубое небо и мрачность её владельца. Трэв готов мыть её язы-

ком, и сегодня он в прямом смысле оближет мужские гени-
талии.

Бросаю сумку на землю и рву пакет с маленькими рези-
новыми игрушками.

– Это моя благодарность, Кросс! – цежу себе под нос.

Я слышу смешки за спиной и улыбаюсь, как Чеширский
кот, который нагадил в тапки, с особым энтузиазмом раскле-
ивая сюрпризы.

Господи, как я счастлива. Это вроде отдушины. Тот, кто
говорит, что месть – удел слабых, я скажу, что удел слабых
– смаковать тряпочку и молчать. Адреналин кипит в крови,
приятное головокружение, на языке сахарный вкус мести, а
душа пускает петарды. Руки дрожат от переизбытка эмоций.
Он думает, что прикрыл, я покажу, что прикрывать нечего.
Во мне нет и унции благодарности. Он это начал. Он за это
ответит.

Спустя пару минут, любуюсь полянкой членов, расстелив-
шихся на капоте машины Трэвиса с помощью клея и показы-
вают ровно двенадцать часов. Они возбуждены прямо как я.

– Какого хрена ты... – голос, пропитанный яростью, раз-
носится за моей спиной.

Я выпрямляюсь и поворачиваюсь.

Пламя в глазах Трэвиса поджигает пятки, но даже дорож-
ка в ад не заставит меня поддаться страху. Мой позвоночник
прямой, бесстрастное выражение на лице и дичайшее жела-
ние увидеть, как он рвёт на голове волосы.

– Как ты любишь, Кросс, – сухо произношу я. – Целая полянка.

Тройка парней за его спиной не знают, смеяться или поддержать гнев, поэтому они предпочитают помалкивать. Им же лучше, у меня на всех найдутся подарки.

– Брукс, – ледяным тоном цедит Трэвис, продолжая расчленять мой труп в своей голове.

Их компанию нагоняет Рэй (что для меня удивительно, он тоже тут?). Ладно-ладно, ещё будет время удивляться и думать.

Челюсть Рэя готова рвануть к ядру Земли.

– Очленеть, – издав смешок, произносит он.

Я игнорирую, хотя приснуть от смеха хочется. *Очленеть?* Серьёзно?

Внимание нацеливаю на Трэвисе.

– Ещё раз повторишь – придумаю что-нибудь похуже. Ты знаешь, фантазия у меня хоть куда.

На несколько секунд, он закрывает холодные металлические глаза.

– Ты ходишь по кривой дорожке.

– Ой, подожди-ка, а что это у меня тут для тебя... – я поднимаю сумку и начинаю рыться внутри, в следующую секунду на свет появляется мой средний палец. – На что похоже?

– Брукс... – лицо Трэвиса искажается и краснеет от злобы.

Я выставляю руку, заставляя его замолчать., потому что даже это ещё не всё.

Достаю из сумки ежедневник и открываю его, читая следующее:

– Тут написано, что ты можешь катиться на хрен с пляжа, потому что я ничего тебе не должна!

Я поднимаю глаза, вновь встретив темноту в его.

– Да, так и написано, – улыбаюсь я, похлопав ресницами в кокетливой манере. – Представляешь?

Не жду реакцию, разворачиваюсь на пятках и шагаю в сторону кампуса с лицом победителя.

– Я придушу тебя, чёрт возьми! – пронизанный яростью голос Трэвиса перекрывает городской шум.

Я задираю руку и показываю средний палец.

– Отсоси!

Моя внутренняя девочка-шкет вылезла наружу и готова нагадить. Собственно, уже нагадила и сейчас в манере англичан с благоговением попивает чаёк, оттопырив мизинец. Она отвела душу. Мне это было нужно. В ближайшее время стоило бы найти место, где можно избавляться от желания быть сукой.

Глава 8. Трэвис

Максвелл смеётся так сильно, что сгибается пополам, когда присоединяется ко мне в гараже. Рэй тоже хохочет, но уже не так. Его силы иссякли на парковке, а ещё этот кретин не сел со мной в машину и предпочёл воспользоваться услугами такси. Да и насрать, он полностью оправдан. Если бы мог, я бы тоже воспользовался любым другим транспортом.

– Прости, детка, – я вслух озвучиваю свои предательские мысли, с досадой смотря на то, что имею.

Черт, такое чувство, что в капот моей малышки на полном ходу врезался автобус со всеми актёрами PornHub и взрывался. И что теперь прикажете делать засранцам, которые ни разу не видели сиськи? Пестик и тычинку в действии? Ах, да, автобус был только с мужиками. Повезло же мелким говнюкам, им достанется лучшее из порно.

– Оу! – звенит в пространстве голос Уилла.

Я сразу бросаю на Рэя многоговорящий взгляд, потому что Коди и так доказал, что не будет трепаться направо и налево.

Каллоувей тоже закатывается, как только подходит ближе и разглядывает подарок, оставленный Одри.

Клянусь, если бы сие творение принадлежало какой-то другой девчонке, её голова могла болтаться на выхлопной трубе уже спустя минуту. Но в моей жизни есть только одно исключение, и будь я проклят, потому что это исключение не милое создание с ангельскими крылышками, нимбом над головой и волшебной пылью. Она чёртова бестия, через которую мстит Иисус за свойственный мне атеизм.

– Ты оставил девчонку неудовлетворённой и за это получил? – издевается Уилл. – Кто она? Я хочу познакомиться.

– Она – это что-то, – усмехается Рэй. – Трэв обязательно вас познакомит.

Я показываю средний палец и перевожу взгляд на Максвелла.

Он лучезарно улыбается.

Предатель. Я возлагал на него последнюю надежду.

– Я бы тоже хотел познакомиться.

– И тогда Викс зарядит тебе промеж яиц – с нотками вельса констатирует Уилл. – Хотел бы увидеть это ещё раз. У неё хорошо поставлен удар, кстати, когда она вернётся?

– Не твоё дело, придурок.

Уилл громко цокает.

– Кто бы сомневался.

– Проваливайте, если не собираетесь помогать, – фальшивая вежливость скользит из моего тона.

– Да ни за что, – бросает Уилл. – Боюсь, следующий член на твоём капоте окажется моим, если подышу не под тем углом.

Какой чертовски правильный вывод. И пусть усрутся те, кто скажет, что это всего лишь железяка. Эта грёбаная железяка для кого-то может быть всем, зачем лишать значимости чью-то страсть и подвергать сомнениям чужие ценности? Машина для меня вроде домашнего питомца, которого требуется кормить, заботиться, ухаживать. Я знаю её цену и более того, это подарок родителей.

В конце концов, Рэй смывается следом за Уиллом, Коди остаётся, но не торопится приступить к работе. Он находит инструменты на полках и ставит на пол банку со шпателями. Я изучаю капот и прихожу к неутешительному выводу, что после выходки Одри придётся воспользоваться услугами мастеровских, восстановить всё с помощью краски и полировки. Она чертовски дорого мне обходится. И я не имею в виду машину.

Сражаясь с членами, задыхаюсь от беззвучного смеха, сотрясающего грудную клетку. Как долго Одри развивала эту мысль и как дошла до того, что эта идея превзошла над остальными, господствующими в её безумной голове? С какого момента тараканы стали такими суровыми? Одно ясно

точно: сегодняшний вечер запомню на всю жизнь. Дарит ли он опыт? Отнюдь. Я с разбега прыгну на те же грабли. Хочу посмотреть, на что ещё она способна, кроме как поджечь машину.

Ощущаю вибрацию в кармане и вытаскиваю мобильник.

– Привет, милый, – звучит голос мамы, как только принимаю звонок.

– Мам, я был милым до тех пор, пока мог пешком пройти под столом. С того времени всё немного поменялось.

– Прекрати быть таким ворчливым.

Я закатываю глаза.

– Как дела? – продолжает она, не меняя бодрый и улыбочивый тон. – Какие впечатления?

Хочется ляпнуть что-нибудь, пропитанное сарказмом, гадским юмором, но она не виновата в том, что у Одри хорошая фантазия. У меня есть идеи, в какое русло направить её инициативность, только боюсь, она не будет в восторге.

– Супер, мам. Лучше некуда.

– Ты опять ворчишь, Трэвис.

– Нет, я отвечаю на вопрос.

– С тобой абсолютно бесполезно спорить, – вздыхает она, наверняка потирая свободной рукой зону виска. Моя мать предсказуема до мелочей. – Я звоню не без повода.

Я усмехаюсь.

– А вот это уже интересно. Другое дело. Люблю деловой подход.

– У Элиаса юбилей, мы получили приглашение.

Я успеваю мысленно отрезать собственный язык, потому что ляпнуть вопрос, будет ли там Одри, было бы огромной глупостью. Конечно, черт побери, она там будет, это же её отец. Я деградирую. А что будет через десять лет? Какая станция? Деменция? Если так, то хотелось бы откинуться до того, как стукнет тридцать.

– Ладно, что я должен сделать? Нарисовать открытку и зачитать стихок на стуле?

– Если бы я не была твоей матерью и не привыкла к такому рода юмору, давно могла отвесить подзатыльник и сказать, что ты грубый невежа.

– Но ты всё-таки создала меня, так что я, Аллилуйя, автоматически прощён.

– Ты прилетишь или скажешь, что зависать с предками уже не твой уровень?

– А ты быстро учишься, мам, – я смеюсь, качая головой. – Я прилечу, нельзя же давать вам предлог для радости.

– Очень смешно, Трэвис.

– На самом деле, не очень, но повод для улыбки есть.

– Ты совершенно невыносим.

– Получается, слабаки не способны меня выдержать, это радует.

– Ладно, увидимся дома.

– Ага.

Я сбрасываю вызов, чтобы позлить её в добром контексте.

Мама не любит разговор, в котором нет прощания. Дома меня будет ждать хорошая взбучка, что в действительности забавляет.

Снова берусь за шпатель, боковым зрением замечая Максвелла. Он присаживается на капот, щёлкает по одному из членов и тихо смеётся, когда игрушка дёргается и покачивается. Я подавляю улыбку, сдирая очередной мужской причиндал с краской. Вместе с ними чувствую, как полосую ножом по сердцу и снимаю один из трёх слоёв. Я души не чаю в машине, и Одри знает об этом. Клянусь, лучше бы она побрила меня налысо ночью, это было бы своего рода милосердием с её стороны. Но Одри не знает сострадания, когда дело касается меня.

– Не знаю, что ты сделал, чтобы она так разозлилась. Не думал выставить счёт за услуги в мастерской?

Я поднимаю глаза и фыркаю.

– Ты не думал меньше тренироваться, чтобы к мозгу успевала приливать кровь?

Коди смеётся.

– Спокойно, неженка, это проверка.

– Я поцеловал её, – усмехаюсь ему и снова склоняюсь над очередным членом. Твою мать. Звучит как будто я прожжённая проститутка. – Прямо перед приходом мистера Совершенство.

– Мистера *Совершенство*?

Я весело жму плечом.

- У него же должно быть какое-то имя.
- Слишком мило даже для тебя.
- Что поделать, я святой как Папа Римский.
- Ты потерял этот статус, как только поддался мыслям о плоских утехах.

Коди вытаскивает из кармана шорт звонящий мобильник и тут же принимает вызов с такой улыбкой, что по неволе начинает тошнить.

Я с особым энтузиазмом закатываю глаза.

Из динамика разносится топот и шум, что-то падает на пол, следом звучат клёпки, которые явно расстёгиваются благодаря рывку.

– Если она раздевается, то давай посмотрим вместе, – подтруниваю Максвелла, и он тут же пихает меня кулаком.

– Ты в гараже? – звучит голос его девушки.

– Ага, твоя подруга блещет фантазией.

Коди поворачивает экран мобильного и показывает подарочки от Одри. Я успеваю зацепить её лицо. Под глазами залегли тёмные круги, голубизна утратили блеск, как будто она недосыпает, кожа кажется бледной и неестественной, а состояние дико уставшим. Девушка выглядит как мертвец, а не куколка, которой когда-то была.

– Дерьмово выглядишь, Виктория, – парирую я.

– Ты не лучше.

– Ну, я хотя бы не выгляжу так, как будто хочу сожрать чьи-то мозги.

– Обсудим это, когда будешь на моём месте.

– Перед сном поплачу в подушку, потому что мне не светит.

Виктория слабо улыбается.

– И что ты сделал, чтобы она с расчленения твоего остывшего тела в голове перешла к действиям?

– Лучше спроси у неё, хочу послушать версию Одри.

Максвелл сползает с капота и направляется к дверям, скрываясь внутри дома. Ещё бы он продолжал сидеть тут и болтать при мне или святой Деве Марии. Наверняка Иисус тоже сворачивает приём сообщений и уходит отдохнуть, чтобы эти двое занялись сексом хотя бы по телефону.

Так или иначе, я чаще всего проникаюсь симпатией к их непробиваемой защите чего-то исключительно личного, даже если сам того не желаю. Чего уж там, трогает за душу и не позволяет оставаться равнодушным задушевность этой парочки. Максвелл, который милый до тех пор, пока вежливы к нему, Виктория, которая по щелчку пальцев подстраивается под ситуацию и меняет образы. Кто-то скажет, что опасаться надо открытых стерв, кто-то побаивается скрытых, я могу сказать, что худшее – это те, кто может стать кем-то другим за секунду. Например, как Виктория. Сейчас она сама невинность, но стоит что-то сделать, как от *невинной* останутся воспоминания. Тем ни менее, из большого количества девчонок, она симпатизирует мне намного больше других хотя бы потому, что знает о чувстве собственного достоинства.

Стоит только содрать последний подарок с капота, как резко выпрямляюсь, а по спине пробегает волна любопытства и нетерпения. Все семь смертных грехов трепещут от предвкушения, когда ныряю в салон и из бардачка вытаскиваю утащенную у Одри тетрадь. Увиденное на парковке настолько потрясло, что о своём подарке я забыл. Утешительный приз, за который и руку на отсечение положить не жалко.

Неужели она ведёт дневник? Если так, то я прочитаю каждую строчку и не умру от стыда. Готов даже уластить этот момент тёплым пледом и горячим какао у окна в библиотеке.

Ни стыда, ни совести. Ничего лишнего.

И то, что вижу внутри, заставляет кресло плавиться под задницей, превратившись в вулканический кратер. Не стоит упоминать, куда извергается лава.

Я тут же завожу двигатель и выезжаю из гаража.

Понятия не имею, плакать или смеяться, переживать или расслабиться, радоваться или страшиться. Я вообще сбит с толку. Стараюсь ухватиться хотя бы за одно из десятка переполняющих ощущений, но ошеломлён и растерян. Это не личный дневник, которому был бы рад. Это какая-то тетрадь проступков и грешков. И я намерен узнать, какого, мать вашу, черта?

Уже спустя небольшой промежуток времени как самый настоящий ублюдок останавливаюсь на двух парковочных местах у кампуса и спешу внутрь.

Моя карта студента явно не будет той, что сменит красный на зелёный на экране турникета, поэтому просто перепрыгиваю его, слыша возмущение, но уже за спиной, потому что избегаю по лестнице на третий этаж. Пока мужик доберётся до меня – я скорей всего буду видеть десятый сон.

Я стучу, и спустя несколько секунд дверь открывается. На пороге возникает моя Бестия в коротеньких чёрных пижамных шортах, с одного плеча скатилась свободная футболка, на которой изображена анти-Белоснежка, потому что (как бы ни хотелось) принцессы Диснея не могут откусывать кроваво-красными губами ядовитое яблоко и показывать средний палец. И да, у их платьев не может быть такой глубокий дразнящий вырез. Если сравнивать грудь принцессы и ту грудь, что прикрыта этой тканью, заверю, второй вариант намного лучше.

Я вижу её очертания. И с удовольствием мог посмотреть, как она изменилась. Полагаю, чувствительность не утеряна, судя по затвердившим бусинкам. Взгляд смело спускается ниже, изучая ноги. Это визитная карточка Одри. Округлые бёдра плавно переходят в подтянутые икры. Загорелые, длинные, изящные – это убийственный нокаут. В конечном счёте утыкаюсь в чёрный лак на ногтях, и дёргаю уголком губ, возвращаясь назад, когда Одри раздражается яростью.

– Да ты, черт возьми, издеваешься?! – выкрикивает она.

Да, так и есть.

Иду на личный рекорд. Второй раз за сутки навещаю её.

Так и до выполнения годового плана недалеко. Пальцы не нужны, чтобы посчитать, сколько раз я приходил к Одри по собственной инициативе.

– Давай сыграем в игру? – предлагает она, постукивая указательным пальцем по дверному косяку. – Я предоставляю четыре направления, а ты выбираешь, куда направишься. Как тебе идея?

Её янтарные глаза обогащаются зловещими искрами. Сияют ненавистью. Они ярче солнца. Не зря оттенок считается одним из самых красивых, наследуется через сложный состав ДНК.

Я задумчиво скребу подбородок, отвечая на её взгляд полуулыбкой.

– Трудно отказаться, когда ты так любезничаешь.

– Обещаю, тебе понравится.

Я вытаскиваю тетрадь из заднего кармана и качаю ею в воздухе. И тогда глаза Одри вспыхивают по-новому.

– Что это?

Сардонический смех разносится по коридору. Она получает удовольствие от моего ступора так же, как я получаю удовольствие изучая её идеальные ноги. В следующий раз буду более предусмотрительным. Поцелуй, но в этот момент её ноги будут обнимать меня за талию, удерживая на самом близком из возможных расстояний.

– Твоя личная тетрадь смерти.

Я вопросительно скидываю бровь.

– Не объяснишь?

– Да легко, – отмахивается Одри и забирает тетрадь из моих рук.

Она открывает её и водит пальцем по листу, приступая к чтению:

– Второе сентября. Трэвис наступил на мои любимые туфли и сказал, что я сама виновата. Месть: посмотрела на него с отвращением. Девятое сентября. Трэвис спросил при родителях, как я погуляла с Остином. Месть: спросила, как много они выпили вчерашним вечером.

Я выхватываю тетрадь из её рук и с трудом могу поверить, что она всё это записывала. Но она, мать вашу, записывала! Чёрным по белому!

Дата. Обида. Месть.

Начинаю листать и вижу только одно имя – своё имя. Это моя личная тетрадь смерти. К слову, я понял это чуть раньше. Когда пролистал в машине, но не знал, что у неё есть название. Сейчас делаю это лишь для того, чтобы ещё раз убедиться: у меня не поехала крыша.

К собственному удивлению, начинаю смеяться. Громко и сильно.

– Ты завела тетрадь, чтобы отмечать мои промахи и мстить?

– Да, и я весьма преуспела, не правда ли?

Кажется, я не смеялся так очень давно.

Уже через минуту перестаю.

Несколько восклицательных знаков в столбике мести мне совсем не нравятся.

Я возвращаюсь к дате: третье июля. Трэвис сказал, что я не в его вкусе. И никакой мести, кроме красных восклицательных знаков. О, они ещё и подчёркнуты двумя жирными линиями.

– Что они значат? – спрашиваю я, обращаясь к Одри.

Она без приступов ярости забирает тетрадь из моих рук и пробегается по написанному.

Торжественная улыбка украшает её пухлые розовые губы.

– Я тогда не придумала, как лучше тебе отомстить.

– И? Ты до сих пор не придумала?

– Придумала.

Её глаза встречаются с моими. В них появляется странный блеск.

– Я буду в твоём вкусе.

– И всё? С такой же лёгкостью могла написать, что я схожу в туалет. Как-то слабовато, узко мыслишь.

– Ну почему же? – она задирает подбородок и выстреливает: – Я буду в твоём вкусе, когда поезд уедет. А сейчас ты стоишь на пороге моей комнаты, но только не учёл, что уже *ты* не в моём вкусе. И если подсчёты верны, то я впереди, Трэвис, а ты в отстающих.

Она захлопывает дверь перед моим носом. Впервые в жизни чувствую себя в аутсайдерах.

У неё получилось. Результат превзошёл ожидания.

Глава 9. Одри

Перелёт прошёл прекрасно.

Так я могла сказать, если бы не чувствовала пристальную слежку. Черт с ним, я была бы не против, если бы это не был мужик возрастом статуи Тутанхамона. И пахло от него также. Клянусь. В Древнем Египте было принято с правителем заживо хоронить животных, слуг и здравый смысл, мужик, занимающий соседнее кресло, наверняка использовал те же принципы и ценности, похоронив собственное тело. Его голое колено, которое почему-то постоянно касалось моего, пускало волну рвотного позыва, поднимающегося из самых далёких глубин желудка. А ещё я раздражалась и кипела похуже любого чайника на плите, поэтому ближайшие пару часов на мне можно жарить яичницу. Шея затекла, потому что была повёрнута только в одном направлении весь полёт: чтобы не видеть, не слышать и не чувствовать соседа. Сей-

час, покинув аэропорт, могу свободно вдохнуть свежий воздух.

На парковке замечаю знакомую машину. Папа раскрывает объятия, и я лечу в них, как маленькая девочка.

Он взъерошивает мои волосы и целует макушку.

– А я-то думал, ты состроишь мордашку тяпкой и скажешь, что слишком взрослая для объятий с отцом.

– Нет такого возраста, в котором позорно обнимать родителей.

Папины глаза образуют щелки.

– Хочешь подлизаться?

– М-м-м, – я обхожу машину и занимаю пассажирское кресло, папа следует моему примеру и садится за руль. – Может быть.

Он смеётся, и мы смешиваемся в потоке машин, выехав на проезжую часть.

– Мама говорит, ты хочешь закатить знатную тусовку в ресторане. Это правда?

– Почти, – увиливает папа.

– Сколько будет гостей?

– Тридцать человек.

Я шутливо потираю ладони.

– И как много алкоголя?

– Одри, – его тон суровее, но это даже весело.

– А что? Я же должна знать, что надеть.

Папа бросает на меня непонимающий взгляд.

– С каких пор это зависит от алкоголя?

– Не хочу напиться и сверкать задницей в коротком платье, если напьюсь, – жму плечами и легонько хлопаю его по плечу. – Поэтому всегда могу надеть брюки.

– Надень костюм клоуна, тогда от тебя будет шараться половина гостей, – он сморщивает нос.

– Ты до сих пор не переборол этот глупый детский страх? – я заливисто хохочу. – Боже, кто бы мог подумать! И этому мужчине завтра пятьдесят!

– Прекрати высмеивать отца!

– А ты прекрати быть Ноем и спасать всех животных. Я не уверена, что мы останемся родственниками, если когда-нибудь отрастишь бороду и начнёшь строить ковчег.

Папа лишь тяжело вздыхает и качает головой.

Мне нравится подтрунивать над его излишней добротой, но это никогда не перейдёт в ранг серьёзного.

Дома сразу бегу в свою комнату в надежде поскорее принять душ, предварительно чмокнув маму в щёку. Когда она опоминается, что это была я, а не папа, мои ноги уже ступают на верхнюю ступеньку. У нас ещё будет время поболтать за ужином, но успеваю услышать её громкое:

– К нам придут...

– Ага, – не уверена, что она услышала, но хотя бы совесть чиста.

Включаю воду и сбрасываю одежду, желая поскорее смыть остатки трения с Тутанхамоном.

Не жалею геля для душа и после сегодняшней ванной процедуры мочалку можно отправить на помойку. Кроме того, есть ещё один плюс: наконец-то могу позволить себе самую большую слабость – пение в душе.

Горло саднит, в голосе появляется хрипотца, но я продолжаю горланить песни любимой группы так, словно это мой последний раз. В душевых кампуса так не разгуляешься, как и с количеством горячей воды. От приезда возьму всё только самое лучшее.

Я выползаю из-под душа только когда кожа становится похожей на ту, что имеют младенцы. Обматываюсь полотенцем и покидаю ванную комнату, продолжая распевать песни. Но хорошее настроение испаряется также быстро, как пар из душевой.

– Какого черта ты тут делаешь, Кросс? – рычу я.

Усмешка на его губах говорит сама за себя.

– Ты до сих пор поёшь в душе?

– Исчезни из моей спальни!

Трэвис лениво поднимается с кровати, на которой, к слову, расстелился, и возвышается надо мной.

– Твоя мама попросила фломастеры.

– Тогда какого черта ты ещё не взял и не испарился? Я могла выйти голой, это моя комната!

Его серые глаза наполняются лукавым блеском. Я не дожидаясь момента, когда он начнёт шутить в стиле «что я там не видел», открываю ящик, достаю фломастеры и сую пар-

ню, после чего открываю дверь.

– А теперь выметайся. *Пожалуйста.*

Я готова ликовать, что он свалил, но слишком рано. Потому что Трэвис останавливается в проходе, он в нескольких дюймах и аромат его парфюма бьёт по носу. Чертовски приятный запах, достаивающийся чести попасть в список табу.

– Склероз? – я выгибаю бровь. – Ты забыл, что собирался больше никогда сюда не входить без приглашения?

Трэвис дёргает уголком губ. В конце концов, появляется свойственная ему надменность засранца.

– Уже входил.

Я не краснею, наоборот, вскидываю подбородок и смотрю в его глаза, выражая крайнюю степень равнодушия.

– Разве? Значит, это не было чем-то фантастическим и запоминающимся. Воспоминания блекнут, Трэвис, если они ничем не выделяются на фоне новых.

Он склоняет голову набок и прищуривается.

– Освежим память?

– Ты нашёл припрятанную отцовскую коробочку в гараже и поднатаскался?

– Набрался опыта естественным путём.

– *Vau*, должно быть, пятнадцатилетки в восторге, а теперь выметайся.

Шагнув в сторону, он закрывает дверь.

Дверь в *мою* комнату!

Не с обратной стороны, как того желала, а оставаясь в

спальне!

– Трэвис, сваливай по-хорошему, – говорю я, взяв баночку с кремом с туалетного столика и не утруждаясь наблюдать за ним.

Когда он вообще прилетел?! Вот, о чём приходе предупреждала мама или пыталась предупредить. Почему всё время не дослушиваю? Уж лучше бы на ужин явился Иисус Христос и вся его святая свита, чтобы карать меня за грехи.

– А что насчёт по-плохому?

– Я засажу тебя через ближайший час так, что задница будет полыхать и сиять оттенками синего и фиолетового.

– Удиви меня, Брукс.

Я поднимаю глаза и смотрю на парня через отражение.

Медленно улыбка растягивается на моих губах.

– Пакетик в твоём кармане издаёт громкое шуршание. У тебя есть время избавиться от него, потому что врач не прописал бы тебе травку.

– А если я не сделаю этого? – его глаза горят вызовом.

Я жму плечами, подхватываю пальцем крем и наношу на лицо мягкими и неспешными движениями, продолжая наблюдать за Трэвисом через отражение.

– В таком случае мне просто плевать, удивительно, что ты до сих пор это не понял. И ради всего святого, снизойди и избавь меня от своего утомительного общества.

Мои слова работают в обратную сторону. В прочем, ничего нового.

Трэвис подходит ко мне вплотную и останавливается за спиной. Дёргаюсь от ощущения твёрдой выпуклости в его джинсах, которая упирается в поясницу.

Хочу сделать шаг в сторону, но он загоняет в капкан и захлопывает его, расставив руки по обе стороны поверхности столика. Кожа на шее вспыхивает под горячим дыханием, стоит ему наклониться и застыть рядом с моим ухом.

– Я хочу по-плохому, – шепчет его бархатный голос, отзываясь в местах, которым стоило бы оставаться мёртвыми.

На долю секунды замираю, потеряв способность дышать, а после расплываюсь в ехидной улыбке.

– Как пожелаешь.

Мой локоть врезается в ребро парня, заставив его согнуться пополам и закашливаться.

К глубочайшему сожалению, Трэвис быстро приходит в себя и выпрямляется с таким довольным выражением на лице, как будто под дых только что получила я.

Собственно, получаю.

Его пальцы в один счёт оказываются на шее и с толикой нежности сжимают её, удерживая в одном положении.

Наши взгляды сталкиваются в отражении.

Его скула касается моей, когда он приближает своё лицо к моему, отчего они на уровне друг друга.

– Мне тоже нравится наша игра, Брукс. Возбуждает, не правда ли? Кто угодно заведётся. Уверен, когда твои пальчики ныряют в трусики, в этот момент ты думаешь обо мне.

О том, что ненавидишь меня. Ненавидишь, но думаешь обо мне. Это бесит тебя ещё больше. И тогда ты ускоряешься, чтобы поскорей закончить, а после ненавидишь себя и меня ещё больше за то, что не смогла перестроиться. Моешься в душе, чтобы смыть с кожи то, что получила благодаря мне, а потом ложишься в постель и снова пытаешься отмыть, только на этот раз сознание.

Он поднимает вторую руку и проводит пальцем вдоль моей, подбираясь выше по линии плеча. Его улыбка наполняется ликованием.

– Одна проблемка: тело ты способна замыть до дыр, но вот голову... – его палец шелковистым касанием постукивает висок. – Сознание никогда не отмоешь.

Я проглатываю каждое слово и выплёвываю своё с торжественной улыбкой, когда смотрю в его глаза.

– Последний раз я думала об Уилле.

– И что ты помнишь об Уилле? Ваше неудачное свидание?

– Ну, как сказать... Я бы не назвала неудачным, потому что кое-что...

– Давай, Одри, что ты помнишь об Уилле? Не заговаривай зубы.

– Тёмные, загадочные карие глаза, он улыбается каждый раз, когда смеёшься над его шуткой... – я хочу продолжить, но Трэвис затыкает меня, перехватив слово.

– Ты просто внимательная, Одри, это не новости. С таким успехом, ты могла бы запомнить каждый волосок на его

заднице, это не заставит тебя что-то почувствовать. В таком случае, ты и обо мне знаешь, например, что я ненавижу тыкву. Сколько бы раз тебе не доверяли пирог, я всегда получал самый маленький кусок. Сокращала мои мучения, а?

– Тогда просто отвали, Трэвис, я не собираюсь выгораживаться перед тобой. Мама всё ещё ждёт фломастеры. Потопись.

– Я могу задержаться, – подмигивает он и снимает тиски, выпрямляясь за моей спиной. – Поболтать, узнать, как дела или в туалет забежать. Мало ли.

Я поднимаю взгляд к импровизированному небу на потолке и вздыхаю:

– Боже, за что ты так меня ненавидишь?

Трэвис издаёт смешок, а я вспоминаю об атеизме и закатываю глаза.

– Я бы никогда не обратил на тебя внимание, если бы ты была подобием своей соседки. Но ты не она, а если и станешь...

– Ой, давай, сруби меня наповал. Ты же не думал, что я буду меняться из-за твоих извращённых замашек?

– Это могло быть весело, кроме того, о каких замашках речь?

Я делаю шаг в сторону, создавая дистанцию. К сожалению, одного шага слишком мало, чтобы покинуть зону его влияния. Она как радиация: поражает до косточек на расстоянии нескольких тысяч миль.

– У тебя фетиш на отказ, сразу хочешь побыть доминантным самцом и подмять под себя.

– Не помню, чтобы такое сработало по части тебя. Ты согласилась без прогибания.

– О, Боже, Трэв, очнись, я тогда была влюблена в тебя. Ты мог предложить отрубить мне конечность, и я бы согласилась, этим объясняется согласие на секс. Но спасибо, после всё как рукой сняло.

Он пробегается пальцами по моим плечам и собирает мокрые пряди, разбросанные по спине, в единый хвостик и чему-то улыбается. Я не придаю значение его действиям. Его улыбка никогда не означает приветливость, она обманчива. Это как впустить энантотоксин и смертельно отравиться, благодаря яду на губах вашего обмякшего тела застынет улыбка.

– Я догадывался.

Я беру молочко для тела и смотрю на Трэвиса.

– Раз уж ты тут, – вручаю ему тубик и натягиваю свою лучшую очаровательную улыбку, указывая на спину. – Будь добр, я не достаю до лопаток, а ты хоть какой-то пользой сможешь оправдать своё присутствие и разговор.

Трэв закатывает глаза и открывает крышку.

Я наблюдаю, как он выдавливает жидкость на ладонь и ослабляю полотенце на спине, крепко удерживая на груди. Уверенность в выдвинутом предложении тает на глазах. Иногда я хочу доказать то, что лучше оставить и никогда не

трогать.

Тёплые ладони касаются лопаток, и я вздрагиваю, проглотив ком.

Чертовски плохая была идея.

Трэвис аккуратными и медленными движениями разносит жидкость по моей спине. Я подавляю желание улыбнуться, наблюдая, с какой сосредоточенностью он делает это. Брови сведены к переносице, глаза следуют за руками, он дышит через рот, из-за чего прохладный воздух достигает кожи и пробуждает мурашки. Они сумасшедшей волной прокатываются вдоль рук и устремляются к животу, где тают, подобно снежникам, оставляя после себя лужи негодования. Эти лужи как напоминание о физическом контакте, который впредь стоит избегать.

Его длинные пальцы пробегаются по плечам и скользят по ключицам. Я выдыхаю, принимая умелые руки Трэвиса, массирующие плечи, но не забываю быть начеку. Стоит дать слабину и вернуться к «это ничего не значит».

– Если ты продолжишь массаж, я не уроню полотенце и не предстану перед тобой в чём родилась. Не пытайся, Кросс, но попытка может сработать на ком-то ещё.

Он поднимает серые глаза и встречает мой взгляд в отражении.

- Мне не надо делать массаж, чтобы получить желаемое.
- Ах, как же, – я кладу ладонь на сердце и тяжело вздыхаю.
- Но для тебя сделаю исключение, – соблазнительно до-

бавляет он.

– Не утруждайся.

Я слышу голос миссис Кросс, которая зовёт сына и не могу остаться равнодушной. Внутри смешиваются противоречивые чувства, от бешеной благодарности, потому что Трэв уйдёт, так и странное одиночество, обременённое нежеланием его ухода.

Трэвис предпочитает проигнорировать просьбу спуститься.

Он наклоняет голову к плечу, изучая моё лицо на признаки глубокой эмоциональной привязанности к нему.

– Я тебе не интересен, но ты подозрительно много времени уделяешь мне.

– Не припоминаю, чтобы последние несколько лет была инициатором диалогов. Чего не сказать о тебе.

– Твоя тетрадь.

– Это детская глупость, а потом просто стало весело. Но можешь не переживать, она уже марается о птичий помёт на свалке где-то в пригороде Нью-Йорка.

Трэвис ухмыляется.

– Никогда не поздно завести новую.

С этими словами он направляется к дверям, оставляя после себя аромат парфюма.

Никогда не пойму, что у него на уме.

Я шурю, ещё несколько секунд смотря туда, где только что исчез парень и задумываюсь, какого чёрта он последнее

время вытворяет. И должна ли вообще об этом думать, искать скрытые смыслы, мотивы, значения и что-то ещё.

Сейчас я была бы рада любому занятию, чтобы отвлечься от мысли о парне, чей тяжёлый взгляд снова буду встречать на другом конце стола последующие пару часов.

В конце концов, полотенце сменяю на джинсы и лёгкий шёлковый топ с V-образным разрезом, присоединяясь к людям в столовой. Они как раз занимают места за столом и тёплыми улыбками встречают меня.

– Одри, милая, ты прекрасно выглядишь, – говорит миссис Кросс, погладив меня по пояснице, как только усаживаюсь на свободный стул рядом с ней. Мистер Кросс шутливо подмигивает мне, накладывая в тарелку салат, рядом с ним устроился мой личный мучитель.

Зелёные глаза женщины полны любопытства, она приглаживает каштановые локоны и начинает скрытый допрос:

– Как успехи?

Я знаю, что всех интересует и с радостью закину удочку с интригой.

– Да, я обзавелась парочкой друзей и даже кое-кем не дружеским. Пока мы только общаемся.

У папы глаза на лоб лезут, над чем хочется от души смеяться.

– Одри? – удивляется мама. – Мы же обсуждали... хватает одного твоего друга.

– Боже, мама, Стив не Тёмный Лорд, чтобы ты боялась

произнести его имя. В Министерстве магии не узнают, что он нравится тебе. Он *не* может не нравиться. Он потрясающий.

– И сейчас мы обсуждаем не твоего друга, а того парня, – вмешивается папа, ещё бы он позволил перевести тему на кого-то третьего.

Я кошусь на Трэвиса и вижу ничто иное, как веселье, пляшущее в его глазах. Козел, ему доставляет удовольствие подобные расспросы.

Что ж, игра так игра.

– Митч, – с улыбкой, отзываюсь я. – Он... тоже невероятный, одно наше знакомство чего стоит. Но как я сказала, пока мы только общаемся.

– *Пока?* – осекается папа. – Что значит *пока*?

– Боже, папа, ты как первый день родился. Это означает, что мы переписываемся, болтаем перед сном, ходим на свидания и так далее. Мы присматриваемся и узнаём друг друга, как все нормальные люди, чтобы начать встречаться, а потом, может быть, пожениться, родить вам внуков. Палка, палка, огуречик, появился человечек. Занавес.

– Одри, ты доведёшь меня до нервного срыва и сердечного приступа.

Я смеюсь, как и все остальные за столом. Кроме Трэвиса. Знал бы папа, что за одним столом с ним сейчас сидит парень, который побывал в моей кровати не за разговорами перед сном, уже сейчас могли набирать номер службы спасения и ждать скорую и полицию, возможно, пожарных тоже.

Я встречаю взгляд Трэвиса и, кажется, он думает о том же.

– Брось все силы на учёбу, милая, – просит мама, накрыв мою ладонь. – Или по крайней мере, пусть она будет на первом месте, и только потом парни.

– А я хочу обратно в колледж, – посмеивается мистер Кросс. Он прямо-таки светится от одной мысли о возвращении. Серые глаза сосредотачиваются на сыне: – Ты, должно быть, в восторге.

Трэвис язвительно улыбается и, смотря в мои глаза, говорит:

– О, ты даже не представляешь, как мне нравится.

Если бы могла, то пнула его под столом, потому что взгляды родителей снова устремляются в мою сторону.

– Что? – оставаясь спокойной или пытаюсь быть таковой, сдержанно интересуюсь я.

– Меня тревожит ощущение, словно вы оба что-то скрываете, – бормочет миссис Кросс.

– Совесть вашего сына, но, боюсь, мы обманываемся насчёт её существования, потому что она умерла с его рождением.

Мама рядом ахает.

– Одри!

Миссис Кросс начинает тихо смеяться.

– Иногда кажется, что я разговариваю со своим сыном, когда завожу с тобой беседу, Одри. Вы одинаковые.

Я строю не самую радостную гримасу. Её полную проти-

воположность.

– Комплимент звучит как оскорбление.

– Не только для тебя, – говорит Трэв, отпивая из бокала. – Ты так сильно меня ненавидишь, мам?

– А я говорил, чем всё это закончится, – говорит мистер Кросс, переглядываясь между присутствующими. – Почему мы до сих пор надеемся, что всё пройдёт гладко?

– Тоже удивляюсь, – кивает папа, встретившись бокалом с отцом Трэвиса. Звон стекла наполняет пространство.

– Папа, ты каждое утро кормишь птиц крупой, пока мама не видит, – протягиваю я. – Вы просто наивные дети в телах взрослых людей.

– Ты кормишь птиц крупой?! – звонко восклицает мама, от чего фарфор в шкафу подпрыгивает на полках.

Ура, успешная смена темы.

Я подношу бокал ко рту и хочу выругаться, когда поверх стекла встречаю взгляд Трэвиса.

На его полных губах играет слабая усмешка. Я знаю, о чём он думает. Как бы прискорбно ни звучало, но иногда наши мысли действительно складываются в одну общую. Это одновременно напрягает и льстит. Мы оба весело наблюдаем за перепалкой родителей.

Глава 10. Трэвис

Жёлтое кресло, оттенок которого приближён к золотому, буквально поедает задницу мягкой обивкой. Настоящая пытка сидеть на одном месте, я никогда не славился усидчивостью. Обычно туда, куда меня садили – там уже не находили. С годами ничего не изменилось.

Этот стейк-хаус больше напоминает ресторан средневековья, нежели современный бар.

Огромные римские колонны по всему периметру вдоль зала со столиками, укрытыми белоснежными скатертями. С каждой свисает шар света и отбрасывает тени на лица присутствующих. Над головой старинный кессонный потолок, в центре которого огромных размеров люстра викторианской эпохи. Небольшое количество столов в зале обосновывается тем, что по правую сторону прячутся несколько отдельных комнат с длинными столами для компаний, но сегодня

там пусто, все гости сгустились в основном зале. Я предпочитаю направиться в сторону бара, расстелившегося на левой стороне, пока кто-то не вздумал повспоминать бурную молодость, из-за которой захочу наложить на себя руки. Как стало понятно: я не из числа любителей потрепаться за бокалом игристого. Неплохо было бы найти официантку, которая весь вечер посылает улыбки.

– Мой парень будет против, мистер Дюррей, – улыбка Одри такая же настоящая, как моя вера в Христа. Я едва сдерживаю смешок, когда прохожу мимо.

Но тёплая ладошка проскальзывает в мою и заставляет остановиться.

Её глаза встречаются с моими и молят о помощи. На мгновение кажется, что мерещится, потому что Одри просит помощи у меня.

– Да, малыш? – голосок Одри надламывается до мерзкого писклявого, который девчонки применяют, когда чего-то хотят.

Малыш? Ох, я на тонкой ниточке, которая удерживает от разрыва лёгких на почве смеха. Ей точно что-то нужно.

– Не знаю, о чём ты, – мне удаётся произнести ровным тоном. Я переключаюсь на мужика, которому она пытается отказать: – Она не моя девушка.

Ладонь Одри до хруста сжимает мою, а её острой улыбкой можно резать по металлу.

– Я так шучу, мистер Дюррей, конечно, мы потанцуем.

Она резко выдёргивает руку и направляется в центр зала, мужик следует за ней, утирая пот со лба платком, который уже можно выжимать. Не знаю, что это, но ему бы обратиться к врачу с проблемой потоотделения.

Я подхватываю бокал и присаживаюсь на высокий барный стул, оперевшись пяткой в выступ внизу. То ещё загляденье и веселье. Не могу сдержаться и улыбаюсь, делая небольшие глотки шампанского. Это один из лучших вечеров, ставлю сотню.

Одри идеально вписывается в интерьер. Её плиссированное ярко-красное платье струится по изгибам фигуры, открывает руки и лопатки, но закрывает грудь и колени. Длинная лямка через шею завязана в слабый узелок, при движении развивается по ветру и легко соскользнёт по плечам, стоит потянуть. Материал гармошкой прозрачный, под ним прячется более плотный подклад ткани. Её тёмные волосы, уложенные в слабые волны, перекинута на плечо и открывают одну сторону изящной шеи. Каждый раз, когда её глаза встречаются с моими – янтарь извергает молнии, а улыбка, которой она одаряет партнёра – фальшивая до последней капли. Мне нравится, как легко ей удаётся быть кем-то другим: кем-то до усрачки милым, потому что обычно под подлинным *милым* подразумевается оттяпанная до локтя рука. Но сегодня она действительно милая настолько, насколько возможно. Затишье перед бурей. Бомба замедленного действия тикает в обратном отсчёте. Я жду, когда она рванёт.

Поднимаю бокал и слабо киваю, продолжая посмеиваться. Но быстро замолкаю, видя, что мужская ладонь опустилась чуть ниже поясницы. И тогда ставлю бокал на поднос проплывающего мимо официанта.

Я, конечно, козел, но не настолько, чтобы праздник свёлся к полиции и заявлению о совращении.

Маневрирую между столиками и хлопаю по плечу того самого мистера Дюррея.

Он оборачивается и замешательство отражается на его лице.

– Я пошутил. Это моя девушка.

Глаза мужика округляются. Он бубнит какие-то извинения и отклоняется, предварительно поблагодарив Одри за танец. Упомяну, что это уже их второй танец за час. Мужiku не помогут даже таблетки для потенции, если решил вспомнить лихую молодость, тем более с дочерью своего друга. В лучшем случае ему понадобится хороший травматолог, в худшем – катафалк.

Я притягиваю Одри к себе и огибаю талию, ощущая её напряжение.

– Я не останусь должной за проявленное тобой милосердие, Кросс, – шипит она. – Если помнишь, как я благодарю, то больше не захочешь видеть такое спасибо.

– Переживу, – я натягиваю широкую улыбку. – И расслабься, *малыш*, мы же счастливая парочка влюблённых.

– Сложно осуществить невозможное, *малыш*.

– Сколько раз ты думала обо мне перед сном? Сколько раз ты ласкала себя, думая обо мне?

Её брови подпрыгивают от резкой смены темы.

– Хм, если сложить всё вместе и за несколько лет, то... ни единого раза.

Я улыбаюсь, на этот раз по-настоящему.

– Я ждал, что ты так ответишь.

– Молодец.

– Ага, знаю.

Так или иначе, Одри продолжает танцевать со мной, что на деле забавляет. Не думал, что она останется рядом дольше минуты. Но она близко. Её ладонь покоится на плече, из тела исчезло напряжение, лишь задумчивое выражение лица намекает на отстранённость. Физически она близка, но разум где-то далеко от меня.

Я пробегаюсь пальцами по ткани платья и следую по открытому участку на спине, от чего Одри вздрагивает и возвращается в реальность.

Её глаза находят мои.

– Напьёмся? – предлагаю я.

– Если ты решил, что так сможешь уложить меня кровать и трахнуть, как какую-то слабоумную дурочку, то попытка безуспешная.

Уголки губ дёргаются в крошечной улыбке.

– Сам факт того, что у тебя возникает подобная мысль – это подтверждение *твоего* желания оказаться в *моей* крова-

ти.

Я наклоняюсь и прижимаю губы к её уху.

– И почему это сразу должна быть кровать?

Одри фыркает и отступает назад, создавая дистанцию.

– На тебе свет клином не сошёлся, Трэвис, отсеки мою голову, если это произойдёт.

– Я подточу косу к твоему появлению.

Она задирает подбородок и расправляет плечи, из-за чего взгляд автоматически опускается на грудь. Впервые в жизни думаю, что закрытые платья создал дьявол, хотя он был предусмотрительным и всё-таки снизошёл до одного открытого участка.

Я провожаю взглядом открытую спину Одри. Обнажённый кусочек дразнит мужские взгляды, в основном официантов и бармена, когда она дефилирует мимо них и останавливается рядом с отцом, который тут же кладёт ладонь на её спину и с теплотой смотрит на дочь. Всегда задаюсь вопросом, как у такого миролюбивого человека выросла Одри.

Я перехватываю новый бокал и делаю большой глоток.

Этого мало.

– Пиво, – объявляю бармену, который продолжает смотреть в сторону Одри.

Я не такой тактичный, как хотелось бы, поэтому откашливаться и тем более ждать не в моём репертуаре.

– Эй! – громко окрикиваю парня.

Он подпрыгивает и находит меня. Ужас поселяется в его

глазах, как будто был пойман с поличным, из-за чего неожиданно выпаливает:

– Твоя девушка?

– Мой геморрой в заднице. Пиво.

За несколько секунд в руках появляется стакан с холодной жидкостью. Я топлю в нём разочарование и ищу ту, что утолит голод, заранее зная, что останусь голодным.

Мимо проходит хороший вариант, и я не теряюсь. Я был бы полным кретином, если бы не заметил, что каждый раз её путь прокладывается в шаге от меня. И нет, это не случайности. И да, я принял предложение ещё до того, как решил выдвинуть своё.

Направляюсь за незнакомкой, ощущая на затылке ту самую красную точку прицела автомата и руша теорию о том, что Одри является моей девушкой.

Через плечо ловлю её взгляд и подмигиваю, посылая ухмылку. Одри закатывает глаза и отворачивается, продолжая разговор с компанией стариков. Забавляет сам факт того, что она посмотрела вслед. Ревность – это вишенка на торте. Конечно, он и без украшения будет вкусным, но прекрасно сойдёт за приятный бонус.

– Я Ванесса, – говорит женский голос.

Я закусываю губу и посылаю её полуулыбку.

Сегодня тебя уволят, Ванесса.

– Трэв. Где тут туалет?

Ну, конечно, я знаю, где он, но почему бы не поиграть в

дурочка?

Девушка вежливо улыбается.

– Я покажу.

Мы оба понимаем игру, но так всегда интереснее, нежели прямое предложение перепихнуться в туалете.

Пара поворотов и перед глазами белоснежная дверь, она вроде врата в рай, но в тот, где царит разврат.

Я подмигиваю девчонке и дёргаю ручку.

– Спасибо за помощь.

Она кивает и делает шаг назад, прижимая поднос с груди. Её карие глаза светятся возбуждением, но мы теряем зрительную связь, когда захожу в комнатку и закрываю дверь.

На небольшом пространстве разместилось несколько кабинок, напротив которых широкая гранённая столешница с золотистыми мойками и зеркала. Вряд ли мужчинам нужно столько отражающих поверхностей, но кто я такой, чтобы судить?

Я мою руки и поправляю чёрную рубашку.

Даже если моя проводница передумала, я с удовольствием поизмываюсь над Одри, задержавшись в одиночестве.

Тихий стук в дверь заставляет улыбнуться. В одиночестве я не останусь.

Каштановые волосы, собранные в хвостик на затылке, появляются первыми.

– У тебя же нет девушки, – утвердительно произносит она, появляясь полностью.

Я быстрым взглядом окидываю стройное тело, хотя не могу отделаться от скудного чувства, подсознательно сравнивая с изгибами Одри. Белая рубашка скрывает небольшую грудь, юбка-карандаш держится на узких бёдрах. Скучно, но создано для подобного рода заведений. Стоит дополнить очками, красной помадой и карандашом в пучке из волос, как всё заиграет совсем другими красками, прямо-таки фантазии школьника-девственника.

– Я бы не просил провожать, будь это так.

– Трэв, ты можешь быть тем ещё мудаком-изменщиком, – её голос приобрёл смелые октавы, это импонирует.

Я поднимаю бровь.

– Пришла поболтать?

– Хочу расставить точки над *i*. Я видела, что ты танцевал с девушкой.

– И тем не менее, посылала намёки, поводила до туалета и вернулась сейчас.

– До того, как вы танцевали, – настойчиво замечает она, словно пытается убедить себя.

– Но ты тут, и ты понимаешь, что мы не пересечёмся завтра, послезавтра или через неделю.

В её глазах появляется любопытство.

– Не настаиваю на повторной встрече, но спрошу, с чего бы такая категоричность?

– Я улечу завтра и не верю в отношения на расстоянии.

– Сойдёт. Ты хотя бы имя моё запомнил?

Я остаюсь честным и жму плечами.

– А нужно?

Клянусь, девяносто девять процентов девушек уйдёт, если будешь говорить с ними в подобной манере и прямолинейно. Но она остаётся и более того, расстёгивает верхние пуговицы рубашки. Мне ещё никогда не было так просто, поэтому слегка обескуражен.

– Ванесса, – напоминает она, встав рядом и подставив руки под кран, из которого бьёт струя воды.

Девушка смачивает изгиб шеи, наблюдая за мной в отражении зеркала.

– И у меня пятнадцать минут на перерыв.

– Чертовски легко с тобой, это настораживает.

Она расставляет ладони по поверхности столешницы, оттопыривает попку и выгибает спину. Её розовые губы складываются в улыбку.

– Мы хотим друг от друга одного, зачем усложнять?

Я больше не жду. Провожу пальцами вдоль позвоночника, улавливая, как меняется её дыхание, и сую под юбку, провожу пальцами между складками и улыбаюсь.

– Такая мокрая, – хрипота в моём голосе выдаёт желание, и одной ловкой сменой положений она оказывается между мной и раковиной.

Девушка издаёт сдавленный стон и прижимается к моему набухшему члену плотнее.

– Не дразни, – отзывается она и резко разворачивается, в

следующую секунду оказываясь внизу.

Её большие глаза смотрят на меня снизу вверх, указательный палец скользит по пряжке ремня.

– Ловко, – усмехаюсь я.

Она смело расстёгивает ширинку и рывком стягивает брюки.

В потемневших глазах вспыхивает пламя, в следующую секунду она огибает тонкими пальчиками затвердевший член и делает медленные, томящие движения, из-за чего шиплю.

– Черт!

Я закрываю глаза и наслаждаюсь.

По спине пробегается волна возбуждения и приливает к паху. Её розовые губки на моём члене скользят по всей длине и вновь возвращаются к основанию, на смену им приходит язык, которым она следом облизывает головку. На секунду задаюсь вопросом, каким могу быть, но уже спустя мгновение подобные мысли исчезают. До этого нет дела. Я не из той эпохи, когда, взяв за руку, объявляют о семейном положении. Секс обесценен ровным счётом так же, как брак.

Расставляю ладони по столешнице перед собой, чтобы не рухнуть и наблюдаю, как двигается макушка. То ещё зрелище, когда перед тобой смелая, а не зажатая девчонка. Я никогда не был ярым ценителем скромности.

– Так хорошо? – спрашивает она, продолжая двигать рукой.

– Не болтай.

Она кивает, и лукавая улыбка трогает её губы.

Черт меня дери, она улыбается, когда сосёт мой член!

Сдохнуть можно!

Это будут те ещё пятнадцать минут, потому что главный подарок этим вечером, как оказывается, ждёт вовсе не именинника, а меня.

Глава

11

. Трэвис

Мне не нравится эта западня.

Родители сидят напротив друг друга за обеденным столом, и надеюсь, не из-за моего вчерашнего родео в туалете. Нас не видели, по крайней мере, я так думаю. И у меня нет номера телефона партнёрши по веселью, чтобы уточнить подобный нюанс.

Я встречаю взгляд отца.

Он смотрит на меня, как будто заранее ищет поддержку, и нервно теребит манжет рубашки. Но я всё ещё не понимаю в чём, черт возьми, дело. Хотя бы понятно, что причина не во мне, потому что в таком случае ребята, хлопающие по плечу, требуется мне, а не ему. Не менее прискорбное выражение на лице мамы. Они оба выглядят поникшими. В глазах грусть и некая паника, которая ослепляет вспышкой света, стоит им переглянуться.

У меня нет желания и тем более терпения ждать у моря погоды. Я не выдерживаю молчаливую паузу.

– Что происходит?

– Сын, есть разговор, – отец переглядывается с мамой и натянуто улыбается.

Я припадаю к проёму и складываю руки на груди, позволяя им вывалить новости.

– Мы решили развестись.

Мне кажется, меня оглушает волной ультразвука так, что из ушей кровь готова биться фонтаном.

– Что ты сказал? – собственный голос кажется чужим, как будто за меня говорит эхо.

– Мы разводимся.

Ко мне возвращается способность выражать эмоции. К сожалению, они далеки от радостных ликований.

Я раздражённо фыркаю и выглядит это как плевок.

– Да вы, мать вашу, оба прикалываетесь!

Но это не грёбанный прико́л, судя по их лицам.

– Послушай, иногда людям лучше разойтись, – мягко доносит мама. – Их отношения изжили себя, как, например, наши, Трэвис.

Испытывая неимоверный гнев, кипящий под кожей, с дури швыряю вазу, которая оказывается маминой любимой. Стекло разлетается на мелкие осколки, но мне нет до этого дела.

– Трэвис... – снова начинается она, но я выставляю руку вперёд, останавливая будущие аргументы, оправдания и всё последующее припасённое ими дерьмо.

– Нет, – я стискиваю зубы. – Отношения, черт возьми, не могут изжить себя! Такое невозможно. Это сраное оправдание!

Я переглядываюсь между ними, не скрывая бешенство, граничащее с ненавистью.

– Два взрослых человека не могли удержать на плаву собственный брак, прикидывались, что всё, мать вашу, шикарно! Семейка из рекламы сока, усратья можно от счастья! Да нас можно печатать на обложке Family Circle!

– Трэв... – суровый тон отца не пугает, я лишь небрежно отмахиваюсь.

– О, да мне плевать, даже не пытайся утешить или как там это называется. Давайте лучше решим, кому я теперь достанусь. Кто будет брать меня по выходным?

– Ты всё преувеличиваешь, – тихо вздыхает мама, сцепив

пальцы в замок так же, как я зубы.

– А знаете, разводитесь. Насрать. Вы оба слабые, как подошва на моих кроссовках.

– Милый, мы...

– Заканчивай, я не хочу слушать ваше дерьмо. Вы не смогли или не пытались дать друг другу второй шанс. Вы не перекинете ответственность на меня. Я не буду ничего решать. Мне плевать, делайте, что хотите, я сваливаю отсюда.

Зашибенно! Просто охренительно!

В одиннадцать утра я хочу спалить родительский дом к чертям собачим, чтобы уничтожить ложь, которой накормлен и которая преобразовалась в тошноту. Через несколько часов самолёт, а я бы с удовольствием воспользовался услугами частного лайнера уже сейчас.

Я забираю привезённые вещи и покидаю стены дома, не желая слушать голоса родителей и тем более смотреть в глаза.

Поверить не могу, что не увидел разлад. Что был слеп по отношению того, что происходит прямо перед носом. Этим двоим можно выписать Оскар за лучшую игру в счастливую семейку, интерес лишь сколько вообще это длилось. Будет апогеем, если с момента моего рождения. Слова мамы о том, что отношения могут изжить себя – не переставая крутятся в голове. Это как признание в том, что вы не пытались, не искали точки соприкосновения, не обзавелись чем-то общим. Тем, что могло стать лекарством для брака и его сохранения.

Забавно, как легко люди отказываются друг от друга, придумав самое банальное оправдание, типа «мы разные люди», мои, кстати, подошли с особенной изобретательностью. Дело не в том, что вы разные люди, все вокруг разные люди вопль до индивидуального отпечатка пальца, а в том, что вы не хотели или не пытались создать свой мир.

Я захожу в первый по пути бар и начинаю с тяжёлой артиллерии.

– Виски.

Либо моё мрачное настроение, либо такое же выражение лица делают своё дело. Никто не спрашивает документы.

Одним махом осушаю стакан и кручу его между пальцев, уставившись в одну точку на неопределённое количество времени, словно какой-то псих. Так или иначе, я положил огромный хрен на каждого. Удивительно, как какой-то захудалый бар с пьяницами может стать местом, где уютнее, чем в доме, в котором вырос.

Я беру ещё один стакан и меняю стул у бара на столик с диванами у окна.

– Дерьмо, так это ещё не все сюрпризы на сегодня, – не скрываю раздражение, когда напротив свою задницу усаживает знакомое лицо.

Я делаю большой глоток, желая подавиться с сдохнуть на том месте, где сижу.

Вселенная не проникается ко мне милосердием. Кажется, всё накопленное она решила вывалить именно сегодня и

именно на меня.

Я впиваюсь взглядом в уroda напротив. Его карие глаза тоже растерянно не бегают по обстановке. Они смотрят в мои с вызовом и издёвкой. Держу пари, молитва, чтобы кто-то из нас откинулся или под задницей разрежало землю, открывая ворота напрямую в ад, не сработала.

– Выглядишь так, будто готов кого-то убить, – с ухмылкой замечает Стив.

– Какой ты чертовски догадливый, – саркастично бросаю в ответ. – Свали на хрен, пока этим кем-то не стал ты.

– Я тут из-за тебя вообще-то.

Я хочу сделать новый глоток, но стакан так и не достигает рта. Он замирает у губ. Сколько прошло времени? Сколько я пилился в стену?

Парень напротив играет бровями.

– Они попросили Одри, но она вернётся только через час, поэтому попросила меня присмотреть за твоей задницей, глотающей крепкий алкоголь во время позднего завтрака.

Я запрокидываю голову назад и раздражаюсь смехом. Он звучит фальшиво, злорадно.

– Ох, да, подожду, когда они узнают, что она заслала ко мне своего сомнительного дружка. Их маленькая любимица поменяет о себе мнение.

Стив откидывается на спинку дивана. Растянув руки по бортику, он смотрит на меня с ухмылкой, как будто что-то понял.

– А тебя это беспокоит? Переживаешь, что был у неё после тебя?

Я допиваю остаток жидкости и со звоном ставлю стакан на стол. Рука поднимается вверх, тем самым, заявляя о добавке.

Теперь нужно некоторое время, чтобы переварить то, что мог ошибиться и Одри всё же была с кем-то. Лицемерно с моей стороны, потому что сам не являюсь верным рыцарем в сияющих доспехах. Более того, меня интересует ещё кое-что, например, что он посвящён в тонкости наших взаимоотношений.

– Твой член не способен взволновать меня, – в конечном счёте, всегда можно обороняться ложью. Отчасти, меня действительно не волнует его сексуальная жизнь, она красноречива так же, как и моя.

– Но, если он будет находиться внутри Одри, ты проникнешься интересом.

– Как видишь, мне до сих пор насрать. Делай выводы.

Стив замолкает, но по его губам продолжает бегать раздражающая усмешка. У мудака отсутствует инстинкт самосохранения, а я переполнен желанием выплеснуть злость. Он мог стать хорошим вариантом для драки, лучший противник из имеющихся вокруг, но Одри души не чает в ублюдке. Я не готов выпускать пар и усугублять, жертвовать тем крошечным светом, что остался внутри неё по отношению меня. Она не приехала сама, но подумала о том, чтобы кого-то приставить. Ей не плевать, это немного радует.

– Так что, Кросс?

Я приподнимаю бровь и принимаю новый стакан с выпивкой.

– Что скажешь?

– Посвяти меня в детали вопроса, – жидкость всё ещё обжигает горло, но уже не так, как первый стакан.

Стив смотрит на меня, улыбаясь во все тридцать два белых.

– Ты с ума по ней сходишь, – он качает головой и издаёт смешок.

– Я бы не сидел тут с тобой, будь это так.

– А что бы ты делал? Сворачивал горы ради неё?

Я нехотя киваю.

– Так и есть, но получается, что мне насрать. Забирай и наслаждайся, пока не надоест.

– Без проблем, тебе-то не светит.

– Думаю, ты сам знаешь, что у меня нет проблем с сексом, как и у тебя.

Он щёлкает пальцами, как будто пришёл к какому-то выводу.

– Трахнуть какую-то малознакомую девчонку не проблема, проблема в том, что тебе этого недостаточно. Это так... выпустить пар, хотя тоже не весь. Чтобы уgomонить это чувство, тебе нужна Одри. Секс – это не только физически, но и эмоционально. Ты не получаешь насыщение и остаёшься голодным. Всё будет только с ней, потому что хочешь её голо-

вой и телом. Даже не рассчитывай, что получится обмануть себя.

– Надеюсь, на сегодня все наставления, Гуру? Или ты всё ещё думаешь, что я собираюсь обсуждать с тобой жизненные трудности?

– Я бы послушал.

– Придётся обломаться, а лучше всего свалить, тем самым, облегчив мне существование.

– Не в моих интересах. Честно говоря, я тут даже не из-за просьбы Одри, а из любопытства.

Стив потирает между большим и указательным пальцами подбородок, вглядываясь в моё лицо. Я закатываю глаза и делаю глоток, чтобы хоть что-то помогло вынести его присутствие. Алкоголь отличный способ, даже если через пару часов не пустят в самолёт и придётся отсыпаться в зале ожидания.

Мой взгляд ползёт по татуировкам на его руках, а разум пытается отыскать хотя бы что-то, что привлекло Одри, потому что вопросов, что привлекло его – нет. К сожалению или счастью, я всё ещё затрудняюсь ответить, что она в нём нашла.

– Хочу понять, есть ли что-то у неё к тебе, – Стив нарушает молчание.

Как точно подмечено, вот это я тоже с удовольствием узнаю.

– С тобой и так всё понятно, хотя... – он продолжает рас-

суждать, не дожидаясь ответов от меня. — Мне бы понять логику, которой руководишься и причину, почему отказываешься.

— Клянусь, тебя озарит, когда свалишь.

Его взгляд поднимается выше и останавливается над моей головой. Уголок губ парня дёргается.

— А вот и она.

Я резко оборачиваюсь и упираюсь глазами в девушку, вышагивающую мимо столиков с такими же ценителями спиртного. Дерьмовое утро может быть не только у меня.

— Спасибо, что выручил, — Одри обнимает Стива, и он привлекает её ближе, ухмыляясь мне.

Я показываю средний палец и беззвучно говорю:

— Ешь дерьмо.

Стив игнорирует и поднимается на ноги, награждая её такой очаровательной улыбкой, что всё выпитое рвётся в обратном направлении. Никогда его не переваривал, и дело не только в их дружбе, а чём-то для меня до сих пор непонятном. Может быть, потому что между нами есть сходство, а я никогда не любил себе подобных.

Он салютует прощание и, сунув руки в карманы джинс, направляется к выходу.

— Я даже не буду спрашивать, какого хрена тут делаешь ты или подослала его, а спрошу, как нашла.

Её янтарные глаза останавливаются на мне.

— Программа на твоём мобильнике, которую родители

установили в четырнадцать.

И как я забыл? Стоило бы избавиться от этого жучка на хвосте.

Одри продолжает стоять, возвышаясь надо мной. Её длинные ноги обтягивают джинсы, чёрная водолазка заправлена под ремень, тем самым, подчёркивая все нужные изгибы талии и бёдер, ремешок небольшой сумки перекинут через плечо и тянется вдоль тела, создавая ямку между грудей. На несколько секунд взгляд застывает на туфлях с открытым носком и шнуровкой по центру, после чего возвращается к лицу.

Она отводит собранные в конский хвост волосы за спину и указывает подбородком на стакан.

– И с каких пор ты пьёшь с восходом солнца?

– А с каких пор совершеннолетний мальчик должен отчитываться перед кем-то?

– Чувствуешь, чем тут пахнет?

Я иронично поднимаю бровь.

– Твоим дерьмовым чувством юмора?

– Ха-ха-ха, – искусственным смехом, протягивает Одри.

Я допиваю остатки.

– Какого черта тебе нужно? Не помню, чтобы звонил и приглашал присоединиться.

– Вчера предлагал.

Одри бесцеремонно падает на противоположный диван и одним грациозным движением кладёт ногу на ногу. Обожаю язык её тела, сейчас поза читается как закрытая. В случае

чего, она готова обороняться.

– У предложения истёк срок годности.

– И? – она ставит локоть на спинку дивана и подпирает висок.

– А? – не могу удержаться, Одри как магнит для засранца внутри меня. Она вытягивает его на поверхность.

– Собрался играть со мной в гласные? – её носик морщится. Это явный признак неодобрения.

– Всяко лучше, но ещё хочется спросить, какого хрена тебе надо от меня?

– Твои родители переживают.

– Так позвони и скажи, что я в норме и счастливого пути.

– Я не уйду.

– Раз уж на то пошло, может, пойдём в туалет и трахнемся? Скрасим время и печаль чем-то приятным.

На этот раз черты её лица не искажает отвращённая гримаса. Она быстро привыкает к скверной стороне моего характера.

– Я бы съездила тебе по роже и ушла, будь другая ситуация.

– Но ситуация дерьмо, не откажешь же убитому горю парню?

– А знаешь, нет. Пошёл ты, Трэв.

Я киваю.

– Вот и отлично. Рад, что мы пришли к единогласному решению.

– Знаешь, – Одри поднимается на ноги и вновь смотрит на меня сверху вниз. – Мне сказали, почему ты психанул, и я не вижу в таком решении ничего, чтобы обозлиться на весь мир. Это решение сложное не только для тебя. Им далось намного тяжелее. Если для тебя важно, чтобы они оставались в отношениях, то будь готов видеть разбитые и несчастливые лица, которые по твоей прихоти живут вместе, в то время как у тебя своя жизнь на другой стороне страны. Ты взрослый мальчик, Трэвис, а ведёшь себя, как тот пятнадцатилетний трус.

– Поздравляю, ты запала на труса.

– И это всё, что ты можешь сказать?

– А ты ждёшь, что я изолью душу в длинном монологе?

– Слушай, в чём твоя проблема? Я до сих пор не пойму, что послужило причиной крушения поезда.

– Ты.

Глаза Одри расширяются. Дыхание учащается, и она абсолютно точно злится, но продолжает держаться. Это мне не нравится. А вот если она запустит стакан в стену – понравится. Мне нравится её вспыльчивость, тогда она настоящая.

– Шути в одного, если не умеешь общаться без сарказма. Я поддаюсь вперёд и смотрю на неё из-под лба.

– Не нравится быть причиной *крушения поезда*? Ну тогда слушай.

Я вытягиваю вперёд ноги и скрещиваю в лодыжках, кладу руки по обе стороны дивана и в упор смотрю на неё.

– Ты выбираешь всех, кроме меня. Любого существующего уроды на планете. Но не меня. Зануда Остин, шлюха Стив, грёбанный Уилл, сраный Митч. Парад уродов, твою мать. Все, кроме меня. Даже Максвелл!

Её лицо застигает удивление, а вокруг нас собирается любопытная кучка пьяниц. Тащите попкорн, сейчас будет драма.

Она пинает мою ногу, и я сдерживаю улыбку. Вот это уже больше похоже на Одри.

– А ты? Ты выбрал меня? Нет, Кросс, ты трахнул меня и свалил со словами «это ничего не значит»! Чего ты ждёшь? Что я расстелюсь звёздочкой перед тобой? Буду целовать газон под твоими ногами? Или я должна ползти за тобой, как будто ты последний парень на планете? Очнись наконец, у меня есть гордость!

– Я ответил тем же. Ты не выбрала меня – я не выбрал тебя. Ещё вопросы?

– Перед тем, как очередной раз пошлю тебя, скажу: я начала встречаться с Остином после твоих слов. Можешь считать, что сам меня подтолкнул.

– Ты начала с ним до того, как что-то было со мной. Теперь улови суть: никому не нравится быть одним из. Общаешься с ним – трахнешься со мной, будь готова, что тебя тоже кинут за борт.

– Ты в своём уме?! – шипя, шепчет она. – Ты бросил меня после первого секса! Я не побежала за тобой и оказывается,

в этом моя вина!

– Я не бросал. Всё изначально было понятно, и ты была согласна. Чего ты ожидала, Одри? Что в пятнадцать на всю жизнь?

– Только послушай себя! Ты хотел, чтобы это ничего не значило, и ты получил желаемое. Я не бегаю за тобой и не преследую, ты волен делать всё, что захочешь. Но ты чёртов эгоист! Ты запутался и решил, что это моя вина, что я должна разгребать твоё дерьмо!

– Я не просил.

– Тогда оставь меня в покое, не приходи ко мне!

– Не могу.

– Боже, да ты спятил! Что тебе ещё нужно?! Поскакать перед тобой на задних лапках? Или, может, мне тоже нужно отсосать тебе в туалете, чтобы ты забыл, как меня зовут?

– Хвалю за проявленную инициативу, но нет.

Одри хватается за голову и закрывает глаза. Она втягивает воздух и медленно выдыхает. Её глаза снова открываются, и я не вижу в них ничего. Плохой знак.

– Несколько минут назад ты предложил пойти и трахнуть-ся в туалете, – сухим тоном напоминает она. – Что тебе нужно? Чего ты хочешь? Почему я?

– Мне просто нравится рушить твою жизнь. Без причины.

И-и-и-и, приз за лучшее враньё по праву достаётся мне!

У меня всегда была причина оставаться вблизи. Хочу или не хочу, но не могу держаться в стороне, это невозможно.

Одри магнит для меня, вторая сторона моей медали. Тут работает принцип либо со мной, либо ни с кем. Я всегда знаю, что происходит в её жизни. А ещё я знаю, кто помог Остину расстаться с ней по переписке и сверкать пятками. Я на многое готов, чтобы всё оставалось по-моему. Вот такой я эгоистичный козёл, осудите за это, потому что не чувствую сожаление и ни капли не раскаиваюсь.

– Пошёл ты!

Она разворачивается и марширует к выходу, а я снова поднимаю руку за спиртной добавкой.

Дерьмовый день и худшее в нём то, что подкидываю дрова в пламя. Так уж вышло, что я всегда топлю корабль целиком. Есть во всём этом кое-что положительное: со дна только один путь – вверх.

– От них одни проблемы, – сипит за соседним столом мужской голос.

Я смотрю на помятое лицо и фыркаю.

– Оставь при себе своё жалкое мнение. Мне насрать. Я не тот, за чей счёт опохмелишься или добьёшь.

Мужик извергает проклятия, на которые плевать ровным счётом так же, как раньше. Я лишь надеюсь, что не стану его подобием и обещаю себе, что это последний стакан на сегодня.

Глава 12. Одри

– Это мне?! – не скрывая восторг, спрашиваю я, удерживая мобильник между ухом и плечом.

Мелодичный смех Митча мурашками расплзается по коже.

– Всё тебе.

Из груди поднимается счастливый визг, который тонет вместе с носом в цветочных бутонах. Я обнимаю круглую коробку, половина которой цветы, а вторая клубника в шоколаде. И то, что она в шоколаде – мелочь. Митч не знает, что я не приверженица сладкого. К сожалению, мне не досталась сверхспособность лопать сладкое и оставаться стройной, а вот понюхать булочку и после ещё год плакать из-за цифр на весах – это про меня.

Я мечтательно вздыхаю.

– Имей в виду, я могу привыкнуть и тогда запросы начнут

расти.

– Всё зависит от их адекватности. Меня не пустят в космос за звездой. Могу попробовать, но сомневаюсь в успехе.

– Сойдёт, – улыбаюсь я. – Обойдусь без звёзд.

– Тогда всё под контролем. У меня предложение, и я не знаю, как ты отнесёшься.

– Говори.

– Сегодня благотворительный вечер, я бы хотел, чтобы ты пошла со мной.

Я прищуриваюсь, теребя шёлковую ленточку вокруг корбки.

– И всё?

– Да.

– Сколько у меня времени?

Митч берёт несколько секундную паузу.

– Два часа.

Мне приходится сильно закусить губу, потому что эти два часа должна была потратить на подготовку и пробы. Я не могу отсиживаться и ждать, пока меня заметят. Хочешь получать предложения и быть на счету – начинай действовать. Вот, каковы были планы.

Я не в силах разорваться, желая всего и сразу, но выпаливаю раньше, чем думаю:

– Хорошо.

– Тогда заеду к шести, – в голосе Митча проскальзывают бодрые нотки, отрезая все пути обратно.

Я бубню что-то наподобие «созвонимся» и бросаюсь к шкафу.

Джинсы, блузка, туфли и помада – весь арсенал, благодаря которым можно добиться мирового успеха и даже симпатии со стороны комиссии. Волосы оставляю в лёгкой небрежности, перебросив на одну сторону и стараюсь улыбнуться отражению как можно очаровательнее. Улыбка – лучшее из оружий.

Я поворачиваюсь к Лав, которая всё это время наблюдала за мной с толикой замешательства.

– Ну, как? Сойдёт для программы новостей?

В зелёных глазах появляется одобрение, а на губах намёк на улыбку.

– Я бы хотела быть уверенной и красивой, как ты, – тихо говорит она, придвинув ноутбук ближе.

Я окидываю её недоверчивым взглядом.

– Знаешь, я думаю, что ты красивая, просто боишься быть в центре внимания из-за чужого мнения. Тебе стоит бороться со страхом. Самообман уничтожает самооценку лучше чужого мнения. И в первую очередь, избавься от всех мешковатых футболок, они убивают фигуру.

– Ты... – она поджимает губы, словно боится договорить, но я, кажется, догадываюсь и поэтому подсказываю:

– Помочь?

Она отрывисто кивнула и сжалась в одной из тех самых мешковатых футболок.

– Хорошо, но не сегодня.

Я хватаю сумочку и вылетаю из комнаты, а спустя мгновение – из кампуса.

За время пути едва ли не попадаю под машины. Дважды. Все сигналят и выкрикивают грубости на которые никак не реагирую. Знаю, это моя вина, и лучше бы за время короткой прогулки собраться с мыслями и показать ту, кто подойдёт на роль ведущей, нежели ту, что не может и двух слов связать. Мне нужно это место. И мне нужно показать себя на все сто, а не облажаться, что сейчас очень даже в моих силах.

Взгляд устремляется к полю, мимо которого следую и к знакомой фигуре в толпе парней.

В горле пересыхает.

Я заставляю себя отвернуться, но, когда делаю это, глаза возвращаются и продолжают пялиться.

Проклятие!

Трэвис расставил кулаки по бокам и свёл брови, слушая, полагаю, капитана. Мне открывается лишь одна сторона его лица, но всё равно замечаю сосредоточенность и собранность, которые он обычно выражает, как будто легко может переключиться от безудержного смеха к каменному выражению. Во мне горит зависть, потому что я не такая. Чтобы остыть, обычно приходится вымещать гнев на любом из попавшихся предметов, даже если придётся избить стул. Такое уже было. Я знаю, о чём говорю. И с недавних пор прогуливаюсь по кварталу или всемирной сети, в поисках че-

го-то привлекательного. Того, где можно выпустить пар. Айкидо, например. Хороший способ бить кого-то и не попадать в неприятности. А я очень люблю неприятности.

Я увеличиваю шаг, изучая самую простую футболку, обтягивающую его рельефное тело. Чертовски плохая идея это делать.

Огромный минус Трэвиса в его привлекательности, о которой он тоже осведомлён. Второй минус – загадочность. Хочется разгадать, узнать его, получить ответы, но я имею опыт и знаю, что результат не понравится. Именно в данную секунду напрашивается вывод, что когда-то меня шибануло не так уж и хорошо, если пялюсь сейчас. Но ведь это не запрещено? Все мы время от времени можем смотреть в сторону Феррари, но это не означает, что пойдём и купим её. Какой бы красивой не была машина, внутри неё индивидуальный характер. Характер Трэвиса желает лучшего. Он такой же скверный... как, ладно-ладно, мой.

К счастью, успеваю отвернуться до того, как почувствую его взгляд на затылке. Небеса сейчас распевают Аллилуйя, и я готова подключиться к псалмам.

Я быстро перебираю ногами по насыщенному светом коридору, вдоль которого расположились белоснежные колонны, на расстоянии между ними успеваю зацепить картины, в основном это постеры фильмов. Каблуки туфель стучат по тёмно-синей плитке под ногами, эхом отражаясь в стенах, под их ритм подстраивается kloкот сердца. В конце концов,

подходя к двери, жизненно важный орган ощущаю в горле. Лав явно поторопилась с выводами, завидуя уверенности, которую не испытываю сейчас. Меня одолевает страх и нервозность, а это худшие спутники на прослушивании. Не представляю, как Ви смогла что-то выдавить настолько хорошо, что получила роль. Сейчас хочется закрыть глаза и открыть уже тогда, когда всё пройдёт. Нельзя облажаться. Как бы сильно ни хотелось, но не будет второго шанса произвести первое впечатление. Это же грёбаная мечта быть в числе школы искусств Тиш. Мне откроются двери во многие компании, если буду в числе студентов, участвующих во вне учебных кружках. Сейчас тот самый случай, когда сдохни, но сделай.

Выполняю дыхательное упражнение и переступаю порог, попадая в помещение со столиками, за которыми ерундой страдают такие же желающие, как я.

Отлично, стоит вспомнить, что такое конкурентоспособность. Я едва ли не свернула шею, чтобы попасть в школьную группу поддержки, а тут придётся задействовать только улыбку и связную, чётко поставленную речь, без прыжков, шпагатов и помпонов.

Я падаю за один из столов и достаю телефон, прося поддержки у лучшей подруги. Она должна прилететь со дня на день и это как бальзам на душу.

Ви отзывается спустя минуту, отправляя собственную фотографию с лучезарной улыбкой на фоне доставшейся тёт-

киной мини квартиры.

Из меня вырывается сдавленный писк, на который обращают внимание окружающие.

Я подавляю желание подпрыгнуть до потолка и пишу: **Получается, мы не увидимся ближайшие сутки.**

Печальный эмоджи в конце предложения ставится автоматически. На ожидаемый вопрос, издаю тяжёлый вздох и набираю: **Потому что ты всё это время будешь занята Максвеллом, а у меня вечером что-то вроде свидания и общественного мероприятия.**

И я снова получаю вопрос, потому что ещё недавно на сегодняшний вечер не было грандиозных планов. Коротко рассказываю о предложении Митча и успеваю отправить, прежде чем услышу своё имя.

Вскидываю голову и вижу мужчину возрастом двадцати пяти. Он выглядит так, словно является студентом и в то же время окончившим университет. Возможно, ни в одном из предположений не ошибаюсь, студентом можно быть в любом возрасте, в распоряжении не только бакалавриат, но магистратура и аспирантура. Его миндалевидные глаза оливковым цветом устремляются в мою сторону, как только отрываю задницу от стула. Они оценивающе скользят по моему телу, порождая неприязнь. Я ненавижу, когда оценивают телосложение, но не в силах влиять на мужские повадки пещерных людей.

Он поправляет ворот рубашки постельного голубого от-

тенка, как будто она и так не на месте, после чего жестом приглашает подойти.

Именно его интерес заставляет выпрямить спину и забыть о страхах. Некоторым стоит наглядно показать, что у девушки имеется не только вагина, в которую можно сунуть член, но и мозги, которыми она умеет пользоваться.

Приглашение проходить так и не получаю.

Мне вручают лист с тремя новостями-анонсами.

– Пятнадцать минут на подготовку, – сообщается мне.

Улавливаю нотки высокомерия в голосе и мысленно называю парня Мистером Мудаком в рубашке. И, безусловно, в тех же мыслях посылаю его в задницу. Если первое впечатление можно произвести повторно, то он заочно завалил вторую попытку. Но вариантов не так уж и много. Я обязана научиться держать лицо и сохранять невозмутимость. Боже, это будет сложно. Уже известно, что я не всегда могу спрятать язык за зубами, когда дело касается мудаков, лучше сразу рубить топором.

Я возвращаюсь на прежнее место и абстрагируюсь от внешнего мира. Существует только текст, который необходимо отточить и получить за это бурные овации.

Университетские новости не такие уж и сложные в чтении. Не были вручены слова, о существовании которых раньше не имела понятия, поэтому память начинает работать режиме нон-стоп. В конце концов, к поставленному времени готова попросить сигаретку и закурить. Накатывает волне-

ние, орошает тем самым адреналином, по которому скучаю. Я буквально чувствую, как кровь носится по венам, предвкушение чего-то неизведанного, сладостью крутится на кончике языка. Я далеко не консервативный человек, мне всегда требуется что-то новое. Папа гордится подобной чертой моего характера. Он говорил, что не нужно перенимать выражение «не умеешь – не берись». Наоборот, не умеешь – берись и изучай.

Он чертовски прав. Я умру со скуки из-за стабильности. Мне нужно балансировать на грани провала и успеха, в этом заключается жизнь: взлёты и падения. Американские горки. Качели. Неизвестность. Тернистость.

Уже знакомое лицо появляется в поле зрения, приглашая внутрь.

Я чувствую себя готовой свернуть горы и попросить ещё одну сигаретку после этого.

В просторной студии нахожу ещё четверых таких же парней и все они не отличаются ничем от первого, разве только оттенками рубашек.

Чёртово везение!

Это будет легко, если случайно не наступлю на их тонкое мужское эго.

Обнажаю одну из припасённых вежливых и в то же время очаровательных улыбок, на которые только способна. *Улыбайся*, – как говорил папа, – *это введёт противника в заблуждение*. Мой отец, может быть, человек мира, гармонии

и всего того, что таится в радужном мире хиппи, но я всё равно склонна доверять его подсказкам и наставлениям. Они всегда работают.

Моя улыбка становится настоящей, когда вспоминаю кулон с символом пацифик, который подарила ему ради забавы и который он хранит по сей день. Папа способен заменить на посту Иисуса, чтобы тот взял отпуск и ни о чём не беспокоился. Удивительно, что у него родилась я, возможно, это заслуга мамы, которая более строга к моим выходкам. От неё никогда не получаю снисхождение.

Занимаю кресло за столом в виде полумесяца и спокойно реагирую на яркий свет и камеру. Пару месяцев назад я выходила на сцену с кучей зрителей в зале, способны ли меня напугать четыре человека с членом между ног? Вряд ли. Я была в короткой юбке чирлидерши в кругу напичканных тестостероном парней и выжила. Я прошла огонь, воду, медные трубы и ежедневные шутки с сексуальным подтекстом. Некоторые даже понравились, поэтому поднимаю табличку с оценкой десять из десяти.

Без запинки и волнения произношу всё то, что было на листочке и с лёгкостью пёрышка завершаю «эфир».

Хочется расплакаться от гордости за саму себя. Меня распирает на части и к собственному удивлению, не задумываясь о том, прошла ли пробы. В эту секунду важно лишь то, что справилась и справлюсь ещё тысячу раз. И, конечно, каждого награждают крылатой фразой «мы примем ре-

шение» или «мы вам перезвоним». Я не исключение. И мне плевать.

Я покидаю стены студии и уже на выходе врезаюсь в мужскую грудь, витая в облаках. Отшатываюсь назад и окрылённость как рукой снимает.

Его глаза насыщены чистотой светло-серого, а это означает нейтральность. То же самое, что сравнить с голубым небом без единого облачка. Белая футболка в некоторых местах грязная и практически вся влажная. Глупее и не придумать, ведь он был на тренировке. Разве были сомнения, что Трэвис не вернётся в прежнюю футбольную гавань? Нет. Он там как рыба в воде.

Я возвращаю взгляд от его груди к лицу.

По-хорошему стоило бы делать ноги, но я не всегда слушаю голос разума, поэтому выпаливаю:

– Уже успел сломать чьи-то кости или сегодня это не в твоих планах?

Усмешка украшает его губы, в глазах сияет озорной блеск, а не серебристые клинки. От него веет потом и парфюмом, и я почему-то нахожу в этом аромате что-то притягательное, знакомое. Ладонь чешется запустить пальцы во влажные и растрёпанные волосы. Совсем из ума выжила, если ощущаю всё это к Трэвису. Не позволяю себе углубляться и не дожидаясь ответ, тут же выдаю следующее:

– Ух ты, да ты в хорошем настроении. Полагаю, потому что всё-таки отнял чью-то кость и теперь можешь возродить

тёмного Лорда. Пришлѐшь приглашение на кладбище?

– С чего ты взяла, что я в хорошем настроении? – растягивает Трэвис, смотря на меня без обычной снисходительности.

– По глазам вижу.

Я обхожу его массивную фигуру и направляюсь к выходу из здания, а лучше бы бежала и торопилась на встречу с Митчем. Дополнительно корю себя за то, что ляпнула про глаза. Не о тех глазах, волосах и тем более аромате должна думать. Но ничего не могу поделать, всё работает на уровне подсознания. Я не в силах дать логическое объяснение за притяжение к нему, оно нежеланно и с ним можно бороться.

– Думаешь, что знаешь меня? – бросает вдогонку Трэвис.

– Нет и не хочу, – не оборачиваясь, отвечаю я.

– Ох, ну, да-да.

Я уже на верном пути свернуть за угол, как слышу:

– Твои глаза тоже о многом говорят. Ты читаешься как открытая книга, Одри. В тебе нет загадки.

– Купи сборник головоломок и отведи душу. А лучше найди загадку.

– Слова истиной истерички, – смеётся он.

Показываю средний палец и скрываюсь за углом, но всё равно слышу его громкий голос.

– Оставь при себе. Понадобится сегодня вечером, когда очередной раз будешь думать обо мне.

– Мудак, – проговариваю себе под нос.

Сквозняк отвешивает пощёчину, когда резко открываю дверь и выхожу на улицу. Хочется, чтобы холодный ветер остудил пылкий нрав и адреналин, который вновь ощутила благодаря перепалке с Трэвисом, но знаю, что это всего лишь надежды. На фоне испытываемого ругаю себя за то, что не вышла из студии несколькими минутами позже, в таком случае столкновение с Трэвом можно было избежать. Мне не нравится тот слабый трепет, который чувствуется после или рядом с ним.

Не нравится быть причиной крушения поезда? – на зло вспоминает разум.

Я хмурюсь и прибавляю шаг, но убежать от мыслей никогда не получалось. Они догоняют и продолжают насмехаться голосом Трэвиса. Вечер пойдёт насмарку, если продолжу в том же духе.

Глава 13. Одри

– Выглядишь потрясающе.

Я ровняюсь с Митчем, который тут же открывает дверь машины передо мной, предварительно чмокнув в щёку. Этот милый жест и комплимент заставляют покрыться румянцем все участки тела. Довольно удивительно, если учитывать тот факт, что я не из робкого десятка и уж тем более не падаю в обморок при упоминании слова «киска».

Я улыбаюсь.

– Спасибо, потому что всё это... – обвожу указательным пальцем чёрное платье-футляр, открывающее руки и длиной а-ля девочка-целомудрие до колен, имеющее фигурное декольте и навеивающее ощущение, словно вошла в роль жены премьер-министра, немного не в моём стиле. Завершаю предложение чистейшей правдой: – Было создано за полчаса.

– Полчаса? – брови Митча подпрыгивают, а следом он шутиливо бьёт себя кулаком по груди. – Ай да я. Какое счастье, что тогда мы ввалились в тот бар. Изначальный маршрут был другим.

Я прищуриваюсь, занимая пассажирское кресло в роскошном салоне приятного бежевого цвета. Чувствую себя чёртовой богачкой.

Ах, да, ещё женой премьер-министра.

– Хочешь сказать, что я могла остаться без Бибера на ночь?

Митч, сверкнув белоснежной улыбкой, огибает машину, ровно держа осанку и грациозностью тигра так, что некоторые студентки оборачиваются, видя дорогую машину на парковке кампуса. Я их полностью понимаю. Парень, облачённый в идеально пошитый темно-синий костюм-тройка, с не менее шикарными внешними данными не может оставаться в тени. Он всегда будет мишенью и желанным трофеем. Сейчас это не тот Митч в простой футболке и джинсах, распеваящий в баре глупые песенки и алкоголь, а деловой мужчина, знающий цену всему, что видит.

Он подмигивает завоёванным воздыхательницам и устраивается на соседнем кресле, выезжая на проезжую часть.

– Не могу гарантировать, – в конце концов, говорит Митч. – Мог найтись другой сумасшедший кандидат.

– Безумнее тебя?

– Такие тоже есть.

Я почему-то сразу поднимаю из сознания похороненный образ Трэва.

Если Митч безумен по-доброму, то Трэвис его полная противоположность. Сумасшествие моего *недобывшего* граничит на уровне «гори оно синим пламенем», порой кажется, что он может убить уже мёртвого. По спине прокатывается рой мурашек, отчего ёрзаю в кресле, но стараюсь оставаться спокойной, потому что в голове ножом вырезаются недавно брошенные Трэвом слова.

Непроизвольное фырканье вылезает и режет слух. Я не собираюсь думать от нём ни этим вечером, ни последующими.

От Митча получаю вопросительный взгляд, на который отвечаю молчаливым извинением.

Поверить не могу, что Трэвис может испортить мою жизнь без личного присутствия. Но ещё более прискорбно то, что в животе каждый раз что-то шевелится, стоит вспомнить о нём. Это моё проклятие. Ужасно, что, сидя по соседству с невероятным парнем, я думаю о другом. И прекрасно то, что всякое проклятие можно снять. Нужно лишь подобрать ритуал, а в данном случае – найти правильного человека. Митч – это мой способ навсегда смыть остатки Трэвиса. У него никогда не получится внушить мне чувство вины за то, что он начал. Это всё его вина. Это он оставил меня в руинах. И это он напомнил: для того, чтобы оттолкнуться подобно пружине, нужна точка опоры. Трэвис стал моей опорой. Он показал, что могу подпрыгнуть выше головы.

Я встряхиваю головой и прощаюсь с ненужными мыслями.

Когда Митч говорил о благотворительном мероприятии, я представить не могла, какой оно будет иметь масштаб.

Просторный зал демонстрирует всё древнеримское величие и изысканность. Стены кремовых тонов украшают золотистые молдинги, а многоуровневый потолок представляет собою отдельный вид искусства. Я поднимаю голову и разглядываю искусственные подсвечники, до дрожи поражаюсь роскошью и терпением людей, которые сотворили такую красоту.

Люди вокруг спешат занять свои места. Маленькие сумочки женщин, кажется, лопаются от количества денег, которые они готовы отдать. Моё сердце делает одобрительный кувырок. Я никогда не оставалась равнодушной к такому проявлению доброты. Даже если всё только ради собственной выгоды и похвалы, главное, что деньги получит кто-то, кому они действительно необходимы. Они спасут ни одну жизнь.

– Боже, я попала в рай, – полушепчча произношу я, озираясь по сторонам.

Митч жмёт плечом.

– Наверно.

– Ты привык и перестал видеть в этом что-то удивительное.

– Возможно, ты права, – его тёплые карие глаза обращаются ко мне от мужчины в чёрном классическом костюме,

которому он успел кивнуть. – Но мы всё равно можем напиться.

– Ни за что. Я хочу своими глазами видеть, как на столе будет отсчитываться каждый доллар для помощи нуждающимся.

– Они не дают наличку, Одри. Они выписывают чеки. Это не баночка с пожертвованиями на кассе в супермаркете.

– Значит, я хочу видеть стопку чеков с баснословными суммами.

– Я в тебе не прогадал, – с улыбкой замечает он.

Я считаю это за комплимент и дарю взаимную улыбку.

Спустя несколько минут начинается водоворот приветствий, пожатий ладоней, обсуждение непонятных мне терминов. Меня награждают лестными жестами внимания, от которых я, полагая, должна таять подобно сахарной вате. Тыльную сторону ладони целуют по меньшей мере десятком мужчин, некоторые щекочут кожу усами, от каких-то прикосновений бросает в дрожь, какие-то едва заметны и ничем неприметны. В конце концов, через небольшое количество времени желаю сбежать в дамскую комнату и вымыть руки. Я не поклонница телесного контакта с незнакомыми людьми, каким толстым бы ни был их кошелёк. Мне вполне достаточно вежливой улыбки. К сожалению, это не та область, где ценят простоту. Иногда места, в которых мы мечтаем оказаться, на деле не такие уж привлекательные. Не всегда желаемое совпадает с действительным. Или это просто не для нас.

Когда к нам подходит какая-то женщина с чопорным выражением на лице, я вовсе теряюсь.

Она сладко улыбается Митчу и притягивает какую-то блондинку возрастом двадцати двух лет, и я не буду сильно удивлена, если они родственницы. Такое ощущение, что девушку выставляют товаром. Что ж, она вовсе не против, судя по тому, как выпятив грудь с нехилым декольте, перенимает улыбку женщины. Это аквариум с акулами, среди которых обитают ядовитые змеи. Говорят, что змея не нападает, если не чувствует опасность, я готова оспорить данное мнение.

– Митчелл, – щебечет женщина, а блевануть хочется мне. Поразительные процессы и возможности организма подстраиваться под ситуацию.

– Ариана, – коротко кивает Митч, следом обращаясь к более взрослой версии девушки: – Миссис Грин.

Бледно розовое платье девушки облегает каждый изгиб её тела подобно второй коже, подчёркивая идеальный фарфоровый оттенок, и которая, вероятно, ежедневно подвергается излучению в лучших спа-салонах Нью-Йорка. Парадокс в том, что на её фоне я не чувствую себя хуже, как могла бы. Клише. Она ничем не лучше меня, а то, что сейчас торги идут на её – только ниже. Родители никогда не пытались выставить меня в лучшем свете, подложив под денежный мешок.

Её стеклянные голубые глаза небесного оттенка останавливаются на мне, а следом перемещаются на руку Митча, ко-

торая покоится на моей пояснице. В них тут же вспыхивает ледяное пламя.

Я выдаю самую лучшую фальшивую улыбку, от которой за версту несёт наигранной радостью.

– Прекрасное платье, юная леди, – отчеканивает женщина и глупо принимать это за искренний комплимент. Вполне возможно, она злорадно смеётся внутри себя.

Мне приходится напомнить себе, что эта женщина может спасти чью-то жизнь, прежде чем ляпну что-то язвительное.

– Спасибо, – лаконично отвечаю я.

– Одри, – Митч представляет меня двум гиенам, после чего вежливым тоном сообщает: – Извиняюсь, мы должны найти свои места.

Он не дожидается «приятно познакомиться», а тут же подталкивает меня вперёд.

– Не хочу, чтобы ты была замешана во всём этом, – создав расстояние, на котором нас не услышат, говорит он.

– *Во всём этом?*

– В дерьмовых сторонах моей жизни.

– Не переживай, я легко справлюсь с высокомерием девочки с чековой книжкой в заднице и её взрослой версией.

– Это ничего не меняет.

Стоит ему произнести это, как наш путь отрезается двумя незнакомыми лицами.

Этот вечер может стать сущей пыткой.

Две пары глаз бегают между нами. Я не могу прочитать

их эмоции, от чего становится не по себе. Я не признаюсь, но именно подобная черта пугает в людях. От таких не знаешь, чего ожидать. И таким является Трэвис, чёрт его побери. Опять.

– Прекрасная спутница, – начинает мужчина, рассматривая меня, к счастью, без неприязни во взгляде. Его глаза оттенком дорогого виски, останавливаются на моём лице. – Одри, я так полагаю?

Я отрывисто киваю и перевожу внимание на женщину, которую мужчина держит под руку.

Её точёная фигура под золотистым платьем кажется шикарной, такой женственности позавидуют девочки-подростки, хотя морщинки вокруг карих глаз выдают возраст. И я сразу отдаю отчёт, на кого похож Митч, понимая, кто перед нами. Боже, храни мои мозги, потому что я не припёрлась сюда в том, в чём ходила на прослушивание. Джинсы могли разойтись по швам от стыда.

Мужчина протягивает мне ладонь, я вкладываю свою, и он целует тыльную сторону, как все предыдущие до него лица мужского пола.

– Вы обворожительны.

Понятия не имею, как реагировать, поэтому отвечаю полуулыбкой.

– Мои родители, – представляет пару Митч: – Рональд и Меган Джексон.

Ничего не остаётся, как выдать:

– Приятно познакомиться.

– Мы бы поболтали, но через пару минут начало, поэтому лучше найти места, – снова говорит Митч, на этот раз не подталкивая меня вперёд. – Я дам вам возможность познакомиться, но позже.

– Увидимся, красавица, – отзывается мистер Джексон, провожая нас взглядом. А вот подобные комплименты волей-неволей заставляют поёжиться от беспокойства. Совершенно не хочется слышать от взрослых мужчин, что я «красавица». Звучит как извращение из личного архива серийного убийцы.

Мы легко находим свои имена на одном из столов и прекращаем поиски, усаживаясь в кресла с мягкой обивкой.

– Твои родители тоже не лучшая сторона твоей жизни? – тихо спрашиваю я, чтобы никто из присутствующих за столом не мог нас услышать.

– Вовсе нет, – тем же тихим шёпотом, отвечает Митч.

– Тогда твоё поведение для меня не вполне понятно.

Он подмигивает.

– Не хочу тебя с кем-то делить. Если впущу кого-то третьего, то это уже не будет считаться свиданием.

– Мы не обсуждали тот вариант, что это свидание.

– Значит, я информирую тебя, что это свидание.

Я качаю головой и смеюсь, прогоняя мрачные мысли, которые начинают твердить, что подобное поведение – отклонение от нормы.

На зал опускается тишина. Верхний свет сводится к минимуму, на смену приходят настенные светильники. Я могла бы назвать атмосферу романтической, если бы не знала истинного повода для проведения мероприятия.

На небольшую сцену, созданную у одной из дальних стен, поднимается мужчина с залысынами среди седины. Приветствуя гостей, он заводит речь о том, как важна тема благотворительности, что в таком деле имеет особенное значение каждый собранный доллар. Его речь имеет ту же длину, что и Нил. И о ней можно складывать те же легенды. Я подумать не могла, что через десять минут захочу заснуть на благотворительном вечере.

Наклоняюсь к Митчу и озвучиваю свои мысли.

– Знаешь, если это свидание, то оно победило в списке самых скучных.

Он подносит кулак ко рту и тихо кашляет, прикрывая смех.

– В восьмом классе Хантер пригласил меня в кафе-мороженое и всё время молчал. Он, наверно, только два предложения за вечер выдавил, так вот, сейчас я думаю, что это было весело.

Митч издаёт что-то похожее на смешок и тут же извиняется перед соседями за столом.

– Ты можешь выставить свою кандидатуру на аукционе, – предлагает он. – Мужчины ведут торги и оплачивают танец, деньги идут в фонд помощи бездомным.

– Неплохо, пару минут можно потерпеть.

На его губах возникает дерзкая ухмылка.

– Меня?

– Поборешься за меня?

– Ещё бы, на нашем самом скучном свидании не хватает только чтобы ты танцевала с другим. Я готов расчехлить кошелёк ради такой покупки.

Он проводит пальцами по каштановым волосам и, тем самым, заставляет их принять небрежный вид.

– Ты только что испортил укладку, и все будут думать, что ты безумный брокер.

– Да и к чёрту, они всё равно смотрят на тебя, пока говорят со мной.

Всему приходит конец, поэтому мужчина на сцене завершает пламенную речь, и я вновь погружаюсь в мир богачей, которые только успевают поднимать руки «кто даст больше» сначала за предметы искусства, следом за танец с молодыми девушками. Я не решаюсь вклиниться в их ряд, возможно, из-за собственной нерешительности или же попросту не желаю чужих прикосновений, неизвестно, сможет ли Митч отдать за меня больше, чем какой-нибудь обильно потеющий старикашка.

В моих руках бокал успевает сменяться новым, отчего появляется слабое головокружение.

Я следую за Митчем по залу, останавливаясь только тогда, когда он заводит разговор с очередным мужчиной или даже

парочкой. Они пытаюсь включить меня в диалог, но напрасно.

Мечтая быть в центре внимания, мне хотелось вызывать у окружающих лишь положительные реакции. Но и тут частично в пролёте. Не имея никаких представлений, понятий, тонкостей и всего того, что связано с работой брокеров, – вроде камня, несущего ко дну весь мой внутренний мирок. Люди, заговаривающие со мной, хотели услышать что-то разумное, но всё, что удавалось сделать – улыбаться и кивать, подобно бестолковой игрушке на приборной панели автомобиля. За жалкий час от той уверенной девушки, которая смело смотрела в объектив камеры, осталась забитая в уголок собственной головы девочка. Она сжалась под тенью навеса и желает стать невидимкой. Но хуже того, что мой корабль потянул за собой тот, что принадлежит Митчу. Хотя он и поддерживал меня, ободрял, всё пошло крахом. В глазах его приятелей я не полноценное имя в списке, а Митч и его *плюс один*. Чувствую себя униженно и в этом только моя вина. У меня была небольшая, но возможность подготовиться, узнать хоть что-то. Я этого не сделала. Как оказалось, для меня было важнее нанести тушь на ресницы, нежели прибавить знаний.

Выпитый алкоголь бьёт по голове и желудку в самый неподходящий момент, и вот, с трудом выдавленного «всё в порядке», я оставляю Митча и несусь в сторону дамских комнат, едва не запинаясь о собственные ноги. Стыд прили-

вает к щекам, из-за чего хочется незаметно улизнуть, упасть в кровать и накрыться одеялом, позабыв о собственных глупостях.

Держась за стены и нависая над унитазом, мысли кружат вокруг спасательной операции и о том, чья задница занимала стульчак до меня. Это провоцирует желудок взорваться по-новому. Чудом удаётся найти последние остатки мозга и прислушаться, что за дверью никого нет, только после этого прочистить желудок. Да, я держала всю эту дрянь во рту. Поделом будет.

Дерьмо!

Я в дерьме!

Прижимаясь к холодной стене, роюсь в сумочке и достаю мобильник. Мне жизненно необходимо спасение, потому что такси – это последний из предложенных вариантов. Не хочу сесть и уехать куда-то за город, проснувшись в лесу. К слову, в лучшем случае проснувшись, есть и другая сторона медали. Просить отвезти Митча – ещё хуже. Он не болтает о мелочах и радостях жизни, а обсуждает будущие сделки. Настоящие унижение и неуважение отрывать его из-за ветра в голове.

Я набираю номер Ви, но получаю молчание, поэтому сквозь пелену и размытое зрение, набираю сообщение.

Эти минуты длиною напоминают путь грешника. А я и есть тот самый грешник. Мобильник начинает обжигать ладонь, но как только чувствуется вибрация, я принимаю вы-

зов.

– Ты опять попала в какое-то дерьмо? – раздаётся голос, от которого кровь стынет.

Я рычу.

– Какого чёрта ты звонишь мне?!

– Наверно, потому что ты могла ошибиться адресатом, девочка-неприятность, – цокает Трэвис.

Я отодвигаю телефон от уха и смотрю на сообщение, которое, отрубите мне пальцы, отправила ему, а не лучшей подруге. Чудесно. Прекрасно. Лучше быть не могло. Стоит переименовать Ви и Трэвиса, чтобы в контактах они никогда не стояли рядом.

– Забудь об этом.

Сбрасываю вызов и рывком отлипаю от стены, и это было зря, потому что начинают вращаться стены, а потолок меняется с полом.

Направляюсь к раковинам, чтобы хоть как-то остудить жар, ощущая, как по затылку ползут капельки пота, как выступила испарина на лбу, как в желудке зарождается новый приступ тошноты, а от горечи пересохло во рту. На языке вертится мерзкий вкус. Через отражение на меня смотрит не иначе как отваренный рак. Я почти чувствую, как замедляется пульс от подскочившего давления, в небольшой комнатке становится невыносимо душно. В одном Трэвис как никогда прав: я – девочка-неприятность. Сейчас эта девочка сношается по дну.

Экран мобильного загорается, и я читаю: **Я не собираюсь бегать и упрашивать. Помощь нужна тебе, а не мне. Удачи, неприятность.**

– Пошёл ты, – выдавливаю я неживому предмету.

Я подставляю руки под холодную воду и тут же прижимаю к лицу, обещая себе, что ни одна капля алкоголя не окажется на губах. Всё так хорошо начиналось, и я, как всегда, закончила это, похоронив собственным дерьмом.

Привожу себя в порядок и покидаю стены дамской комнаты, стараясь передвигаться медленно, но уверенно. Всё, о чём могу молиться и думать: исключение встреч с родителями Митча.

К счастью, хотя бы что-то мне удаётся.

Я возвращаюсь к своему спутнику и дотягиваюсь до плеча Митча.

Он резко оборачивается, найдя мой затуманенный взгляд.
– Мне лучше уехать.

– Родители хотят с тобой познакомиться.

Мне становится ещё хуже. Я подавляю очередной рвотный позыв.

– Пожалуйста, я плохо себя чувствую...

– Напилась без меня? – подраживает парень.

Я едва в состоянии пожать плечами.

– Мне ничего не оставалось. Просто поймай мне такси.

– Я отвезу, Одри.

– Нет, – довольно резко выпаливаю я, из-за чего некото-

рые оборачиваются в нашу сторону, я тут же смягчаю тон и выдавливаю слабую улыбку. – Пожалуйста, останься, не надо со мной нянчиться.

Митч, помедлив, всё же кивает и отклоняется в сторону со словами:

– Стой тут.

Я тру глаза и наблюдаю, как его пытаются перехватить и подключить к разговору. Хочется расплакаться, потому что это убивает ещё сильнее. Я вижу, что он старается быть вежливым и продвинуться дальше, но люди словно не замечают его стремление уйти. Тогда достаю телефон и переступаю через собственную гордость, нахожу последние остатки смелости, нажимаю вызов рядом с именем моей катастрофы. Да, Трэвис – моя катастрофа. Айсберг, на который я напоролась и потерпела крушение. Мой Титаник верно идёт ко дну всякий раз, когда речь заходит о нём и обо мне в одном пространстве.

– Помни, что я первый раз прошу тебя о помощи, Кросс, он же последний.

– Есть что-то ещё или это всё? – ровным голосом спрашивает он, совершенно не удивлённый моим заявлением.

– Это ничего не значит.

– А кто утверждает обратное? Такое чувство, что ты каждый раз напоминаешь об этом себе.

Мне хочется сказать, что ещё недавно он говорил обратное, стоя в пороге моей комнаты, но сдерживаю порыв. Вся-

ко лучше. Иногда с Трэвом лучше согласиться ради своего же блага. Я, как и он, умею уворачиваться от пуль.

Я размахиваю рукой, чтобы это заметил Митч и завершаю звонок, не желая больше иметь дело с Трэвисом, которому отправляю геолокацию со своим местонахождением. Он был хорошим способом протрезветь, но сейчас нужно совсем обратное. Мне бы хотелось упиться в стельку, чтобы его силуэт смешался с остальными.

Я нагоняю Митча и останавливаю его попытку уйти от разговора с компанией мужчин.

– Меня заберёт... подруга, – чертовски дерьмовая идея прибегать ко лжи. Но поздно. Невозможно вернуть слова обратно.

– Уверена?

– Не провожай меня.

Пожалуйста, чёрт возьми, даже не думай об этом!

– Одри, мне уже не нравится это, – хмурится Митч, отрезая наш разговор с помощью спины, которой повернулся к собеседникам.

– Я напишу, когда приеду. Не хочу, чтобы ты отрывался от разговора.

Хочется добавить, что я не так важна, но язык не поворачивается. Я не позволяю себе подобные мысли. Я важна, чёрт возьми!

Но не сейчас.

Митч кивает с той же угрюмостью.

Пошатнувшись, оставляю поцелуй на его щеке и спешу удалиться как можно быстрее. По пути успеваю подхватит пару бокалов с подносов официантов и одним махом влиться в себя оба. Поочерёдно, конечно. Обещание об исключении алкоголя легко забывается, когда дело касается Трэвиса.

Уже спустя мгновение, меня накрывает хуже прежнего.

Глава

14

. Трэвис

– Вот чёрт, – глубоко вздыхаю я. – Ты же недавно разговаривала со мной нормально, когда ты успела так накидаться?!

Одри вскидывает голову и, пошатнувшись на месте, расплывается в пьяной улыбке.

– Моя спасательная катастрофа, – мямлит она, отпрянув от фонарного столба, наверняка собирая с поверхности вековой слой грязи.

Я вскидываю бровь, но знаю, что трактование — это не то, чего стоит ждать. То, что я вляпался было понятно с самого начала.

Подхватываю под руку и хочу рассмеяться, наблюдая, как она ковыляет к машине. Желание подавляю, терпеливо помогая ей передвигаться. Мне охренеть как повезёт, если коврики в машине останутся целыми, как и чехлы.

Открываю дверь и помогаю Одри заползти на задние сиденья, потому что грациозно сесть девушка просто не в состоянии. Она продвигается выше и вытягивается во весь рост, который позволяет ей не скрючиться, а едва согнуть ноги в коленях. Чертовски шикарные ноги. И каблуки на этих ногах убьют салон, стоит ей начать ёрзать, поэтому вытягиваю ремешки из пряжек и снимаю туфли.

Я поджимаю губы и ещё раз вздыхаю, когда провожу по тем местам, где отпечатались следы. Дерьмово, что ради этого они жертвуют комфортом. Ни за что не надену обувь, которая будет жать в пальцах, вероятно, чего не сказать об Одри.

Взгляд скользит по подтянутым икрам, перемещаясь на чёрную ткань, облегающую бедра. Я поднимаюсь выше вдоль талии, и слабая улыбка трогает губы, когда останавливаюсь на умиротворённом лице. Она подпёрла ладонями щеку и имеет тот же вид, что маленькая девочка-ангел, вымотавшаяся после дня в парке аттракционов. Её грудь медленно опускается и поднимается, намекая на крепкий сон. Но это ложь.

Одри может держать заточку за спиной, чтобы пырнуть меня в любой момент. Актёрские навыки не помогут, я изучил её достаточно хорошо. Меня не обведёшь, а ход её мыслей передаётся задолго до того, как она предпримет то или иное решение. Кроме некоторых. Она может быть непредсказуемой, а это то же самое, что вручить пистолет врагу и повернуться спиной. Кроме того, я никогда не имел дело с пьяными девчонками. Одри буквально лишает меня девственности по части няньки-наседки.

Я оборачиваюсь и нахожу вывеску ресторана, к которому примкнуло множество машин. Их цены начинаются с *нихрена себе* и достигают уровня *на хрен надо*. Какого черта она забыла в таком вычурном месте? Не припоминаю, чтобы была поклонницей королевского шёлка. В любом случае, выяснять не собираюсь, потому что для этого её нужно оставить одну, а на данный момент такое вряд ли возможно.

Я закрываю дверь и огибаю машину, думая, куда везти её пьяную задницу. Кампус не лучшее решение, второй вариант — наш дом, хотя что-то внутри преграждает путь. Но что остаётся? Из вариантов только остаться в машине до тех пор, пока она не выпится и не протрезвеет. Дом пока лучший из предложенного. Максвелл вряд ли вернётся сегодня и даже завтра, если учесть, что прилетела Виктория; Уилл умотал на тусовку с новой командой, а вот по части Рэя не так уверен. Он не говорил, чем будет занят сегодня. Я не хочу отвечать на вопросы, хотя стоит сказать, что вряд ли от меня

можно ждать ответ. Так или иначе, уж лучше держать волосы Одри над унитазом, после которого она может умыться и попить воды, чем над кустами, после которых может втереться разве что о кору дерева и закусить собачим помётом. Выбор очевиден.

Я выезжаю на дорогу, продолжая балансировать между противоречивыми чувствами.

– Давай напьёмся? – едва волоча языком, предлагает Одри.

Я не сдерживаю смешок, взглянув на неё через плечо, стараясь не переключать внимание с потока машин.

Она осталась в прежнем положении, не сдвинувшись ни на дюйм, но её веки полуоткрыты. Я же говорил. Притворство ради нападения.

– Ты ещё живая что ли?

– До поросычьего визга, – игнорируя мой вопрос, продолжает Одри.

– Ты уже как хрюшка.

Она начинает хрюкать, старательно пытаясь повторить оригинал, чем заставляет меня рассмеяться. До недавних пор я любил её ненависть, но сейчас могу заверить, что пьяная Одри переплюнула все образы собственного «я». Отныне моя любимая версия Одри – это пьянчужка-Одри.

– Удобные чехлы, – хмыкнув, замечает она, прижимаясь щекой к кожаной поверхности и поглаживая её.

Клянусь, когда она в таком состоянии, могу болтать с ней

вечно, что удивительно для моей неразговорчивости.

– Ты буквально сейчас нюхаешь чьи-то задницы, которые на них сидели.

Она выдаёт неразборчивое брюзжание.

– Ты всегда всё портишь.

– Когда ты уже отрубись?

Её губы снова растягиваются в глупой улыбке. Уделалась она знатно, если учесть, что улыбка предназначена мне.

– Никогда на зло тебе.

У меня теплеет на душе, но всё равно не изменяю себе.

– Это твоя благодарность за спасение?

– Поцелуй меня в задницу, козёл.

– Обожаю тебя, – выпаливаю, в следующую секунду надеясь, что она забудет сказанное уже через минуту.

За спиной раздаётся тихий вздох.

– Хочу забыть этот вечер...

– Утром будешь думать только о боли в висках.

– Трэвис?

Я свожу брови, потому что слышать своё имя из её уст с мягкостью и нежностью – из разряда новенького.

Мне приходится обернуться, чтобы убедиться и поверить собственным ушам.

– М?

– Спасибо, – говорит она с закрытыми глазами, а следом они распахиваются: – Останови!

Она прижимает ладони ко рту и пытается подняться.

– О, черт! – резко выворачиваю руль в направлении тротуара и вылетаю из машины, помогая ей выбраться наружу.

Уже через пару секунд я, как самый святой из приспешников Иисуса с нимбом над головой, оказываю помощь чьей-то пьяной заднице. Задница, кстати, роскошная.

Вот же грёбанный прикол! Я в каком-то из районов Нью-Йорка, держу дрожащее тело Одри над мусорным баком, к слову, из которого воняет так, что позавидуют тухлые яйца, и всё ещё думаю, что она – лучшее, что было в моей жизни. У судьбы извращённое чувство юмора, как и у моей души.

Люди, находящиеся вблизи и проходящие мимо, тарашатся на нас, как на отбросы общества. Меня это раздражает.

– Следующей в этом баке будет твоя башка! – рывкаю я, и парочка имбецилов тут же отворачивается, а я переключаюсь на Одри, которая притихла, как и её желудок.

Убираю прилипшие локоны с щёк, её тело разит жаром.

– Ты как?

– Хочу напиться, чтобы ничего из сегодня никогда не вспомнить завтра.

Она вздрагивает и уже вот-вот ладонями припадает к краям бака.

– Черт, детка! – вырывается раньше, чем могу подумать.

Одри балансирует и не дотрагивается до самого грязного, что только можно вообразить. Черт знает, какую жизнь прожил этот бак, кто помочился или вывернул органы на его дно. Но настоящая удача, что Одри не слышала или не при-

дала значение ласкательному от меня в свою сторону, это могло быть гвоздём в крышку гроба.

Я делаю шаг назад вместе с ней.

– Говори, если опять затошнит, – предупреждаю её. – И не трогай его руками.

Одри слабо кивает и вытирает лицо тыльной стороной кисти. Из меня снова вырывается вздох. Прямо-таки вечер мечты, лучше не придумаешь.

Я снимаю любимую ветровку и отдаю на растерзание Одри, которую подталкиваю в обратном направлении и усаживаю в машину.

Ты должен запомнить это, Иисус, если существуешь. Моё место в раю.

– У меня нет салфеток.

– Ещё бы ты рукоблудничал в машине, боишься чехлы замарать, – бубнит она, уронив голову на спинку и прижимаясь щекой к холодному кожаному материалу.

Я усмехаюсь.

– Мой интерес к руке исчез в пятнадцать.

– Сожалею той неудачнице. Иногда отстойно быть первой.

Мне не удаётся сдержать смех. Я слегка бью ладонью по крыше машины и качаю головой.

Моя неудачница прямо передо мной. Какая высоkokлассная ирония.

– Вижу, тебе лучше, – замечаю я. – Покупать с пенкой в ванной кампуса?

– Если только наполнишь её серной кислотой и купишь бутылку водки, чтобы забыть ещё и это.

– Кто бы мог подумать, ты уговариваешь меня напиться с тобой в ванной, Брукс. Что будет дальше? Подберём имена нашим детям?

– У предложения истёк срок годности.

Я снова смеюсь.

Бьёт меня моим же оружием. Ай, как больно.

Помогаю вернуться в лежачее положение и наблюдаю, как она сворачивается калачиком, на этот раз пряча лицо за сложенными руками.

– Мне не нравится, что ты такой милый. Прекращай. Я никогда не поверю в твоё благородство.

– Отлично. Тогда могу напомнить: тебя только что вырвало в мусорный бак на одной из улиц Нью-Йорка, и при этом, ты проскакала по асфальту босиком, так что твои ноги собирали кучу дерьма.

– Ты невероятный мудак.

– Стараюсь быть лучшим для тебя.

За путь, проделанный до дома, в машине стояла гробовая тишина, которую нарушало сопение Одри. А вот теперь вполне возможно, что она уснула. Я готов поверить на восемьдесят процентов. Остальные двадцать вроде натянутых, как гитарная струна, нервов. Никогда не смогу с ней расслабиться до последней капли.

Я останавливаюсь на подъездной дорожке и покидаю са-

лон, лишний раз убеждаясь в правоте, когда открываю дверь и Одри никак не реагирует. Она вырубилась, в чём одновременно плюс и минус.

Подхватываю её туфли, сумку, куда сую мобильник и следом в моих руках оказывается та же пьяная задница. Уровень любителя маньяка-грабителя: трахни-обворуй-вали. Самый простой из вариантов остаться инкогнито.

В доме темно и тихо, что не может ни радовать.

Я поднимаюсь по лестнице и направляюсь к своей спальне, потому что и тут не остаётся вариантов. Мало ли, кому из соседей приспичит вернуться с кем-то и ввалиться в свободную спальню, а не личную. На самом деле, мне глубоко плевать, увидит ли её кто-то в моей кровати или соседней спальне, потому что в доме только мы и это уже сам по себе апогей. Не надо гадать и долго думать, заморачиваться над ходом событий в которые никто и никогда не поверит. Но внутри отзывается до сегодняшнего дня незнакомое чувство, что-то вроде совести или сочувствия. Это неважно для меня. Это важно для Одри. Я переступаю через себя и ухожу на второй план. Некоторые сильно прячутся над мелочами, на которые стоит плюнуть.

Оставляю её на кровати и ухожу за водой.

Кто бы мог подумать, что именно я стану для неё нянькой. Это возможно только в параллельной вселенной. Ночка обещает быть весёлой.

Наверное, если описывать самого идеального на свете пар-

ня, то им по праву должен быть я, потому что на прикроватную тумбочку ставлю стакан и рядом кладу таблетку, а не достаю книгу нотаций.

Одри ворочается и приоткрывает веки.

– Где я? – хрипло спрашивает она и, найдя взглядом жидкость, тянется к стакану.

– В одном из захолустных мотелей за городом. Найду верёвки, чтобы связать тебя и вернусь.

– Захвати мыло, тебе понадобится.

– Твоя правда, – соглашаюсь, потому что её присутствие в моей комнате и кровати уже вроде жестокого наказания.

Она возвращает пустой стакан на тумбочку, янтарь загорается, когда обращается ко мне.

– Даже не думай об этом. Ты не будешь пить, пока находишься в моей кровати.

Одри морщится и пытается сползти, и я, к собственному удивлению, не особо препятствую попыткам. Её бледное лицо начинает зеленеть. Мне не удаётся подумать, реакция работает на автомате.

Хватаю её за руку и несусь в сторону ванной комнаты, а уже через пару секунд она нависает над унитазом, выдавая фееричную симфонию различных звуков. Этой ночью нам как максимум предстоит спать возле унитаза, либо как минимум потребуется тазик.

– Хочу напиться, – сдавленно произносит она, продолжая обнимать белого друга, а я, как истинный джентльмен, снова

держала её волосы. Смешно до умопомрачения.

– Серьёзно? Ты хочешь ещё раз уделаться, когда уткнулась лицом в унитаз?

– Я всё испортила! – её голос эхом разносится в белоснежном фарфоре и тонет в сливе.

– Ещё бы, мне предстоит быть уборщицей после твоих тошнотных шоу.

Одри бросает на меня смертоносный взгляд, отчего в животе зарождается адреналин. Он волной проносится по всему телу, следом прокатывается рой мурашек. Обожаю это чувство.

– Ты не можешь отключить мудака?

Язык чешется сказать, что уже это делаю, но оставляю желание при себе. Это пока самый дерьмовый из её видов, не хочется усугублять.

– Чего ты хочешь?

– Забыть этот дерьмовый день! – буркает она и тянется к сливу.

– Есть другие варианты. Готов помочь забыть собственное имя и кричать моё.

Одри сморщивает кнопочный нос и пихает меня локтем в колено.

– На смену пришёл козёл.

– Что сказать, я многогранен.

– Один раз, – говорит она, пошатываясь, когда поднимается на ноги.

– Потом ещё попросишь.

– Я не собираюсь кувыркаться с тобой. Помоги мне забыть этот вечер как друг и всё.

– Я не предоставляю такие услуги. Выкатить прейскурант?

Она включает воду и полощет рот, следом за чем поднимает глаза и встречается со мной в отражении зеркала.

Я указываю на шкафчик, понимая немую просьбу, и припадаю к дверному косяку спиной.

Наблюдаю, как она достаёт щётку и чистит зубы, после чего залезает в ванну и закатывает подол платья, конечно, не до того уровня, до которого мог посоветовать я и любой другой на моём месте. Я отказываюсь обращать внимание на оживление в паху, потому что картина полусогнутой Одри в ванной намного интереснее. Особенно та часть, где разрез декольте. Никогда не был любителем большой груди или её полного отсутствия, но Одри имеет шикарные изгибы, куда невозможно не обратить внимание. Ни один мужик не останется в стороне.

– Хватит пялиться на мои сиськи, – ворчит она, смывая грязь с ног.

– Не могу оставаться равнодушным.

Одри выпрямляется, найдя опору в стене и оглядывает меня с ног до головы.

– Раздеться и покружиться, чтобы ты рассмотрела получше?

– Я всё прекрасно помню.

На лбу образуется морщинка, когда она сдвигает брови понимая, что ляпнула.

– Не требуются напоминания, – тут же оправдывается она. – Ничего выдающегося.

– Да? А не ты ли говорила, что всё забыла, потому что как это... – я задумчиво потираю подбородок. – *Не было чем-то фантастическим и запоминающимся?*

– Я до сих пор так думаю.

– Ты топишь себя, Одри, когда продолжаешь отпираться.

Её челюсть дёргается. Черты искажаются под приливающей яростью.

– Спасибо, что напомнил, – рычит она.

Я подмигиваю и протягиваю руку, чтобы помочь выбраться из ванной. Кто бы сомневался, что она откажется, вцепится в бортики и вылезет сама.

– Ненавижу тебя.

– А вот за это можно выпить, – посмеиваюсь в ответ.

И это всё, что помню.

Последующие воспоминания накрываются медной крышкой. Мне наверняка сделали лоботомию, которая впоследствии привела к частичной амнезии.

Я жмурюсь и выдаю проклятия, когда понимаю, что кто-то или что-то касается моей ноги под одеялом.

Поворачиваю голову и чувствую, как сухой желудок прилипает к позвоночнику.

– Черт... – шиплю тишине. – Ну твою мать...

– Это должна быть моя фраза, – бубнит Одри, пряча лицо в пышном одеяле, а следом вовсе исчезая из поле зрения, сползая вниз.

Даже головная боль не заставит меня отказаться от себя.

– Догадываюсь, но попытаю удачу и спрошу: что было?

– Пошёл ты, Кросс!

Она пинает меня под одеялом, но успеваю ухватить её лодыжку и сжать. Игнорирую тупую боль после удара, потому что сейчас в убитом состоянии всё тело, такой же кажется раздутая голова. Я боюсь шевелиться и уж тем более принимать вертикальное положение, догадываясь, что из-за угла выглядывает похмелье и потирает ладони в готовности замучить до смерти.

Скольжу пальцами по гладкой бархатной коже поднимаюсь к колену, и стоит перебраться на бедро, как Одри дёргается.

– Не смей! – шипит она из-под одеяла.

Я улыбаюсь и продолжаю путь, скользнув по внутренней стороне бедра и наслаждаясь теплотой под ладонями.

Но не тут-то было. Одри бьёт меня по руке и одёргивает её.

– Я предупреждала!

– Мы голые в моей кровати, почему бы не воспользоваться случаем.

Одри фыркает и появляется в зоне видимости.

Я смеюсь, изучая её лицо, которое больше напоминает окрас панды: чёрные круги туши под глазами и белая мордашка.

– Ничего не будет!

– Потому что уже было или ты стесняешься дневного света?

– Потому что ничего не было и не будет!

Я иронично поднимаю бровь, а она морщится. Это был секундный немой диалог, смысл которого мы оба поняли.

Но всё равно брошу остатки сил и повеселюсь.

– Тогда придумай оправдание тому, что имеем. Ты голая. Я голый. Мы в моей кровати. У меня болит задница и, кажется, что-то прилипло к ногам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.